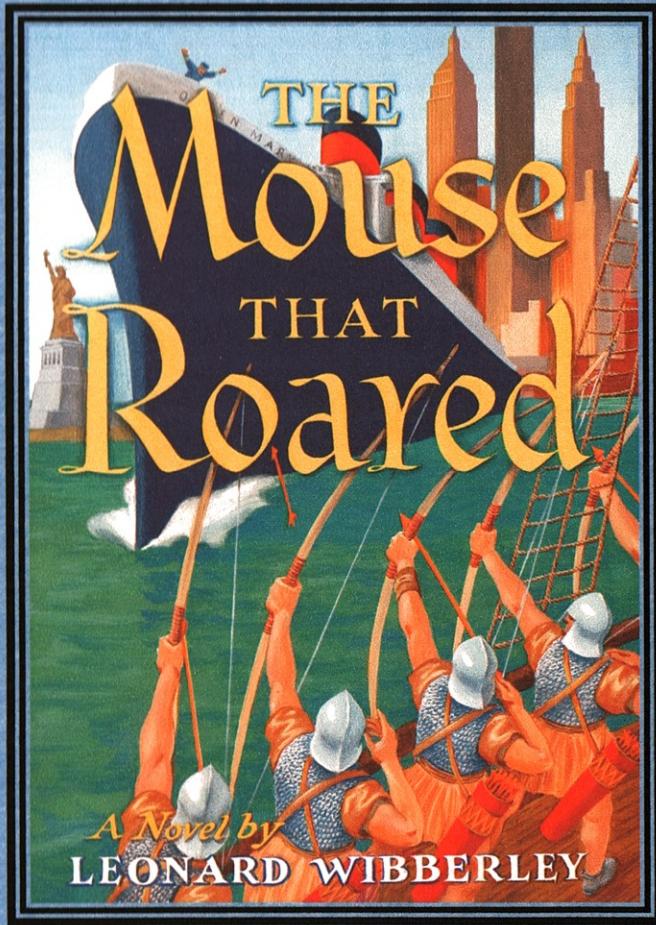

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

МЫШЬ, КОТОРАЯ ЗАРЫЧАЛА

Перевод с английского
Кира Булычева и Кирры Сошинской

БИБЛИОТЕКА
ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ဧရာဝတ္ထ

**БИБЛИОТЕКА
ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ရန်ကျိုး
ဇဂ္ဂာတ္ထ
Jōjō

МЫШЬ, КОТОРАЯ ЗАРЫЧАЛА

Лигон
Кангем
2020

УДК 82
ББК 84(0)6
М 96

Составитель
Кир Булычев

Перевод с английского
И. Можейко, К. Сошинской

В оформлении обложки
использован рисунок
J. Morris

М 96 Мышь, которая зарычала: Сборник юмористической фантастики / Пер. с англ. И. Можейко, К. Сошинской; сост. К. Булычев. — Лигон: Лигонское государственное книжное издательство «Кангем». Отдел литературы на иностранных языках, 2020. — 291,[1]с.: ил. — (Библиотека юмористической фантастики).

ISBN 0016-1981-03

В сборник юмористических произведений английских и американских писателей вошли фантастические повести и рассказы, переведенные Игорем Всеволодовичем Можейко (Кир Булычев) и Кирой Алексеевной Сошинской.

УДК 82
ББК 84(0)6

ISBN 0016-1981-03

© Можейко И.В., перевод, 2002
© Сошинская К.А., перевод, 2002
© Издательство «Кангем», 2020

ХРУПКИЕ СТРАНИЦЫ

Я учился в институте иностранных языков, на переводческом факультете, и когда завершил высшее образование, то меня, как и пятерых других женатиков на курсе, распределили в Бирму.

Объясняю: жить за границей неженатому советскому переводчику воспрещалось. Мало ли что придет в голову такому человеку? Тем более если он может объясниться с врагом на его языке, а настоящие патриоты не поймут, о чем они там договариваются (такие случаи отмечены). Лучше бы вообще обойтись без заграницы, но начальству вздумалось разводить кукурузу и догонять Америку.

К тому времени я уже вполне сложился как враждебный элемент. В основном, не сознательно враждебный, но потенциально опасный.

В том числе у меня вскоре обнаружился очевидный грех: я стал покупать и читать американские и английские книжки. Столько их накупил, что не хватило денег на машину, — я был единственным советским специалистом в Бирме, который умудрился не привезти автомобиль.

В числе книг все большее место занимали книжки фантастические. И понятно: я начал их читать в самый разгар золотого века американской фантастики.

Фантастика печаталась в журналах, на плохой оберточной бумаге. Зато обложки журналов и рисунки внутри создавались замечательными мастерами, на уровне с теми, кто писал рассказы и романы с продолжениями в «Amazing», «Wonder», «Astounding» и других, менее знаменитых.

К тому времени классики первого послевоенного поколения, чьи имена мы и сегодня произносим с пietетом, уже составили себе имя и имели за плечами по несколько книг.

Все это богатство можно было купить в маленьком книжном магазинчике, которым владел невысокий печальный англичанин, мистер Боун, женившийся после войны на бирманке и осевший в Рангуне, где не был нужен ни бирманцам, ни англичанам.

Порой, бывало, я просиживал в магазине Боуна по несколько часов, и, кроме меня, ни один покупатель туда не заглядывал.

Книги в тропиках пахнут особенно — они источают легкий аромат плесени. Этот запах остается в них навсегда. У меня до сих пор проживают дома несколько книг, купленных у Боуна, я их угадываю по запаху.

Особенно я ценю журналы пятидесятых годов.

В каждом номере — созвездие имен. И тех, что у нас на слуху, и тех, что гремели в те годы в странном и не понятном постороннему миру фэнов.

Господствовали в тех журналах Брэдбери, Азимов, Кларк, Пол, Андерсон, Саймак, Шекли, но не обходилось и без менее известных у нас писателей, таких как Мюррей Лейнстер, Филип Фармер, Джон Макдональд, Альфред Бестер, — господи, я и сегодня могу перечислить полсотни авторов!

Интересно, что рассказы и повести ведущих писателей кочуют из сборника в сборник, из антологии в антологию, и порой трудно понять, какой рассказ написан позавчера, а какой полвека назад. Зато с художниками всегда было иначе — они более, чем авторы, подпадали под влияние моды и вкуса эпохи.

Сейчас появилось немало энциклопедий, посвященных фантастическому искусству пятидесятых и шестидесятых годов, и по картинкам видно, как происходила эта эволюция. Конечно же, сегодняшние книжные иллюстраторы рисуют гляже, детальнее и пользуются компьютерами. Но после войны в фантастику пришли такие мастера, рядом с которыми сегодняшние художники кажутся выхолощенными, словно обсосанная палочка от эскимо.

Когда смотришь на рисунки в энциклопедиях, понимаешь, что годы, в которые я смог увидеть и пощупать журналы фантастики, — не самые яркие полвека. И мне

очень хотелось заглянуть в сороковые, в начало пятидесятых. Ведь рубеж между бурной молодостью художников и писателей и их солидной зрелостью проходил именно в пятидесятом году.

Именно тогда журналы были веселыми, богато иллюстрированными, снабженными карикатурами, а на их обложках обязательно изображалась красавица в полуобнаженном виде, которую спасал от пришельцев или чудовищ так же слабо одетый, но мужественный герой.

Такие обложки становились настоящим товарным знаком фантастического журнала. Внутри все было гораздо разнообразнее.

И вот в прошлом году, летом, я был в Лондоне и отправился на бут-сейл. Буквально это название переводится как «ярмарка багажников». Англичане любят переезжать из дома в дом. Считается, что семья должна менять жилище примерно раз в пять лет. Такие вот они беспокойные. Но когда ты переезжаешь, то обязательно обнаруживается, сколько дома есть ненужных и не очень нужных вещей. И тогда в воскресенье на рассвете все эти вещи грузятся в багажник машины, и машина выставляется на футбольное поле или пригородное пастбище. На газоне выстраиваются рядами сотни две машин, хозяева которых выкладывают на земле свое добро.

Честное слово, это очень интересная охота! Одних книг там — тысячи. А сколько постаревших или надоевших картинок в рамках, игрушек, безделушек, не говоря уж о люстрах или швейных машинках. И все это дешево — ведь торговцев-профессионалов там нет. Профессионалы, в первую очередь антиквары и букинисты, проносятся по бут-сейлу в шесть утра, когда торговля только начинается, и несутся на следующее поле — ведь по воскресеньям в Лондоне таких торжищ несколько десятков.

И вот в прошлом году я увидел на краю поля сундук.

Возле сундука стоял дедушка. Дедушка тосковал, потому что никто и смотреть на сундук не желал.

А я посмотрел.

Сундук был набит журналами, которые столько пролежали на чердаке, что плохая бумага, на которой они

были отпечатаны, стала хрупкой, словно пересушенное сено.

Но обложки!

Девицы, прекрасные, какими их только может представить подросток Джимми, рвались из щупальцев злодеев. Космические корабли опускались на Марс, а сумасшедший ученый таился в своей зловещей лаборатории, готовясь покорить человечество.

Я постарался ничем не выдать внутреннего трепета.

Я спокойно перекладывал журналы на траву. «Удивительные истории», «Потрясающие истории», «Захватывающие истории», «Научно-приключенческие истории»...

— Если возьмете, — сказал старик, — то я отдам вам все за сто фунтов.

Цена была запредельной, и у меня опустились руки.

Подошла бабуся, из бывших учительниц, и сказала старику:

— Ты зачем обижаешь джентльмена?

— А сколько вам не жалко? — быстро перестроился дедушка.

Я промолчал, потому что не был готов к сражению с дедушкой, который и сам-то спустился с того же чердака.

— Десять фунтов вас устроит? — спросила бывшая учительница.

— Разумеется.

— Только у нас нет веревки, чтобы замотать сундук.

— Я донесу!

Вдогонку мне старик крикнул:

— Я все это прочел!

Я приволок сундук в дом, разложил рассыпающиеся журналы на стопки по названиям, а внутри названий по датам, и обнаружилось, что у меня есть сорок с лишним номеров журналов, в основном сороковых и начала пятидесятых годов.

Два или три журнала относились к далекой, как мезозойская эра, эпохе тридцатых годов, и я их отоспал в Америку настоящему ценителю и моему другу Джону Костелло.

И долго не мог решить: что же делать с остальными?

Не класть же их обратно в сундук?

А потом решил, что вернусь к работе, с которой я и начинал свой путь в фантастику, — к переводам.

В этих журналах похоронены и забыты рассказы авторов, имен которых не помнят даже их соотечественники. А это не значит, что они плохо писали. Просто по каким-то причинам одни ушли в другие поля литературы и стали писать детективы или поэмы о любви, другие так и не смогли стать маршалами и сгинули в лейтенантах.

Я попросил о помощи Киру Сошинскую, которая не только книжный график, но и переводчик.

Мы вместе с ней пролистали всю груду журналов и пришли к выводу, что стоит попробовать сделать сборник юмористической фантастики давних лет.

Почему именно юмористическая фантастика привлекла наше внимание? Просто ее в те годы было относительно много. Общий возраст писателей был невелик, еще не надо было проверять себя в компьютере: а вдруг до тебя подобный рассказ уже кто-то написал?

Ведь в сороковые годы такой проблемы не стояло: каждый рассказ был новым, каждая идея — неопробованной.

Может быть, в некоторых рассказах чувствуется наивное время, некоторые хочется переписать. Но я убежден, что из современных журналов такого сборника не составишь.

Итак, перелистаем хрупкие, пожелтевшие страницы...

Кир Булычев

Леонард Уиббирли МЫШЬ, КОТОРАЯ ЗАРЫЧАЛА

Маленьким странам, которые во все времена старались добиться свободы и сохранить ее. Одна из них — моя родина.

1

Герцогство Великий Фенвик расположено на крутом склоне северных Альп и является собой пейзаж, состоящий из трех долин, реки, одной горы высотою в две тысячи футов и замка.

В северной части герцогства, там, где склоны с плодородной почвой хорошо освещаются солнцем и поливаются дождем, раскинулись четыреста акров виноградников. Виноград — мелкий, черный, с особым приятным букетом, из него делают вино «Пино Великий Фенвик», которое может украсить любую коллекцию вин.

Шестьсот лет производство вина «Пино Великий Фенвик» никогда не превышало двух тысяч бутылок в год. В годы плохого урожая эта цифра снижалась до пятисот бутылок. Кое-кто еще помнит ужасный 1913 год, когда из-за поздно ставшего снега и проливных дождей произвели только триста пятьдесят бутылок вина. Этот год гораздо сильнее отпечатался в памяти, чем последующие двенадцать месяцев, когда новости о внезапно начавшейся Первой мировой войне отошли на второй план перед сообщением о небывалом урожае маленьких черненьких виноградин.

Герцогство Великий Фенвик невелико по размерам: пять миль в длину и три в ширину. Шесть веков им правят то герцог, то герцогиня, а государственным языком герцогства, как ни странно, является английский. Для

того чтобы объяснить, как это все произошло, надо вернуться к основанию герцогства первым герцогом Роджером Фенвиком в 1370 году.

Роджер Фенвик, чей портрет находится в зале советов замка, возвышающегося над герцогством на высоте двух тысяч футов, имел несчастье родиться седьмым сыном одного английского рыцаря. Только два брата Роджера смогли дожить до пяти лет, но к тому времени, когда пришла пора отправить его в большой мир, скучные ресурсы папы Фенвика были полностью истощены. Тем не менее, было решено, что мальчик отправится в Оксфорд, в университет, где он мог бы при усердных занятиях впоследствии рассчитывать на место писца в церкви или секретаря какого-нибудь ученого джентльмена. Но еще до того, как ему исполнилось четырнадцать лет, Роджер покинул Оксфорд, и не потому, что ему трудно давалось учение. Просто он не хотел умереть голодной смертью еще до окончания курса наук.

Из записей, оставленных Роджером Фенвиком, можно узнать, что за два года, проведенных в университете, он выучил только три правила. Первое, которое ему казалось самым важным, состояло в том, что «ДА» всегда можно превратить в «НЕТ», если приложить к этому достаточные усилия. Второе сводилось к тому, что в любом споре всегда прав победитель. А третье утверждало, что хотя перо и обладает большим могуществом, чем меч, в каждый конкретный момент меч сильнее и эффективнее.

После того как Роджер оставил Оксфорд, он не вернулся под отчий кров и не искал помощи своих братьев. Владея в совершенстве большим луком, он присоединился к армии Эдуарда III, где стал получать пять шиллингов в день. Очень скоро он стал главным лучником, а после битвы при Пуатье был произведен в рыцари.

К этому времени ему исполнилось двадцать четыре года, и он решил остаться во Франции с гарнизоном Черного принца. Нельзя сказать, что им двигало чувство патриотизма, просто из практических соображений он выбрал военную профессию. После успешной кампании в Кастилии Роджер решил собрать собственный отряд.

Его отряд был невелик и состоял из командира, его оруженосца и сорока лучников. Роджер обладал богатым опытом ведения боевых действий, и не удивительно, что Карл Мудрый Французский нанял его для войны с Наваррцем. Нашего рыцаря не мучили сомнения по поводу лояльности английскому знамени. В войне между французами и смешанным англо-наваррским войском он выбрал сторону французов только потому, что накануне битвы их командир Бертран дю Гюслин пообещал Роджеру новые доспехи вдобавок к обычному жалованью.

В этой кампании сэр Роджер Фенвик так прославился, что Карл Мудрый поручил ему усилить отряд по собственному сэра Роджера усмотрению и овладеть замком, расположенным в южной области Франции на склонах Альп. Владелец этого замка примкнул к врагам короля. Если бы Карл Мудрый не был так занят другими делами, он обратил бы более пристальное внимание на отряд, собранный сэром Роджером.

Это была шайка дюжих, драчливых, вороватых англичан, которые ни при каких условиях не могли вернуться в свою собственную страну, поскольку за их преступления им там грозила расправа. У них могли бы отнять не только их имущество, но и жизнь. С этими головорезами сэр Роджер мог перенести любые трудности, начиная от бури с дождем и кончая осадой неприступного замка.

Когда замок был захвачен, сэр Роджер и не подумал вернуть его Карлу Мудрому. Он водрузил на главной башне свой собственный флаг, собрал жителей округи, провозгласил себя их новым герцогом и объявил им, что с этого дня они являются подданными герцогства Великий Фенвик.

Кое-кто попробовал возразить, им хотелось увидеть грамоту, удостоверяющую права нового герцога. На такие слова сэр Роджер швырнул на стол свой меч и заявил, что этот меч и является его грамотой.

— Я не знаю ни одного короля, волей всемогущего Господа сидящего на престоле, который не взошел бы на трон по горе из отрубленных голов. А что хорошо для короля, то хорошо и для герцога, — сказал великий герцог Фенвик.

Чтобы завершить создание герцогства, сэр Роджер определил его границы. Для этого было отмерено по десять полетов стрелы к северу и к югу от замка и по шесть к западу и востоку.

Сказать по правде, первые годы существования нового герцогства были очень тревожными. Карл дважды посыпал экспедиции против сэра Роджера, и они дважды терпели поражение, не в силах противостоять мощи английских лучников. Монархи, правившие после Карла Мудрого, также не добились успеха в своих нападениях на герцогство. И в конце концов, по прошествии лет, герцогство Великий Фенвик было признано независимым государством со своим национальным флагом, на котором был изображен двуглавый орел, говорящий одним ключом «да», а другим «нет».

Мирно проходили столетия. Судьба распорядилась так, что сэр Роджер весьма удачно выбрал место для своего герцогства. Там не проходили великие торговые пути, не существовало залежей драгоценных металлов и камней, не было важных для торговли рек — словом, не было ничего, что могло бы привлечь завоевателей. Три долины, лежащие внутри границ герцогства, были умеренно, но не чрезмерно плодородны. Этого хватало, чтобы обеспечить население пищей и произвести вино на экспорт. На склонах гор с более скучной почвой паслись овцы, что давало людям мясо и шерсть, и герцогство тихо и незаметно просуществовало до двадцатого века.

Это счастливое состояние могло бы продолжаться и дольше, если бы не уменьшающееся плодородие почвы и не возрастающая численность народонаселения. На пороге двадцатого века в Великом Фенвике проживало четыре тысячи человек, к началу Первой мировой войны эта цифра увеличилась до четырех с половиной тысяч, а когда разразилась Вторая мировая война, в герцогстве насчитывалось уже шесть тысяч человек.

Пришлось импортировать пищу и одежду, и впервые за шестьсот лет своего существования Великий Фенвик, который страстно хотел остаться независимым, начал оглядываться вокруг в поисках возможностей заработать

дополнительные средства на покрытие все возрастающих расходов.

План увеличения годового дохода при помощи добавления воды в экспортируемое «Пино Великий Фенвик» резко разделил герцогство на два противоборствующих лагеря. Лагерь разбавителей настаивал на том, что десять процентов воды в вине будет вовсе незаметно, тем более что восемьдесят процентов их вина покупают американцы, которые ценят этикетку, а не букет.

На выборах летом 1956 года разбавители провозгласили лозунг: «Да будет вода вином!» Он был поддержан докторами и виноделами, утверждавшими, будто бы вино, смешанное с водой, гораздо более здоровый напиток и его можно давать даже маленьким детям.

Противоположная партия анти-разбавителей называла этот план греховным обманом людей.

— Те, кто хотят добавить воды в «Пино Великий Фенвик», — негодовал князь Маунтджой, седовласый лидер партии анти-разбавителей, — готовы понизить ценность всякого произведения искусства. Они хотят, чтобы больше не было шедевров, а только сотни миллионов имитаций того, что раньше было уникальным. Скоро они захотят поместить Мону Лизу на почтовые марки. Вино «Пино Великий Фенвик» — кровь наших виноградников. Оно не может и не должно быть разведено. Этот кошмарный план, — продолжал возмущенный князь, — есть результат влияния враждебных идеологий. С одной стороны — это лицемерное влияние коммунистов из их кремлевских пещер, с другой — уловка капиталистов, сидящих в своих сверкающих американских небоскребах. Свобода, честь и будущее Великого Фенвика зависят от того, что мы скажем по поводу этого чудовищного плана на выборах в марте!

При подсчете голосов, поданных на выборах десяти членов Совета вольных, парламента Великого Фенвика, выяснилось, что среди них оказалось пятеро разбавителей и пятеро анти-разбавителей. В прошлом, во времена процветания герцогства, в таком случае должны были быть назначены повторные выборы, так как подобное

равновесие означало бы только тупик в решении важных вопросов.

Однако в это весеннее время, когда людей нельзя отрывать от пахоты, сева и работы на овечьих пастищах, устраивать повторные выборы было невозможно. И тогда дело передали на рассмотрение правительнице, герцогине Глориане XII, прелестной девушке двадцати двух лет, прямому потомку отважного сэра Роджера, основавшего государство.

Собрание, на котором герцогине был представлен кризис в Совете, можно было бы назвать историческим. Внешний мир этого события, правда, не заметил, но зато на первой странице «Вольного Фенвика», единственной газеты небольшого государства, ему посвятили целых две колонки.

В зал заседаний Совета гуськом вошли депутаты, облаченные в средневековые костюмы. Их сопровождал сержант в доспехах и с жезлом в руках. Этот жезл он положил на станичный Стол государства, за которым сидела герцогиня в средневековом парадном платье и герцогской короне. Члены Совета почтительно поклонились герцогине и чинно расселись, дабы услышать ее речь.

Все члены Совета были мужчинами среднего возраста, все годились герцогине в отцы. Каждый мог вспомнить, как катал ее, когда она была маленькой девочкой, в своей повозке (так как все они, кроме князя Маунтджа, были фермерами) или угождал грушами и виноградом из своего сада, как она ходила в школу вместе с их детьми, а, повзрослев, принимала участие в соревнованиях по стрельбе из лука. Когда год назад умер отец Глорианы и бразды правления перешли в ее руки, ей пришлось превратиться из соседки в правительницу, из молоденькой девушки в царственную даму, из согражданина в символ нации.

Первый раз в жизни Глориана должна была произнести тронную речь на открытии парламента. Будучи натурой уравновешенной, она все-таки немножко нервничала. Большую часть ночь она готовила текст выступления, тщательно стараясь избежать острых тем и акцентируя внимание только на неоспоримых вопросах.

К сожалению, единственной бесспорной темой была погода, хотя даже она не была совершенно нейтральной, так как погода, которая устраивала фермеров на юге, не устраивала фермеров, живущих на севере. И поэтому Глориана решила выразить надежду в том, что герцогство будет благословлять ту погоду, которая приемлема для всех, и что самоуважение, которое было характерно для народа Великого Фенвика в прошлые времена, позволит государству пройти через трудности к миру и процветанию.

За свою тронную речь Глориана была вознаграждена бурными аплодисментами. Ведь все делегаты относились к Глориане, как к дочери, но при этом теперь она являлась их правительницей, которой были доверены их жизни. Раздались возгласы: «Да здравствует герцогиня Глориана XII!» И вот наступило время выступления главы парламента.

В связи с тем, что кризис возник именно из-за равного количества представителей двух противостоящих партий, то на двухпартийном собрании было решено предоставить возможность для выступления перед троном лидерам каждой половины парламента.

Первым выступал князь Маунтджой, который ослеплял великолепием своих многоцветных коротких штанов, камзола и накидки с отлетными рукавами. После выборов он решил быть несколько более сдержанным в отношении разбавления вина. Он только сказал, что если вначале это и принесет некоторую выгоду, то впоследствии приведет к дискредитации вина и потере всех доходов от его экспорта.

Мистер Дэвид Бентер, упрямый коренастый мужчина, который медленно думал и медленно говорил, лидер партии разбавителей, изложил свой взгляд на обсуждаемый предмет.

Добавка десяти, всего лишь десяти процентов воды в вино не ухудшит его букета, но существенно увеличит доходы государства. Позволительно будет задать вопрос противникам этого плана, есть ли у них какие-либо предложения с равноценным эффектом?

Маунтджой, не отвечая прямо на поставленный вопрос, поинтересовался, где гарантия того, что разбавители остановятся на десяти процентах? Расходы государства будут возрастать год от года, вино станет разбавляться все больше и больше и постепенно сравняется с дешевыми столовыми винами Франции, несомненно, ответственными за падение национальной гордости и воинственного духа мужчин этой некогда славной страны.

Некоторое время дискуссия еще продолжалась, но, поскольку стороны были далеки от согласия, они обратились к трону, ожидая разрешения проблемы, и герцогиня столкнулась с первым в ее жизни парламентским кризисом.

— Бобо, — обратилась она к Маунтджою, забыв о формальностях и называя князя так, как привыкла это делать с детства, — как поступают другие страны, когда у них не хватает денег? Я не имею в виду большие страны, я хочу знать, что делают такие маленькие государства, как наше?

— Они выпускают небольшим тиражом новую серию марок, которую раскупают филателисты всего мира.

— Мы уже выпустили столько серий, что теперь они не оправдывают денег, потраченных на их печатание, — возразил Бентер.

— Я как-то читала, — сказала герцогиня, — что американцы дают взаймы миллионы долларов разным странам и даже не требуют возврата этих денег. Не могли бы и мы получить такой заем у Соединенных Штатов?

— Они дают деньги только тем странам, где существует опасность прихода к власти коммунистов, ваша светлость, — сказал Бентер. — В Великом Фенвике никто никогда не станет коммунистом. Мы в поте лица зарабатываем свой хлеб, но ни один человек не считает себя угнетенным. У нас нет причин становиться коммунистами.

— А если бы мы организовали коммунистическую партию только для того, чтобы получить деньги? — спросила Глориана. — Я не говорю, что это должна быть самая настоящая коммунистическая партия. Просто пусть кто-нибудь выступит с предложением объединиться про-

тив угнетения и все такое прочее. Надо, чтобы это попало в американские газеты. Пригласим американского сенатора, чтобы он увидел несколько массовых митингов, которые придется устраивать по воскресеньям, потому что в будни все заняты. Тогда по возвращении в Вашингтон сенатор порекомендует дать нам заем, чтобы спасти герцогство от коммунизма.

К ее удивлению, Дэвид Бентер, глава партии разбавителей и известный выразитель чаяний рабочего класса, выступил против этого предложения.

— Миледи, — сказал он, медленно покачивая большой головой, — этого делать нельзя. Если мы не сумеем вернуть заем, то нам придется поступиться своей независимостью, так как мы станем должниками другой страны. Мы не можем рисковать своей свободой. Наши предки передали нам свободу вместе с землей, на которой мы живем, и мы должны передать ее своим детям.

— Но мало того, что американцы не требуют возврата денег, они, как ни странно, не претендуют ни на чьи земли, — возразил князь Маунтджой. — Я полагаю, что мы должны принять предложение трона и организовать коммунистическую партию ради получения денег.

Еще целый час члены парламента обсуждали предложение герцогини, и наконец Маунтджой поставил вопрос на голосование. Шестеро проголосовали за, четыре — против.

— Теперь, — сказал Глориана, довольная своим первым выступлением в качестве лидера нации, — надо решить, кого мы назначим руководителем коммунистов.

— Он обязательно должен быть жителем Великого Фенвика, — важно ответил Бентер. — Иностранному коммунисту такую задачу доверить нельзя. У них нет чувства патриотизма даже к тем странам, где они проживают.

— Можно было бы попросить Талли Баскомба, — предложил Маунтджой. — Он ведь всегда выступает против всего. Надо сформировать двухпартийную делегацию и убедить его в том, что ему необходимо стать коммунистом, чтобы предотвратить крушение Великого Фенвика.

Герцогиня Глориана ХII в глубокой задумчивости потерла прелестный лобик своими прелестными пальчиками.

— Нет, — сказала она, — с этой деликатной миссией могу справиться только я сама. Маунтджой и Бентер способны добиться слишком большого успеха. Они превратят мистера Баскомба в настоящего коммуниста.

2

Талли Баскомб жил в маленьком уединенном домике на опушке Фенвикского леса, окружавшего замок, в двух милях от города. В этом городе проживало почти все население Великого Фенвикиа.

Лес был национальным заповедником. Возможно, было бы преувеличением называть этот заповедник лесом, так как он занимал не более пятисот акров земли. Любой, кто не был жителем Великого Фенвикиа, назвал бы это место рощей, а может быть, даже и рощицей.

Но Великий Фенвик так же гордился своим заповедником, как американцы гордятся сосновыми лесами Калифорнии. В заповеднике было пятьдесят пород деревьев, водопад в двадцать футов высотой, дуб, на котором повесился сумасшедший охотник, и три мили дорожек и тропинок для прогулок.

Талли Баскомб был главным лесничим Великого Фенвикиа. Этот титул подразумевает наличие лесничего более низкого ранга. Так оно и было. Помощником Талли служил его отец, Пирс Баскомб. Он отказался от звания главного лесничего в пользу сына, чтобы Талли мог заменить его, когда он умрет.

Старший Баскомб, высокий, худой, с очень густыми бровями, но с лысиной на макушке, пользовался всеобщим уважением. Он был единственным живым писателем в Фенвике, который вообще мог похвастаться лишь двумя писателями за всю свою историю. «Миграция птиц Великого Фенвикиа» Пирса Баскомба стала результатом глубочайшего исследования и издавалась по подписке горо-

жан. А его «Хищные птицы Фенвики» и «Певчие птицы Фенвики» были признаны во всей Европе.

Правда, один американский орнитолог заявил, что страна, которая составляет в длину всего лишь пять миль, а в ширину три, не может иметь собственных птиц и что там могут быть лишь перелетные птицы. На это Пирс Баскомб ответил письмом в орнитологическое общество. Он писал, что определить национальность птицы может только сама птица. Точно так же можно заявить, что нет британских или американских птиц, хотя многочисленные источники именно так их и определяют.

Кроме того, Пирс Баскомб издал три книги о флоре Великого Фенвики, и, хотя их общий тираж составлял всего лишь пять тысяч экземпляров, после герцогини Глорианы Пирс был самым уважаемым и любимым жителем герцогства.

Его сын Талли, хотя и пользовался репутацией философа и умника, все же не удостоился такого уважения, как его отец. Во-первых, он не считался ни с чьим мнением, да и со своим тоже. Он отрицал все, что бы ему ни говорили, а если и не отрицал, то подвергал любой факт самому скрупулезному исследованию, чтобы определить, правда это или ложь. Во-вторых, он был страстным путешественником. Талли Баскомб побывал не только во Франции и Швейцарии, но даже в Италии, в Англии и дважды в Америке. И все это при том, что у него не было ни пенни в карманах.

Каждый, кто покидал Великий Фенвик для поездки за границу хотя бы на неделю, подозревался в недостатке лояльности к своей родине. Кое-кто высказывал мнение, что Талли недостоин быть гражданином Великого Фенвики и надо бы лишить его гражданства. От этого Талли спасло заступничество отца, но все равно отношение к нему осталось двойственным: то ли гражданин Великого Фенвики, то ли чужак.

С такими мыслями о семействе Баскомбов ехала герцогиня Глориана XII на своем герцогском велосипеде от замка к дому лесничих на опушке. Она пока еще не могла понять, нравится ей Талли или нет. Себе Глориана при-

знавалась, что, возможно, именно по этой причине решила сама поговорить с ним насчет коммунистической партии. Как раз благодаря этому случаю она могла бы понять свое отношение к нему.

Внешне Талли не соответствовал ее образу идеального мужчины. У него были кустистые отцовские брови и весьма крупный нос. Он был высоким, иногда казался сутулым, а его руки и ноги вели себя так, словно он был собран из деталей, не подходящих друг к другу. Еще он обладал одной весьма невежливой привычкой — смотреть прямо в глаза собеседнику, отчего создавалось ощущение, что даже в самой невинной беседе он подозревает некий подвох.

Герцогиня нашла Талли в кухне. Баскомб в кожаном фартуке, как заправский сапожник, прибивал подметку к ботинку. Когда Глориана вошла, Талли поднялся, указал ей молотком на стул, а затем вытащил изо рта несколько сапожных гвоздей.

— Я ждал вас, ваша светлость, — сказал он, когда герцогиня уселась. — Чем могу служить?

— А почему, собственно, вы меня ожидали? — возмущалась Глориана, слегка покраснев от досады. — Разве вас кто-то предупредил о моем приезде?

— Нет. Но последние выборы закончились вничью, а демократия при таком равновесии сил невозможна. Поэтому, хотя у вас и есть народное представительство, у вас нет правительства. В таких обстоятельствах необходимо организовать третью партию, которая отберет голоса у обеих сторон. Я рассудил, что вы захотите, чтобы я создал третью партию.

Глориана опешила от такого приема и некоторое время не могла вымолвить ни слова. Она чувствовала себя так, будто ее обманули. Она собиралась удивить Талли своим предложением, а вместо этого он сам удивил ее. Глориана решила, что он ей определенно не нравится.

— Ну что ж, — наконец сказала она, — вы совершен но правы. Я действительно хочу, чтобы вы организовали партию. Но я не хочу, чтобы этой партии сопутствовал успех, мне нужна только видимость успеха. Вы ведь знаете, что у нас плохо с деньгами.

— Кто же этого не знает, — ответил Талли. — Как видите, я сам чиню свои ботинки. Правда, теперь мне стало понятно, какое это интересное занятие. Удивительно, почему люди предпочитают платить за то, чтобы кто-то делал это за них. Если вашей светлости понадобится сделать новые подметки, я буду совершенно счастлив усугубить вам в качестве сапожника.

— Нам теперь не до шуток, — резко сказала Глориана. — Все очень серьезно. Великому Фенвику нужны деньги. Население так увеличилось, что собственных продуктов не хватает. Приходится импортировать пищу и одежду. Мистер Бентер уверяет, что, добавив в вино воды, мы увеличим экспорт вина. Но князь Маунтджой настаивает на том, что эта мера чревата разрушительными последствиями. Поэтому мы хотим, чтобы вы организовали третью, коммунистическую, партию. В следующее воскресенье устроите митинг (мы получим на это разрешение епископа Альвина), скажете народу, что правительство должно быть свергнуто и все такое. Тогда мы доведем до сведения американцев, что нашему герцогству угрожают коммунисты, и американцы дадут нам деньги, в которых мы так нуждаемся.

Пока Глориана говорила, Талли закурил трубку. Надо отметить, что в последнее время некоторые формальности, ранее соблюдавшиеся при дворе, стали нарушаться. Поэтому Талли мог закурить в присутствии герцогини, ведь это же была не официальная аудиенция во дворце. А Глориана могла прикатить в домик лесничего на велосипеде. Не сидеть же ей целый день в замке взаперти!

— Коммунистическая партия! — воскликнул Талли и выронил из рук спичку. — Но у нас коммунизм не будет иметь успеха! Он невозможен в сельскохозяйственной стране. Можно заставить несчастных фабричных рабочих производить больше продукции, но нельзя приказать земле давать все больший урожай. И даже Маркс не в силах управлять погодой. Дождь идет тогда, когда он должен идти.

— Вот это как раз меня и радует, — сказала Глориана. — Повторяю, нам не нужен успех коммунистической партии, нам нужны деньги от американцев.

— Кроме того, — продолжал Талли, будто бы он и не слышал замечания герцогини, — мне не нравится коммунизм. Мне не нравится сама идея того, что кто-то может быть равен мне. Этого не может быть. Для кого-то я хороши, для кого-то плох. Именно поэтому я вовсе не уверен, что мне нравится демократия. Это ведь абсурдно — сравнивать голос человека, всего лишь умеющего читать, с голосом того, кто умеет читать на двадцати четырех языках. Это я так, к примеру.

К этому моменту герцогиня совершенно потеряла нить их беседы.

— Так какое же правительство приемлемо для вас? — спросила она.

— Не могу сказать с уверенностью, — ответил Талли. — Я было поиграл немножко с анархией и выяснил, что видов анархии существует не меньше, чем видов демократии. В анархии столько же анархий, сколько и в любой другой политической философии. Так что я все еще смотрю по сторонам.

— Хорошо, но пока вы оглядываетесь по сторонам, почему бы вам не попробовать немножко побывать коммунистом? Даже если это вам и не нравится, это ведь для блага вашей страны! Подобный акт патриотизма поможет нам выжить, а мы имеем на это такое же право, как и большие страны. Здесь почти шестьсот лет счастливо жили тысячи свободных людей. Великий Фенвик — маленькая страна, но это не значит, что мы должны поступиться своей свободой, которую мы отважно и честно пронесли через века.

В конце своей речи Глориана почти была готова заплакать.

Талли смотрел на нее с нежностью, которой он не испытывал ни к кому в мире, кроме своего отца.

— Вы действительно так любите Великий Фенвик? — ласково спросил он.

— Да, — ответила герцогиня, — так же, как весь наш народ. Это наша земля, наш воздух. Вы ведь тоже все это любите, верно?

Талли отошел к окну.

— Иногда, — сказал он задумчиво, — в Лондоне или в Сиэтле или в Шварцвальде в Германии, когда мне казалось, что я счастлив, я неожиданно вспоминал об этой долине, об этих горах, на которых по вечерам лежит голубой туман, и мое сердце так сжималось, что я немедленно возвращался домой. Это похоже на безумие, ведь на всех горах мира лежит голубой туман, и все горные долины похожи одна на другую.

— Разве вы любили бы так эти горы, если бы они были во Франции или в Швейцарии?

— Да лучше умереть!

— В таком случае, я уверена — вы любите Великий Фенвик. Это не просто горы. Это ваша страна. И сейчас она в опасности. Однажды мы победили, благодаря нашим лукам и нашему стремлению к независимости. Но теперь все это совершенно бесполезно. Нам нужны деньги. Сделаете ли вы то, о чем я вас прошу? Станете ли вы коммунистом?

Талли посмотрел ей в глаза и медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Даже если бы я согласился на это и мы получили бы деньги, так страну не спаси. Мы потеряли бы честь. Наш народ преднамеренно обманул бы другую страну, ставив у той деньги просто потому, что у нее их много. — Он немного помолчал, уминая табак в трубке длинным указательным пальцем. — Вы сказали, что маленькие страны имеют такое же право на выживание, как и большие. Но оттого, что Соединенные Штаты богаты и делятся своими деньгами, мы не можем себе позволить обманывать их. Ограбить миллионера так же бесчестно, как ограбить бедную вдову. Мы не имеем права задирать голову, если выживаем благодаря грабежу. Нельзя говорить о национальной гордости, если мы станем международными воришками.

— Я не задумывалась об этом, — растерянно сказала герцогиня. — Я все время думаю только о том, как бы раздобыть денег. Мы должны найти какой-то способ, но при этом не поступиться своей честью.

— Один из таких способов — эмиграция, — ответил Талли. — Можно было бы убедить людей поехать поработать в других странах.

Теперь уже Глориана покачала головой.

— Никто не может заставить людей уехать из их страны. К тому же, если это и поможет, то ненадолго. Нет, мы должны придумать что-то еще.

Они оба замолчали. Глориана глядела на Талли и чувствовала, что начинает нервничать. Несмотря на заботы об экономике страны, ей стало казаться, что в этом мужчине есть нечто, отличающее его от других мужчин и даже возвышающее его над ними. Тесто, из которого он был слеплен, явно замешивали на муке особого помола. Глориана смотрела на профиль высоко поднятой головы Талли и находила в нем необыкновенное сходство с портретом своего предка, сэра Роджера Фенвики.

Талли обернулся к герцогине, и сходство сейчас же исчезло.

— Есть единственный способ получить деньги от другой страны. Традиционно он считается абсолютно честным, — торжественно произнес Талли.

— Какой же? — спросила герцогиня Глориана со странным ощущением того, что в данный момент она разговаривает не с современным мужчиной, а с самим Роджером Фенвиком.

Талли подошел к камину и взял один из стоявших поблизости шестифутовых луков.

— Война, — сказал он.

— Война! — эхом отзывалась Глориана.

— Война, — повторил Талли. — Мы должны объявить войну Соединенным Штатам Америки.

3

Герцогиня Глориана выбрала из стоящего перед ней блюда самый красивый гранат и не могла сдержать улыбки, представляя себе его вкус, несмотря на то, что ей предстояло провести Тайный совет. Гранаты были ее лю-

бимыми фруктами. Раньше герцог, отец Глорианы, разрешал ей есть гранаты только на Рождество и в ее день рождения. Но теперь, став герцогиней, она могла их есть сколько угодно.

— Бобо, — сказала она, беря ножичек для фруктов и обворачиваясь к князю Маунтджою, — когда мы в последний раз воевали?

— Чуть более пятисот лет назад, — ответил князь.

Он решил, что это праздный вопрос, заданный просто из любопытства, — ведь повод для собрания Тайного совета был ему неизвестен. Князь очень гордился своими познаниями в истории герцогства и воспользовался удобным случаем, чтобы их продемонстрировать.

— Это была битва с французами в ущелье Пино. Под двуглавым орлом Фенвики выступало триста сорок человек — триста лучников и сорок латников в доспехах. Тысяча двести французов трижды начинали атаку, но их встречали стрелы наших лучников. К концу дня в ущелье лежало семьсот мертвых французов. Наши же потери составляли только пять человек.

— И с тех пор мы больше не воевали? — спросила герцогиня, целиком поглощенная маленькими рубиновыми зернышками граната.

— Ни разу, — ответил князь. — В этом не было необходимости. Битва в ущелье Пино навсегда установила суверенитет герцогства Великий Фенвик.

— Ну и плохо, что у нас нет практики ведения боевых действий, — пробормотала герцогиня.

— Не сомневаюсь, — сказал Маунтджой, — что, если возникнет необходимость, мы сможем постоять за себя. Наше национальное оружие, луки, настолько вне времени, что и теперь это — супероружие. Из него можно убить на расстоянии в пятьдесят ярдов.

— Приятно слышать, — сказала герцогиня, отложив в сторону шкурку граната, — потому что скоро мы начинаем войну.

— Лук, — продолжал князь, — это пример такого оружия... Извините, ваша светлость, что вы сказали? Я не ослышался? Мы начинаем войну?

— Именно так, — подтвердила Глориана.

Князь выронил свой монокль на колени.

— Ваша светлость, это серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Что за странная идея! — воскликнул князь. — Это ужасно! Подобные решения не принимаются так поспешно! Ваша светлость, вы хорошо себя чувствуете?

— Вполне хорошо, — ответила Глориана. — Посмотрите, нет ли поблизости мистера Бентера, чтобы мы могли начать Тайный совет.

Князь понял, что надо исполнить приказ повелительницы, и, несмотря на удивление, которое почти парализовало его разум, он вышел на поиски вождя партии разбавителей. Он отсутствовал чуть дольше, чем позволял придворный этикет, и, когда он вернулся с мистером Бентером, было заметно, что они оба очень взволнованы и беспокоены.

Герцогиня Глориана XII в официальных случаях, подобных этому, мгновенно превращалась из милой девушки в правительницу. Два свежеизбранных лидера только сейчас начали это осознавать. Несколько минут назад Глориана была прелестной девушкой, которая наслаждалась соком зернышек граната. И вдруг она обернулась герцогиней, полной решимости править своим государством.

— Вы согласились, — продолжала Глориана, — чтобы я предложила Талли Баскомбу организовать коммунистическую партию. Однако ему удалось объяснить мне, насколько неправильными были наши планы.

Князь Маунтджой и мистер Бентер обменялись удивленными взглядами.

— Мистер Баскомб, — продолжала Глориана, — убедил меня в том, что, даже если наш план осуществится, Великий Фенвик может быть обвинен в международном грабеже и это запятнает нашу честь, которую мы пронесли незапятнанной через века.

— Но, ваша светлость, — возразил Маунтджой, — честью народ не накормишь. Если выбирать между духовным и материальным, приходится отдать предпочтение материальному. Человеку трудно задумываться о душе, пока он как следует не поест. Голодные страны не могут

позволить себе удовольствие сохранять честь и иметь приятные манеры.

— А я с вами не согласен, — вступил в разговор Бентер. — Мне даже начинает нравиться этот Талли, хотя прежде он меня сильно раздражал. По моему мнению, ни человек, ни страна не выживут, поступившись собственным достоинством.

— Точно то же говорил и мистер Баскомб, — сказала Глориана. — В любом случае, он отказался организовать коммунистическую партию, потому что не согласен с коммунизмом. Правда, с демократией он тоже не согласен. Похоже, мистер Баскомб и сам не знает, с чем он согласен.

— Давайте-ка вернемся к добавлению воды в вино, — вставил Бентер. — Это единственная возможность выбраться из наших трудностей. И нет в этом ничего предосудительного. В законах Великого Фенвики не указывается, сколько воды должно быть в вине.

— Если вы это сделаете, то уничтожите главный источник государственных доходов, — с горячностью возразил Маунтджой.

— Не согласна ни с тем, ни с другим, — сказала Глориана.

— Вероятно, у мистера Баскомба есть какое-то предложение? — не без сарказма спросил Маунтджой.

— Именно потому я вас и пригласила, — ответила Глориана. — Мистер Баскомб нашел способ получить деньги от Соединенных Штатов и сохранить незапятнанной нашу национальную гордость. — Глориана сделала паузу, чтобы ее следующая фраза прозвучала особенно значительно. — Мистер Баскомб предложил нам объявить войну Соединенным Штатам Америки.

Второй раз за утро Маунтджой выронил на колени свой монокль. Мистер Бентер дернулся так, будто кто-то толкнул его в спину.

— Объявить войну Соединенным Штатам?.. — повторил он, словно не веря собственным ушам.

— Объявить войну Соединенным Штатам? — как эхо, отозвался князь. Он был так потрясен, что никак не мог водрузить монокль на место.

— Объявить войну Соединенным Штатам, — спокойно повторила Глориана, и в ее тоне прозвучала уверенность в правильности этого решения.

Князь пожал плечами. Устроив наконец на место свой монокль, он дрожащими пальцами пригладил сребряные волосы и так забылся, что облизал пересохшие губы.

— Этот Баскомб в своем уме? — спросил он. — По-моему, он умалишенный. Он просто опасен. Подобное заявление, попавшее в американские газеты, вызовет такие чувства у американцев, что мы потеряем их рынок для нашего «Пино». Баскомб, ваша светлость, должен быть изолирован, как опасный лунатик.

Бентер согласно кивал. Ошеломленный предложением герцогини и ее спокойствием, он чуть не лишился рассудка, но его спасло естественное любопытство. Как возник этот чудовищный план?

— Ваша светлость, — сказал он, — а в чем Баскомб видит пользу от объявления войны Соединенным Штатам?

— Он сказал, что традиционно война — единственный способ, благодаря которому одна страна может получить деньги от другой страны, не становясь ее должником.

— Может быть, и так, — сказал все еще немного растерянный Бентер. — Но при этом возникает множество проблем, которые стоило бы обсудить. Если я не ошибаюсь, население Соединенных Штатов составляет приблизительно сто шестьдесят миллионов человек. Нас только шесть тысяч. У Соединенных Штатов гигантское количество самолетов, кораблей, танков, всевозможного оружия. И венчают все это атомные и водородные бомбы. У нас же только луки, копья и мечи. В лучшем случае, в нашей армии соберется тысяча мужчин и мальчиков. Едва ли необходимо объяснять, что мы проиграем войну в тот же момент, как только начнем ее.

— Едва ли необходимо вообще говорить об этом, — безмятежно согласилась герцогиня. — Я прекрасно понимаю, что мы должны проиграть войну.

— В таком случае, зачем же ее начинать? — удивился Бентер.

Герцогиня откинулась на спинку кресла с чувством превосходства над растерявшимися партийными лидерами. Ее нежные пальцы вертели серебряный ножичек для фруктов. Она заговорила, словно размышая вслух:

— Американцы — странный народ. Если другие народы обычно редко забывают обиды, американцы все прощают. Если другие народы не забывают плохого, американцы редко об этом помнят.

— Допускаю, что все так и есть, — признал Бентер. — Но при чем тут наша война и наше поражение?

— Вы не слишком-то хорошо знакомы с историей, — с улыбкой и легким упреком сказала герцогиня. — Народ, проигравший войну Соединенным Штатам, немедленно становится жертвой, и еще не успеют просохнуть чернила на подписанных документах, как американцы стремительно бросаются на помощь. Они начинают поставлять продукты, машины, одежду, деньги, строительные материалы и технику для облегчения жизни их бывшего противника. Поэтому, повторяю, лучшее, что мы можем сделать для спасения нашей страны — это проиграть войну Соединенным Штатам Америки.

Князь Маунтджой, которому голос герцогини показался голосом самой судьбы, несколько оживился.

— А что? — воскликнул он. — Этот план так же многогранен, как бриллиант. В понедельник мы объявляем войну, во вторник проигрываем ее, а уже в пятницу вечером осуществляются все наши самые дерзновенные мечты. Признаюсь, что прежде я был несправедлив к Баскомбу. Он, несомненно, обладает задатками истинного гения.

— Не только Баскомб разрабатывал этот план, — лукаво заметила герцогиня. — Он предлагал напасть и побить. А вот проиграть войну — это уже мое предложение.

— Нет, все-таки Баскомб сумасшедший, — огорченно сказал князь.

— Но, — продолжала герцогиня, — почему бы нам не поддержать его безумие, коли мы знаем заранее, какой результат нас устраивает?

— По моему разумению, — вступил в разговор Бенстер, — все надо сделать как можно скорее. Однако у меня есть некоторые сомнения. Объявить войну большому милордливому государству без достаточных на то оснований — не есть ли это проявление варварства?

— О, у нас есть замечательная причина, — ответила герцогиня. — Я думаю, весь мир будет на нашей стороне.

— Что за причина?

— Агрессия Соединенных Штатов Америки против герцогства Великий Фенвик. — Герцогиня позвонила в колокольчик, стоявший на столе перед ней.

Вошел дворецкий.

— Внесите бутылку, — приказала герцогиня.

Дворецкий отсутствовал не больше минуты. Он вернулся, держа в руках бутылку знакомого размера, цвета и формы.

— Посмотрите на этикетку, — сказала Глориана, поставив бутылку перед членами Тайного совета.

Они посмотрели и, к своему ужасу, прочитали: «Пино Великий Енвик. Вино знатоков».

Под картинкой, точно такой же, как на их драгоценном вине, маленьными, почти неразличимыми буквами было написано: «Продукт Сан-Рафаэля, Калиф., США».

— Собаки! — закричал князь Маунтджой. — Богачи, не знающие, куда им потратить свои деньги, лишают нас единственного источника доходов! Из-за нескольких жалких долларов они готовы разорить каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка нашего Великого Фенвика! Ну, они за это поплатятся!

Члены Тайного совета, а затем и Совета вольных единогласно проголосовали за объявление войны Соединенным Штатам Америки.

4

Чет Бенсон, чиновник, ведающий перепиской в европейском отделе Госдепартамента Соединенных Штатов, решил, что подошло время заняться спортом. Ему было

чуть за тридцать, он окончил Колумбийский университет, получив специальность политолога-журналиста, как раз в конце Второй мировой войны.

Происхождение обязывало его выступить на дипломатическом поприще, и в результате он оказался чиновником Госдепартамента.

— Не надейся, сынок, что ты там чему-нибудь научишься, — сказал сенатор Гриффин, который устроил Чета на это место. — Наблюдай за иностранцами, но будь особенно внимателен к своим. Обо всем, что покажется тебе интересным, докладывай мне.

Чету не показалось интересным ничего. Он понял только, что не хочет много работать. Поэтому сегодня он решил отправиться в Джорджтаун, взять каноэ и заняться греблей, чтобы поднять жизненный тонус.

Он как раз собирался покинуть офис, когда вошел курьер и бросил на его стол длинный внушительный конверт.

— Что-то горяченькое? — пошутил Чет.

Он испытывал чувство неловкости перед курьером, который двадцать лет бродил по Госдепу, как по большой дипломатической тюрьме.

— Ничего особенного, — ответил курьер. — Обычные шуточки ребят из отдела прессы. Вот и все.

Курьер кивнул и побрел дальше, а Чет взял конверт. Он увидел какие-то странные старинные печати. Это было необычно. Но когда он вскрыл конверт и начал читать, то его стал душить смех.

В верхней части письма разместился двуглавый орел, говорящий одним клювом «да», а другим «нет». Под орлом старинным английским шрифтом было начертано: «Герцогство Великий Фенвик». А далее шло послание, написанное торжественным курсивом:

ПРИВЕТСТВУЕМ ПРЕЗИДЕНТА, КОНГРЕСС И НАРОД СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.

Принимая во внимание, что герцогство Великий Фенвик является с 1370 года суверенным и независимым государством,

и,

принимая во внимание вышеизложенное, имеет право вести переговоры в равнозначных терминах с другим суверенным государством, и это право признается цивилизованным сообществом государств уже более пятисот лет,

и,

принимая во внимание, что основным доходом населения герцогства Великий Фенвик является доход от производства превосходного и уникального вина, известного в мире как «Пино Великий Фенвик», из винограда древних виноградников, расположенных на склонах северных гор герцогства,

и,

принимая во внимание, что подлая имитация этого высококачественного вина производится под названием «Великий Енвик» и продается в больших количествах и все это происходит на территории Соединенных Штатов, а именно в Сан-Рафаэле, штат Калифорния,

и,

принимая во внимание, что продажа этого поддельного продукта подрывает благосостояние герцогства Великий Фенвик,

и,

принимая во внимание, что неоднократные напоминания о возмещении убытков игнорируются министерствами и правительством Соединенных Штатов, мы постановляем:

Решено, что герцогство Великий Фенвик считает продажу этого вина неправомерной и рассматривает ее как агрессию против герцогства, в силу чего

герцогство Великий Фенвик, употребив все возможные усилия для решения проблемы мирным путем, ныне объявляет о состоянии войны между герцогством Великий Фенвик и Соединенными Штатами Америки.

Подписано:

ГЛОРИАНА XII

герцогиня Великого Фенвики,

Д. БЕНТЕР

лидер партии разбавителей,

МАУНТДЖОЙ

лидер партии анти-разбавителей.

Беспрестанно хихикая, Чет дважды перечитал документ.

— Эти журналисты готовы на все, лишь бы развлечься, — сказал он, сунул послание в карман пиджака и отправился к своему каноэ.

Бенсон не был слишком силен в морском деле, каноэ перевернулось, и документ промок. Когда Чет вернулся домой, он положил конверт на радиатор отопления, чтобы просушить, и благополучно о нем забыл.

Экипировка вооруженных сил Великого Фенвика оказалась гораздо более сложным делом, чем это представлялось Глориане и ее советникам. Князь Маунтджой считал, что вообще нет никакой необходимости в этих вооруженных силах. В глубине души он был уверен, что достаточно просто объявить войну. За этим должно последовать немедленное обращение к миру, затем быстрая капитуляция, и после этого обильная помощь от Соединенных Штатов для восстановления пострадавшей стороны.

Но со дня объявления войны прошло четыре недели зловещего молчания. Важно было получить любой ответ. Столь долгое ожидание становилось невыносимым.

Маунтджой не делился своими опасениями с герцогиней, но у него вошло в обычай внимательно следить за небом, потому что в любой момент можно было ожидать атомной бомбы. Герцогство даже не успело бы сдаться врагу. Поскольку в Фенвике не было представительства Соединенных Штатов, князь получил разрешение герцогини на посещение ближайшего американского консульства во Франции, дабы получить ответ.

В консульстве князя встретили улыбки и ухмылки. Там, очевидно, никто не принял дело всерьез. В ответ на

напоминание об объявлении Великим Фенвиком войны Соединенным Штатам консул грубо захочтал и похлопал князя по плечу. Как унизительно было докладывать об этом герцогине!

После посещения консула было решено немедленно, собрав экспедиционные силы, начать войну. Талли Баскомба назначили командующим армией Фенвика на время военных действий, и ему было приказано собрать людей, необходимых для нападения на Соединенные Штаты.

Талли решил, что ему будет достаточно троих латников и двадцати лучников. Согласно древнему закону герцогства, все здоровые мужчины должны были предстать на смотр в замке при полном обмундировании. В день смотра во двор замка явилось семьсот человек в кольчугах поверх кожаных курток, в шлемах, с луками, колчанами, полными стрел, маленькими круглыми щитами, короткими мечами, булавами и пиками.

Вся страна была оскорблена действиями калифорнийских виноделов. Поэтому война оказалась очень популярной. Все хотели вступить в армию и отомстить за оскорбление, нанесенное их вину, их искусству и их предкам. Детей, так же как и взрослых, обуял воинственный дух, и они, напялив на головы кастрюли вместо шлемов, бегали по улицам с грозными криками.

Талли предстоял трудный выбор: ведь ему нужно было только три латника и двадцать лучников. В лучники он выбрал два десятка крепких мужчин, которые могли стрелой расщепить ореховый прут с пятисот шагов. Выбрать трех латников оказалось гораздо легче, так как во всем герцогстве нашлось всего лишь несколько человек, умевших управляться с пиками и булавами, и они бросили между собой жребий.

Затем наступил период жестоких тренировок. Всех воинов заставили взбираться в горы в полном снаряжении, переходить вброд холодную речку, находить друг друга в темноте и вести рукопашный бой.

И наконец Талли доложил, что экспедиционные силы Великого Фенвика готовы выступить против неприятеля.

Правда, до сих пор не было решено, как же добраться до этого неприятеля. Глориана оставила решение своему Тайному совету, Тайный совет поручил решить проблему правительству, а правительство рассудило, что лучше всего довериться главнокомандующему.

Когда Талли докладывал Тайному совету о готовности к выступлению, среди членов Совета возникли разногласия.

— Убежден, — сказал князь Маунтджой, который по-прежнему опасался атомной бомбы и очень боялся рассердить Соединенные Штаты, — убежден, что нет никакой необходимости отправлять нашу армию через Атлантический океан. В конце концов, мы объявили эту войну, чтобы получить деньги, а не для того, чтобы тратить их. Вполне достаточно было бы напасть на американское консульство в Лионе. Туда каждый день ходит автобус, и это будет даже дешевле, чем ехать поездом.

Талли посмотрел на князя с таким презрением, словно бросил ему в лицо перчатку.

— Вы предлагаете, чтобы воин положил свою жизнь за Отечество, но вам это не стоило бы и двух шиллингов. Вы предлагаете напасть на безоружное консульство Соединенных Штатов и представить это нападением на целую страну. Вам кажется, что армия Фенвика равнозначна толпе студентов, выступающих с протестом против увольнения любимого профессора? Мы объявили войну, потому что была задета наша честь, и мы должны с честью вести эту войну на земле врага!

— А может быть, — предложил мистер Бентер, — набрать денег и отправить нашу армию туристским классом на лайнере?

— И пройти через пограничный контроль и таможню в полном вооружении? — усмехнулся Талли. — Похоже, вы думаете, что Соединенные Штаты настолько великодушны, что выдадут нам визу для легального въезда в страну, с которой мы собираемся начать войну?

— Я только пытался помочь, — покорно сказал мистер Бентер, которому очень не хотелось тратить много денег. — Если у вас есть свои разумные предложения, я всегда готов их поддержать.

— Есть только одна возможность попасть в Америку, — сказал Талли. — Мы должны нанять корабль, небольшое торговое судно. Конечно, мы должны плыть под флагом Великого Фенвика, и капитан должен беспрекословно мне повиноваться.

— И вы знаете такого капитана? — спросила Глориана.

— Да, — ответил Талли. — Это капитан корабля «Стремление», который ходит из Марселя в Новую Шотландию. Я на нем плавал матросом. Корабль вполне пригоден для наших целей, и, думаю, цена будет разумной.

Поскольку никаких других предложений не поступило, постановили нанять «Стремление». А деньги решили собрать, назначив специальный налог в один пенни с каждого выпитого в герцогстве стакана вина. В связи с популярностью идеи войны, в последующие две недели потребление вина в герцогстве возросло до небывалых прежде размеров.

Наконец наступило утро, когда армия должна была отправиться на войну.

Войско выстроилось во дворе замка. Впереди стоял Талли в кольчуге, сверкающей в лучах утреннего солнца. У его бедра висел широкий меч, а в руках он держал жезл, на котором трепетало знамя с двуглавым орлом Великого Фенвика. Позади Талли выстроились три воина в латах, с мечами. На этот раз было решено обойтись без громоздких пик.

А дальше стояли пять рядов по четыре лучника в каждом. На лучниках были легкие кольчуги поверх кожаных курток и штаны из буйволовой кожи. Их луки висели за спинами, маленькие круглые щиты — на крепких обнаженных руках, а колчаны щетинились стрелами.

Глориана осмотрела свое войско и сказала воинам, что не стоит бояться неравенства сил. Ведь в истории Фенвики известен случай, когда на одного воина, запищавшего герцогство, приходилось сто врагов.

— Вы будете сражаться не в одиночестве, — сказала она. — Рядом с вами будут духи ваших великих предков. Если вы и погибнете, то окажетесь среди храбрецов,

сражавшихся за честь нашей родины. Если же вы останетесь живы, то будете предметом зависти ваших друзей. В сражении вам придется нелегко, но вы должны всегда помнить, что воюете ради блага вашей страны.

Кончив речь, Глориана глянула на Талли, он отсалютовал ей мечом, и она снова удивилась его необычайному сходству с сэром Роджером Фенвиком. На секунду Глориане показалось, что солнце ярко осветило самого мужественного из всех мужчин.

Забили барабаны, запели трубы, и войско двинулось со двора замка вниз по холму через мост по направлению к границе герцогства. Вдоль дороги выстроились дети, старики и молодые женщины. Кто-то хлопал в ладоши, кто-то плакал, кто-то пел старинные военные песни. Все выкрикивали громкие приветствия и чувствовали необыкновенный подъем.

Перейдя границу, маленькая армия переоделась в обычную одежду и села на автобус, а жители вернулись в герцогство и разошлись по домам.

5

Президент Соединенных Штатов тяжело опустился в кресло в Овальном кабинете Белого дома и пригладил чуть взлохмаченные волосы. Было девять часов утра, а он уже устал. У президента болела голова, но он не хотел обращаться к врачу, потому что за этим последовало бы бесконечное медицинское обследование.

Ему всего-то и нужно было пару таблеток аспирина да поспать часа два-три. Этой ночью он не выспался, потому что в два часа ночи его разбудил телефонный звонок доктора Кокнитца.

— Господин президент, моя работа успешно завершена.

И после этого заявления президент не смог заснуть, а только дремал, видя странные сны.

Президент позвонил секретарю и сказал:

— Немедленно соединитесь с министром обороны и сенатором Гриффином из Комиссии по атомной энергии и

попросите их зайти ко мне как можно скорее, но так, чтобы об этом никто не знал. Еще я хочу видеть доктора Кокнитца.

Министр обороны и сенатор Гриффин появились через десять минут. Президент бодро сказал:

— Доброе утро! — И указал им на кресла, стоящие по обеим сторонам его стола. — Хочу кое-что вам сообщить, — сказал он с улыбкой. И, заметив напряженный взгляд сенатора, добавил: — Ничего политического, Гриф.

Сенатор, похоже, успокоился. Он был маленьkim, беловолосым, краснолицым мужчиной, коренастым, как бульдог. Сенатор всегда носил серые фланелевые костюмы, украшенные маленьким бутончиком красной розы на лацкане пиджака. Казалось, что он готов в тот же момент взорваться, протестуя против какой-нибудь несправедливости, но в действительности это был кроткий уравновешенный человек, чей холерический образ очень помогал в работе.

Министр обороны больше всего походил на мышь. К тому же у него была странная привычка прикладывать три пальца к нижней губе, словно он не хотел сказать что-то обидное для собеседника. Он очень хорошо руководил министерством, хотя в Вашингтоне ходили упорные слухи о том, что он смертельно боится своей жены. Во всяком случае, только этим можно было объяснить тот факт, что он уходил из офиса ровно в 5.30 каждый день, что бы там ни происходило.

Наконец прибыл доктор Кокнитц. На нем, как обычно, был серый пулlover и брюки, когда-то темно-серые, а ныне почти зеленые от старости. Помимо серых брюк на докторе красовался спортивный пиджак, сшитый по его собственному дизайну, без воротника и лацканов, но зато с невероятным количеством карманов, где лежали бумага, карандаши, трубка, кисет с табаком и вчерашний сэндвич.

У Кокнитца было бледное острое лицо, увенчанное шапкой черных волос. За толстыми стеклами очков таращились очень выпуклые глаза, отчего он казался похожим на какое-то подводное существо, с удивлением выглядывающее из своей стихии.

— Доброе утро, господин президент, — сказал он. — Джентльмены, доброе утро.

В его блестящем английском слышался легкий оттенок чего-то иностранного. Это был не акцент, а просто легкий намек на то, что человек родился не в Америке.

Все молчали. Часы пробили четверть часа. С террасы донеслось щебетание голубых соек.

— Господин президент, вы когда-нибудь кормите птиц? — спросил доктор Кокнитц. — Всего несколько крошек, и они будут совершенно счастливы.

— Мы покормим птиц позже, — президент улыбнулся. — Я пригласил министра обороны и сенатора Гриффина. Вы их, конечно, знаете. Я хочу, чтобы они услышали сообщение о ваших достижениях именно от вас. Разумеется, не стоит напоминать, что все сказанное здесь должно сохраняться в тайне.

— Ах да, мои достижения, — сказал доктор Кокнитц. — Мне очень помогла эта счетная машинка, которую я позаимствовал в министерстве морского флота. Без нее я провозился бы два года, а так — успел за месяц. Но вот все благополучно завершено.

Он вытащил из кармана трубку и сунул ее в рот, потом вынул кисет, и все подумали, что он собирается закурить. Но Кокнитц, засунув в кисет два пальца, выудил оттуда металлический цилиндр размечом с катушкой для ниток. Доктор положил цилиндр на стол, и он, облепленный табачными крошками, покатился прямо к президенту.

Президент повертел загадочный предмет в руках и вопросительно глянул на Кокнитца.

— Этого достаточно, чтобы испепелить пространство в два миллиона квадратных миль. Но вы должны понять нас, ученых. Ни в чем нельзя быть уверенным, пока не проделан эксперимент.

Все смотрели на маленький цилиндр с любопытством, но и со страхом.

Наконец министр обороны, прижав три пальца к нижней губе, спросил:

— Что же это такое?

— Квадиум, — ответил доктор Кокнитц. — То есть водород в таком состоянии, которого не было в мире миллиард лет. Это — популярное изложение сути предмета для неспециалистов. — Он смузено улыбнулся. — Это так же похоже на водород, как человек на обезьяну. Не хочу вдаваться в детали, чтобы вконец вас не запутать, но вы должны понять, что при взрыве атомной, точнее plutониевой, бомбы в энергию переходит только одна десятая процента плутония. А при взрыве бомбы из квадиума — десять процентов! При таком взрыве Земля превратится в пылающую планету, где будет в тысячу раз горячее, чем на поверхности Солнца. Полагаю, что на Солнце квадиума нет, потому что он давным-давно сгорел. На самом деле, квадиума нет нигде в мире. Он существует только в этом цилиндре, который лежит перед вами.

Часы отбили полчаса, и этот шум испугал голубых соек, летавших возле окна.

— И чего мы можем с этим добиться? — спросил президент.

— Всего, чего пожелаете, — ответил доктор Кокнитц. — Атомная бомба по сравнению с этим — игрушечный пистолет. Можно уничтожить целый континент, всю Северную Америку, а, возможно, и вместе с Южной.

Снова наступило молчание, нарушающее только тикаемь часов. Президент посмотрел на цилиндр и сказал:

— Насколько мы опередили другие страны?

Кокнитц пожал плечами.

— От двух до пяти лет. Страны, успешно производящие атомные взрывы, могут не иметь даже атомных бомб. — Он замолчал, снял очки, потер глаза и продолжил усталым голосом: — Самая мощная атомная бомба эквивалентна ста пятидесяти тысячам тонн взрывчатки. Дейтериевая — семи с половиной миллионам тонн. Тритиевая — двадцати двум миллиардам тонн. Наша бомба из квадиума равнозначна ста миллиардам тонн взрывчатки.

— Сколько времени понадобится другим странам, чтобы произвести подобное оружие? — спросил министр обороны.

— Этого я вообще не могу сказать. Это зависит от множества неизвестных нам факторов. Теоретически, ее сделать очень легко, поместив квадиум в оболочку атомной бомбы.

Президент встал, подошел к окну и стал смотреть на лужайку.

— Скажите мне, — спросил он, стоя ко всем спиной. — Каковы последствия применения этой бомбы?

— Изменение состава воздуха, несомненно, приведет к стерилизации не только млекопитающих, но и самой почвы. Возможно появление монстров и в животном, и в растительном мире. Последствия взрыва во много раз ужаснее самого взрыва. Вслед за ним последуют ураганы, цунами, извержения вулканов и землетрясения.

— Не останется ничего живого, — задумчиво произнес сенатор Гриффин.

Доктор Кокнитц грустно посмотрел на президента.

— Это была очень интересная работа, — сказал он. — Когда ты чувствуешь себя равным богу, оттого что в твоих руках находится судьба человечества, это сильно меняет характер. Но мне не нужна власть. Мистер президент, я — такой же человек, как и все, и я прошу вас: НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТУ БОМБУ.

Жестко, с металлом в голосе ему ответил министр обороны:

— Нам не приходится выбирать. Тот, у кого будет квадиумовая бомба, имеет лучшие шансы на выживание. И я считаю, что это должны быть мы. На счету каждый час. ОНИ никогда не останавливаются перед тем, чтобы употребить такое оружие.

— А что, другого пути нет? Разве нельзя договориться? Нельзя найти компромисс? — спросил Кокнитц.

— Нет, — сухо ответил министр.

Президент взял цилиндр и протянул ученому, который положил его обратно в кисет.

— Доктор Кокнитц, — сказал президент, — я знаю, что большую часть жизни вы провели в Америке, но родом вы из других мест. Позвольте спросить, где ваша родина?

— Полагаю, что вы никогда и не слышали об этом месте, — ответил слегка удивленный ученый. — Да, сказать по правде, я и сам с трудом припоминаю его. Оно находится на северных склонах Альп. Это маленькое герцогство, называемое Великий Фенвик.

6

В газетах от шестого мая появились сообщения, что в ближайшем будущем на всем восточном побережье Соединенных Штатов объявят полномасштабную учебную воздушную тревогу. Точная дата этого испытания хранилась в строжайшем секрете даже от президента. Причем планировалось, что эта тревога будет не простым десятиминутным завыванием сирен. Продолжительность тревоги могла достичь целых суток. В течение этого времени всем придется находиться в укрытиях или оставаться дома. Рестораны и магазины будут закрыты, поэтому нужно заранее обеспечить себя запасом продуктов. Нельзя будет пользоваться телефоном, открывать водопроводные краны, чтобы пожарным хватило воды на случай серьезных пожаров. Машинам и автобусам следует немедленно остановиться, а всем пассажирам попрятаться в убежищах. Корабли, стоящие у причалов, должны будут отойти от берега. Особые группы служащих, одетых в защитные костюмы, станут следить за порядком на улицах.

Это предупреждение стали передавать по радио каждые пятнадцать минут круглосуточно. По прошествии нескольких дней у населения возникла легкая истерия, приведшая к странным результатам.

Продавцы в Бруклине пустили слух, что единственное средство защиты от радиации — колбаса салами, и через двадцать четыре часа во всем Нью-Йорке нельзя было найти ни фунта этой колбасы. Какой-то человек из Бронкса продал свой дом и купил двести фунтов салами. Один продавец рассказал полицейскому, что за пять фунтов колбасы некая бедная вдова с восемью детьми предложила ему своего маленького мальчика.

Только улеглась истерия с колбасой, как возникла новая, на сей раз связанная с алкоголем. Якобы министерство военно-морских сил проводило опыты на мышах, получивших огромную дозу алкоголя. При облучении этих мышей гамма-лучами все они остались живы, здоровы и невредимы.

В результате миллионы людей не выходили из дома без фляжечки со спиртным, и пьянство охватило все слои общества. Пришлось газетам начать антиалкогольную кампанию, но заявления ученых о том, что алкоголь защищает не от всех видов радиации, успеха не имело.

Постепенно легкая истерия стала перерастать в настоящую панику. Все началось с требования родителей закрыть школы, чтобы в случае тревоги дети не оказались разлучены со своими папами и мамами.

Затем люди стали избегать поездок в метро и на автобусах, чтобы не оказаться в транспорте в момент объявления тревоги. Количество пассажиров в метро уменьшилось вдвое, а на автобусах — на шестьдесят процентов.

Потом жены потребовали, чтобы мужья пересталиходить на работу, стали закрываться офисы, улицы опустели. Паника овладела городами.

Пришлось снова задействовать все средства массовой информации, чтобы сообщить, что угрозы нападения не существует и международная ситуация вполне благополучна. Но все это, включая выступления генералов, дипломатов и даже самого президента, не возымело должного эффекта, потому что никто не отвечал на единственный важный вопрос: зачем проводить учебную тревогу, если нет угрозы немедленного нападения?

И тут произошло одно событие, которое свело на нет все усилия правительства.

Сенатор Гриффин, серьезно озабоченный потоком писем со всей страны от людей, желающих знать, действительно ли у Соединенных Штатов есть оружие для защиты от нападения, решил объявить, что завершена работа над бомбой из квадиума. Посоветовавшись с президентом, министрами и другими членами кабинета, он заявил на пресс-конференции:

— Доктором Кокнитцем создана квадиумовая бомба, которая способна уничтожить два миллиона квадратных миль на поверхности Земли. Нет нужды говорить, что мы никогда не употребим это оружие, пока нас к этому не вынудят.

— А что может заставить нас это сделать? — спросил журналист.

— Я не могу себе представить никакого другого обстоятельства, кроме того, что другая сторона сделает это первой, — ответил сенатор и сразу же сообразил, что допустил грубейшую ошибку.

— Значит, вы думаете, что у другой стороны уже есть такая бомба? — снова спросил любопытный журналист.

— Нам это неизвестно, — быстро ответил сенатор, немедленно вызвав подозрения, что так оно и есть.

Сенатор тут же закрыл пресс-конференцию, но было уже поздно.

Газеты вышли с сообщением о том, что Соединенные Штаты владеют могучим оружием, но намекнули, что и другая сторона также им обладает. И на следующий день после выхода этих статей объявили великую тревогу.

Она началась в шесть часов утра тринадцатого мая. В Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и Вашингтоне зазвали тысячи сирен. Их вой был настолько силен, что, когда сирены смолкли, наступила полнейшая тишина, будто этот звук убил все живое.

В первое мгновение людей парализовал страх, а потом они кинулись в убежища, в метро, по домам, кто-то плача, кто-то истерически хохоча, кто-то задыхаясь.

Корабли, стоявшие в гавани Нью-Йоркского порта, поспешили покинуть причалы. Один корабль, «Куин Мэри», прошел мимо доков и вошел в Гудзон. Когда он отошел на порядочное расстояние от моря, его капитан заметил небольшой бриг.

Капитан занес в судовой журнал время начала тревоги и описание своих действий, а затем добавил:

— Видел 300-тонный бриг «Стремление» в десяти милях от маяка Амбруаз. Окликнул его капитана в мегафон и приказал взять курс назад, так как кораблям запреще-

но входить в порт Нью-Йорка во время тревоги. На первое обращение не получил ответа. На второе предупреждение получил ответ в виде полета стрел с брига. Мой корабль не поврежден. Следую своим курсом.

7

Бриг «Стремление» сверкнул двуглавым орлом знамени Великого Фенвики с высокой мачты и помчался вверх по пустынному Гудзону. Только капитан и Талли Баскомб знали, где они находятся. Их удивило то, что с того момента, как они обстреляли «Квин Мэри» и подняли свой флаг, им не встретился ни один корабль. Даже сторожевой катер — и то не появился.

Стояло ясное майское утро. Солнце, поблескивающее на зеленоватой воде, отражалось в небоскребах, которые, как копья огромного войска, торчали на острове Манхэттен. Воздух был необычайно чистым. Талли подумал, что таким воздухом можно и надышаться, и напиться.

И над всем этим нависла пугающая тишина. Будто город погиб много веков тому назад.

— Это — Нью-Йорк, — сказал Талли своему лейтенанту Уиллу Татуму. — Не понимаю, где наш противник? Мы одни на всей реке, где обычно так же много кораблей, как мух на липучей бумаге.

— До них наконец дошло, что мы разозлились, — мрачно сказал лейтенант. — Возможно, они устроили нам засаду. Какие огромные здания! Я таких никогда в жизни не видел. Непонятно, зачем американцам такие большие замки? Я что-то не слышал, чтобы на них часто нападали.

Уилл, немного похожий на могучего быка, отличался скорее физической, чем интеллектуальной силой. Он никогда не выезжал за пределы Великого Фенвики и должен был бы испытывать благоговение перед величием города, который он собирался завоевать. Однако Уилл видел перед собой лишь работу, которую надлежало сделать.

Экспедиционные силы Великого Фенвики все путешествие провели в обычной одежде. Теперь же они об-

лачились в форму воины: кольчуга поверх кожаной рубашки, на голове шлем в виде перевернутого горшка, на левой руке круглый щит, у бедра короткий меч, за спиной шестифутовый лук. Три воина, надевшие латы, накинули еще и белые плащи с изображением герба Большого Фенвики.

— Педро, — позвал Талли капитана, который все еще думал, что это путешествие как-то связано с кино, и надеялся получить тройную цену. — Педро, веди нас в Канард-док, к началу Сорок восьмой улицы. Мы там высажимся.

— Если я это сделаю, они устроят нам дикий скандал, — возразил Педро. — Вся эта орава — таможенники, лоцман, полицейские, санитарный врач — накинется на нас и прогонит прочь или заломит такую цену за разрешение на въезд, что вам ее не осилить. Но вообще-то я не могу понять, почему это нас никто не встречает. Может быть, у них какие-то каникулы, и они решили выспаться?

— Это не каникулы, — мрачно сказал Талли. — Это война.

— О'кей, — сказал Педро, будто отвечая расшалившемуся ребенку. — Это война, но что-то я не вижу фотопортеров и телекамер...

— В док! — зарычал Талли. — В док! Или я отрежу тебе ухо!

— Ай-яй! — взвизгнул капитан. — Станьте все вон там, у главного браса.

И «Стремление» проскользнуло в Канард-док.

— Люди Большого Фенвики! — воскликнул Талли. — Я привел вас к самому сердцу врага. Вперед, к победе!

Армия выстроилась на причале.

— Эй! — крикнул Педро. — А как насчет меня-то? Мне-то что делать?

— Оставайся здесь и жди нашего возвращения, — приказал Талли.

— И сколько времени ждать?

Талли посмотрел на огромный пустынnyй город, который показался ему чудовищем из стали и бетона, готовым в любой момент накинуться на его маленькую армию.

— Неизвестно, — ответил он капитану и обратился к своему войску. — Поднять знамена Великого Фенвика!

Оказавшись наконец в Нью-Йорке, Талли не знал, что же делать дальше, но признаться в этом своим воинам он, конечно же, не мог. Во время плавания он представлял себе, что они высадятся в гражданской одежде, потом пройдут маршем или проедут на поезде до Вашингтона и возьмут штурмом Белый дом. Неожиданность нападения даст ему возможность быстро заключить мир с президентом Соединенных Штатов. Но этот план встретил возражения среди его лейтенантов. Уилл Татум, который перед отъездом имел приватную беседу с герцогиней, сказал:

— Мы должны вести честную войну и открыто встретить врага с оружием в руках.

Талли стало стыдно, что он отступил от своих принципов, и он согласился с доводами Уилла.

Теперь же, не встретив противника, Талли решил пройти маршем по Сорок четвертой улице до Таймс-сквер в надежде встретить врага.

Пустынная улица, безмолвные здания, молчаливый воздух, запертые подъезды откликались удивленным эхом на звук, издаваемый марширующей к центру Нью-Йорка армией Великого Фенвика. В Нью-Йорке еще никогда не раздавался этот звук — звон средневековых лат. Знамя с двуглавым орлом затрепетало на древке от налетевшего бриза, под солнцем заплясали белые плащи, на головах лучников засверкали шлемы, — но свидетелями этого живописного шествия были только птицы.

Кто-то из солдат закашлялся, но, поняв, что его кашель слышен на милю вокруг, виновато посмотрел на товарищей. Громко мяукая, из-за угла вышел кот. Те, кто его заметил, нервно рассмеялись. Шумно взлетела стая голубей. Поднятый ветром газетный лист помчался за войском, как озорной мальчишка. Лист долетел до Талли и обернулся вокруг его ног. Талли попытался с抓住нуть лист, но, когда ему это не удалось, наклонился, схватил газету и почему-то засунул ее за пояс.

Так они двигались вперед, все еще не встретив ни души, пока не дошли до Таймс-сквер. Строгое здание «Нью-Йорк Таймс» одиноко возвышалось на пустынном перекрестке, и Талли решил его захватить. Он надеялся, что его активность положит начало реальным военным действиям.

Витрины первого этажа поразили жителей Великого Фенвика тысячами интереснейших штуковин.

— Уилл, — сказал Талли своему лейтенанту, — возьми половину людей, обойди здание, там найдешь дверь. Когда я скомандую: «Заряжай!» — выломывай дверь и стреляй в каждого, кто окажется за ней. А мы выломаем дверь с этой стороны.

Уилл отдал честь и отправился исполнять приказание со своими людьми, которые, несмотря на дисциплинированность, не могли удержаться, чтобы не поглазеть на витрины с кошельками, самописками, трубками, сигаретами и зажигалками.

— Пошли, пошли, — поторопил их Уилл. — Мы потом сюда вернемся.

Они нашли широкую двустворчатую дверь, и по команде Талли шесть мускулистых плеч нажали на дубовые панели. Дверь легко поддалась, так как она вовсе и не была заперта. В пустынном вестибюле обе половины войска встретились, а враг по-прежнему не появлялся. Двадцать три отважных воина сбились в кучку, перешептываясь и нервно оглядываясь по сторонам.

— Уилл, — сказал Талли, — как бы поточнее определить... Мне все это не нравится. Я не понимаю, почему в городе никого нет.

— Может быть, они спрятались, узнав о нашем прибытии? — неуверенно проговорил Уилл, сам сомневаясь в своем предположении.

— Нет, не думаю. Больше всего похоже на то, что здесь чума.

Уилл побледнел. Он был очень храбрым мужчиной, храбреем некуда. Но в нем жил смертельный страх перед микробами. Еще в детстве его на всю жизнь напугали, что он умрет от микробов, если не будет как следует мыть уши.

— Здесь плохо пахнет, — сказал он.

— Тут всегда так пахнет, — ответил Талли.

— А посмотри на эти белые пятна на тротуаре. Может, это следы какого-то бактериологического оружия?

— Нет, это выплюнутая жевательная резинка. Так, мы должны кого-нибудь найти, чтобы объяснить им, что мы на них напали. Нам нужно где-то затеять драку. Нападение нельзя считать нападением, если о нем не знает никто, кроме нападающих!

В задумчивости Талли сунул руку за пояс и вытащил газетный лист, прилипший к его ногам на Сорок четвертой улице.

Талли развернул газету, и вдруг его взгляд упал на заголовок, набранный крупным шрифтом:

«ГРИФФИН ЗАЯВИЛ О СУПЕРБОМБЕ».

А рядом красовался еще один:

«НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ С ЧАСУ НА ЧАС ОЖИДАЕТСЯ ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА».

Тогда Талли принялся читать статью:

«Соединенные Штаты являются обладателем абсолютного оружия массового уничтожения. Оно в состоянии уничтожить все живое на площади в два миллиона квадратных миль».

А дальше шел пересказ заявления сенатора Гриффина с упоминанием о том, что бомба была создана доктором Кокнитцем из Колумбийского университета.

Во второй статье Талли прочел, что хорошо информированные источники сообщают: учебная тревога на случай атомного нападения будет проходить на восточном побережье Соединенных Штатов в течение двадцати четырех часов.

Талли дважды прочел обе статьи, и тут все стало понятно. Он сделал для себя два вывода. Во-первых, Нью-Йорк может подвергнуться атомной бомбардировке в любой момент. И, во-вторых, значительно важнее захватить не президента Соединенных Штатов, а доктора Кокнитца из Колумбийского университета. И сделать это надо быстро, прежде чем это сделают другие враги Соединенных Штатов. Иначе Великий Фенвик останется ни с чем.

— Построй людей и выведи их на улицу, — крикнул Талли лейтенанту, мгновенно решившись действовать. — У нас мало времени. Мы должны пройти восемь миль и выиграть войну.

— А куда мы идем? — спросил Уилл.

— В Колумбийский университет, — ответил Талли.

8

С начала вторжения экспедиционных сил Великого Фенвика в Соединенные Штаты Америки прошло около двух часов, прежде чем кто-либо из облеченных властью, да и вообще прежде чем кто-либо, осознал, что данное событие имеет место быть. Даже когда присутствие этой странной армии на Манхэттене было обнаружено, никто не понял важности события.

Тщательно разработанный план, составленный во имя защиты городского населения от нападения, успешно осуществлялся. Первый шок от отправки людей в убежища вполне мог быть преодолен. Но министр обороны понимал, что на смену этому шоку придет естественное желание узнать о том, что же все-таки происходит на самом деле.

Под землей вместе с населением должны были постоянно находиться работники охраны и полицейские, чтобы предотвратить самовольный выход людей из убежищ. На поверхности же оставались лишь группы обороны, дезактивации, специалисты по не взорвавшимся бомбам, скорая медицинская помощь и добровольцы по обеспечению пищей. Они вышли на работу, как только объявили тревогу. На пустынных улицах Нью-Йорка не было никого, кроме этих людей, до тех пор пока там не появилась армия Великого Фенвика.

Под водительством Талли армия прошла по Бродвею до Сотой улицы, не встретив ни единой живой души. И вдруг из-за угла появилась группа людей в такой одежде, какой Талли не видывал за всю жизнь. Их было пятеро, и на них были неуклюжие бело-серые костюмы

и шлемы с окнами для глаз. Обе группы пришли в одинаковый ужас друг от друга. И тем и другим показалось, что перед ними монстры из другого, чуждого мира.

Когда лучники подняли свое оружие, дезактиваторы попятались, и один из них промычал сквозь шлем:

— Они с летающей тарелки!

— Летающая тарелка! — замычал другой.

Вся компания повернулась и в панике бросилась бежать к реке. Тяжелые костюмы им мешали, поэтому они на бегу освободились от громоздкой одежды и помчались еще быстрее. Их крики: «Летающие тарелки! Люди с Марса! Лучевое оружие!» эхом отдавались от стен домов. Панику усиливали стрелы, свистящие над их головами.

Однако Талли, который все время думал об атомной бомбе, приказал прекратить стрельбу и, не мешкая, идти к Колумбийскому университету. Поразмыслив, он решил, что стоило бы прихватить брошенные защитные костюмы, и поручил нескольким фенвикцам тащить их с собой.

Командир группы дезактиваторов, мужчина средних лет, читавший комиксы с тех пор, как себя помнил, наконец-то понял, что должен исполнить свой долг и позвонить начальству, чтобы доложить о вторжении нескольких летающих тарелок, о монстрах в металлической одежде с лучевым оружием в руках, захвативших Нью-Йорк, и о том, что с минуты на минуту ожидается появление еще тысячи инопланетян.

Он понимал, что убедить начальство в правдивости своего донесения будет нелегко, хотя у него самого не было никаких сомнений в том, что им встретились существа с другой планеты. Во-первых, они были гораздо выше большинства людей, во-вторых, у них не было волос, их металлические головы сверкали на солнце. И, наконец, они стреляли снарядами, летящими со свистом со сверхзвуковой скоростью.

Все это проносилось в его голове, пока он набирал секретный номер в ближайшей телефонной будке.

— Соедините меня с отделом экстренного рапорта.

После короткого молчания голос произнес:

— Отдел экстренного рапорта. Ваше имя и секция?

— Том Маллиган, секция 4-3000, подсекция 3. Дезактивация, — ответил он.

Том услышал, как на том конце заправили бумагу в пишущую машинку и раздался стук клавиш.

— О'кей, продолжайте, — произнес голос из отдела экстренного рапорта.

— На углу Бродвея и Сотой улицы группа людей с летающей тарелки, — сказал Том, задыхаясь от волнения.

— Сколько?

— Может, пятьдесят, а может, шестьдесят, — ответил Том.

— Минутку, я должен записать. Пятьдесят или шестьдесят человек с летающей тарелки. Объясните, в чем дело? Какая еще летающая тарелка?

— Из космоса! — возбужденно сказал Том. — Я их видел. Моя бригада их видела. Пятьдесят или шестьдесят. С металлическими головами и все покрыты чем-то блестящим. Они внезапно возникли перед нами и выстрелили в нас из лучевого оружия.

— Слушай, парень, вас ведь предупреждали: не заходить в бары, верно? Вам поручено серьезное дело! Где вы сейчас находитесь?

— Угол Девяносто восьмой и Бродвея. И я не был ни в одной забегаловке, спросите моих людей. Они со мной. Они видели этих ребят. Прямо из летающей тарелки. Говорю вам, город подвергся нападению.

— Оставайтесь на месте, — сказал отдел экстренного рапорта. — Я сейчас к вам кого-нибудь подошлю.

Но к тому времени патруль гражданской обороны уже подобрал группу дезактиваторов, которые, перебивая друг друга, бормотали что-то о летающих тарелках. Когда патруль привез их на место, где они оставили свои защитные костюмы, костюмов там не оказалось, и всю команду без лишних разговоров отправили в метро. Здесь Том и его ребята тщетно пытались доказать, что они из службы по дезактивации и были обстреляны на улице тысячи пришельцев с Марса.

Слух о вторжении с Марса с пугающими деталями о металлических одеяниях и лучевых ружьях стал переда-

ваться из уст в уста. Предупреждения о превосходящем воображение оружии нападения будоражили население все последние дни. Людей, которые читали бесчисленные истории о летающих тарелках и смотрели кинофильмы о вторжении инопланетян из всех уголков вселенной, запихнули в метро и не выпускали оттуда уже несколько часов. Поэтому рассказы о вторжении с Марса люди восприняли даже с некоторым облегчением. Наконец-то стало ясно, кто их враг.

Слух о пришельцах с Марса двинулся со станции метро на Девяносто шестой улице, потом возник на станции под Семьдесят второй и пошел дальше по линии.

Очень скоро во всей подземке Нью-Йорка знали о вторжении экспедиционных сил с соседней планеты.

Некоторые захотели выйти наружу и посмотреть на пришельцев, но их, конечно, не выпустили. Другие, наоборот, побежали вглубь по тоннелям, чтобы спрятаться подальше. Третьи запели псалмы и священные гимны, и эхо от этого пения было громче, чем голоса поющих. Звуки нестройного хора через канализационные люки проникли на поверхность, что обеспокоило полицейских. Они стали звонить в отдел экстренного рапорта, чтобы узнать, как им поступать, если они не справятся с толпой в подземелье.

Экстренный рапорт пообещал прислать поддержку, но так как поддержку быстро собрать не удалось, то решено было позвонить министру обороны.

Однако это оказалось не просто. По инструкции министру можно было звонить только в случае чрезвычайной опасности.

Генерал Сниппетт, командующий городской обороной Нью-Йорка, размышлял, является ли пение людей в метро чрезвычайной опасностью или нет. Он не был в этом уверен. Генерал был человеком практичным. Он достиг своего чина благодаря способности сохранять спокойствие в любой ситуации. Пение людей в метро показалось не опасным. Поэтому он решил послать группу поддержки и несколько машин с громкоговорителями, чтобы убедить людей, находящихся в метро и убежищах, в необходимости

сти сохранять спокойствие и уверенность в том, что все будет хорошо.

Машины с громкоговорителями, к сожалению, произвели прямо противоположный эффект. Слова из рупоров вылетали с шумом, подобным взрывам гранат, и вместо слов: «Вокруг нет никаких пришельцев с Марса» в метро услышали: «Вокруг пришельцы с Марса!»

К тому же две машины столкнулись, повернув за угол, и у одной из них взорвался бензобак. Звук взрыва породил новый слух: сброшена атомная бомба. Сразу же несколько человек заявили, что они поражены радиацией, другие закричали, что поднимается температура воздуха и, значит, половина города уже в огне. Паника еще больше усилилась, когда люди услышали сирены пожарных машин, приехавших тушить загоревшийся бензобак.

И тогда генерал Сниппетт решил позвонить министру обороны.

— Господин министр, — сказал генерал, когда его соединили по прямой линии с Вашингтоном, — я обязан доложить о чрезвычайной ситуации в Нью-Йорке. Здесь в метро собралось около полутора миллионов человек. Они поют церковные гимны и убеждены, что город захвачен марсианами. Не знаю, как долго нашим силам удастся сдерживать толпу.

Долгое молчание в телефонной трубке привело генерала к мысли о том, что сейчас решается судьба его карьеры. Если ему не удалось убедить ministra, что вся эта чепуха — не плод его воображения, то впереди его ждала пенсия, отнюдь не соответствующая его жизненным запросам.

Первый вопрос ministра прозвучал неутешительно.

— Вы сказали: марсиане? — спросил он сурово.

— Да, сэр, — ответил генерал.

Снова наступило молчание.

— Как возникло это нелепое предположение?

— Мне позвонили из отдела экстренного рапорта. Руководитель бригады гражданской обороны по имени Том Маллиган доложил им о группе людей с Марса, призем-

лившихся в летающей тарелке, одетых в металл и стреляющих из лучевых ружей.

— Это он спьяну? — осведомился министр.

— Мы тоже так подумали. Ему было приказано оставаться на месте, но когда прибыл патруль, его не нашли.

— Не нашли?

— Нет. Он исчез.

— Исчез? А его команда?

— Они тоже исчезли.

Долгое молчание.

— Скажите, генерал, — сухо спросил министр, — как военный человек вы доверяете утверждениям военно-морских сил, что алкоголь является средством, защищающим от воздействия радиации?

— Нисколько! — горячо ответил генерал.

— Хорошо, что и вы так думаете. А теперь скажите, сами-то вы видели этих марсиан?

— Нет.

— А летающую тарелку или что-нибудь в этом роде?

— Нет.

— Ну что ж... В таком случае, не будете ли вы добры выехать в город и лично проинспектировать пространство от Бэттери до Бронкса? По возвращении доложите обо всем мне лично. Но при этом сделайте все возможное, чтобы остановить эту чепуху в метро, ибо подобная ерунда может нарушить наш тщательно разработанный план по защите города от нападения. Города, который, кстати, вверен вашим заботам. И учтите, что больше никаких сообщений о подобном вторжении не получено. Трудно поверить, что марсиане так хорошо информированы, что выбрали объектом нападения именно Нью-Йорк, а не Бостон, например. Жду вашего доклада через час.

— Такер! — зарычал генерал. — Подать мою машину!

блока Колумбийского университета, не обращал внимания на подготовку к воздушной тревоге. Он был холостяком и отдавал все свое время работе. Устроив в лаборатории некое подобие спальни, он убедил свою квартирную хозяйку, что когда день-два не возвращается домой, это не значит, что он пьян, сбит машиной или проводит где-то время с девушки.

Квартирная хозяйка, миссис Рейнер, женщина с сильно выраженным материнским наклонностями, никогда особенно ему не верила. Но она не позволяла себе расспрашивать доктора о его делах, хотя частые ночные отлучки квартиранта очень ее беспокоили. В самом деле, кто бы поверил холостяку, когда он говорит, что всю ночь работает! Да еще в Колумбийском университете! Миссис Рейнер точно знала, что ночью в университете работали только уборщики и сторожа, но ведь доктор Кокнитц не был ни сторожем, ни уборщиком. С точки зрения квартирной хозяйки, в докторе было что-то странное, но он исправно вносил квартирную плату и любил птиц. Миссис Рейнер тоже любила птиц и взяла на себя обязанность кормить птичек своего постояльца, когда тот надолго отлучался. В ответ на заботу доктор дал ей номер своего личного телефона, только попросил не звонить по ночам.

Вот как получилось, что в секретную лабораторию Колумбийского университета могли позвонить только два человека — миссис Рейнер с улицы Акаций в Бруклине и президент Соединенных Штатов Америки.

Доктор Кокнитц не думал об учебной тревоге, потому что был поглощен усовершенствованием квадиум-бомбы, которая могла бы вызвать значительно более реальную тревогу. Та бомба, которую доктор показывал президенту, была демонтирована. Доктор Кокнитц решил ее усовершенствовать, несмотря на то, что хорошо осознавал последствия взрыва.

Как раз в день воздушной тревоги работа была закончена. На столе перед ученым лежал небольшой серый свинцовый контейнер, размерами и очертаниями напоминавший коробку из-под ботинок. Это была единственная в мире бомба из квадиума. Выглядела она совершенно бе-

зобидно, но обладала таким чутким механизмом для приведения заряда в действие (в качестве пружинки доктор использовал часть шпильки своей квартирной хозяйки), что достаточно было удара или толчка, чтобы бомба взорвалась. Правда, доктор Кокнитц пока еще не придумал устройства, которое предотвратило бы случайный взрыв, он отложил это на потом. Важно было сделать бомбу, и он ее сделал.

— Дикки, — сказал доктор канарейке в клетке, которая висела рядом с его рабочим столом, — нам обоим надо быть очень осторожными. Я сейчас выпущу тебя полетать и приготовлю нам что-нибудь поесть. Только обещай мне, что не свалишь эту коробочку на пол. Если ты это сделаешь, то погубишь и себя, и меня, и весь город Нью-Йорк.

Канарейка, единственный друг доктора Кокнитца, весело защебетала в ответ.

— Да, да, я знаю, ты слишком мал, чтобы сдвинуть эту коробочку, — продолжал Кокнитц. — Это я просто нервничаю. Действительно, ее надо бы припрятать, но я так устал, и у меня так дрожат руки, что я боюсь ее уронить. Поэтому пусть она пока полежит здесь, а после того как мы перекусим, мы ее спрячем и пойдем домой спать.

Кокнитц вытащил из пакетика сэндвич и стал рассматривать его сквозь толстые линзы своих очков. Сэндвич, состоящий из двух кусков черного хлеба и ливерной колбасы, выглядел скорее мертвым, чем живым. Тогда доктор вытащил из другого кармана второй пакет. Этот сэндвич показался ему еще более подозрительным.

— Дикки, — сказал ученый, — эти сэндвичи так давно лежат в моих карманах, что, пожалуй, есть их не стоит. Позвоню-ка я девушке-телефонистке, попрошу прислать нам кого-нибудь с едой.

Он набрал номер, но никто не отвечал.

— Странно, — пробормотал доктор Кокнитц, глядя на часы. — Сейчас только 10.30. Уверен, что для обеда еще слишком рано.

Он снова набрал номер и, к своему удивлению, услышал мужской голос.

— Что такое? — спросил голос.

— Это доктор Кокнитц. Я хочу попросить кого-нибудь привести мне пару бутербродов.

— Доктор Кокнитц? — взволнованно повторил голос. — Я работник охраны. А где вы находитесь?

— У себя в лаборатории. Кто вы, я не понял?

— Я из группы охраны здания во время воздушной тревоги. Вы знаете, что объявлена воздушная тревога?

— А что, уже началась война? Почему же мне никто не сказал? Меня должны были поставить в известность!

Голос добродушно рассмеялся.

— Нет, это всего лишь учебная тревога, но все-таки вы не должны покидать здания самостоятельно. Подождите, пока за вами кто-нибудь придет, чтобы отвести вас в убежище.

— Но я не могу уйти в убежище. У меня тут есть кое-что, требующее присмотра.

— О, вы имеете в виду вашу канарейку? Не беспокойтесь, мы о ней позаботимся.

— Нет, это вовсе не канарейка. Это нечто совсем иное. Я не могу отойти от этого, а мне хочется есть.

— Оставайтесь в лаборатории, — сказал охранник. — Скоро должны появиться работники столовой, и я кого-нибудь пришлю. Только никуда не уходите.

— Обещаю всему городу Нью-Йорку, что не двинусь с места, — торжественно пообещал доктор.

Между тем Талли и его армия подошли к университету. Они увидели такое же мертвое здание, как и все дома в этом могильном городе.

Талли очень нервничал. С каждой минутой его уверенность в том, что удастся захватить приз, который поставит на колени Соединенные Штаты Америки, ослабевала. Если бы им удалось поймать доктора Кокнитца и доставить его на борт брига, прежде чем Нью-Йорк подвергнется атомной бомбардировке, тогда победа была бы за ними. Но если они не успеют сделать этого до нападения, то все погибнут и приключение закончится ничем.

Странно, но Талли не боялся смерти. Его беспокоило лишь то, что он не выполнит своего долга перед Глори-

аной, его герцогиней. Он пытался убедить себя, что им движут чувства патриотизма и любви к своей стране, но в глубине души Талли чувствовал, что это нечто большее. Глориана с ее золотыми волосами, милой улыбкой, нежным голосом — вот что взвывало к его рыцарской чести.

Все двери, ворота и окна университета были крепко заперты. Талли решил прорываться через главный вход административного блока.

— Уилл, — сказал он лейтенанту, — спили вон то дерево, сделай из него таран и ломай двери главного входа.

Дело оказалось непростым. Прежде надо было сломать железную ограду, и, когда по ней стали колошматить булавами, эхо от ударов металла о металл разнеслось по тихим улицам и вспугнуло стаю голубей. Воины Фенвики тоже были заметно взволнованы. Только Уилл оставался совершенно спокоен. Он был уверен, что население города эвакуировано после известия о начале войны с Великим Фенвиком.

Ограду сломали, дерево срубили и очистили от веток. Таран был готов к действию. Уилл, хорошо знакомый с подобной работой, обернул один конец тарана кольчугой, для укрепления. Восемь лучников подняли бревно и начали бить им по двери главного входа. Грохот от ударов тарана походил на звук гигантского барабана. Дверь дрожала, скрипела и не поддавалась, но в конце концов ее сопротивление было сломлено благодаря тактике шестнадцатого века. Армия Великого Фенвики ввалилась в вестибюль, совершенно пустой, тихий и без малейших признаков противника в засаде.

— Дьявольщина! — воскликнул Уилл. — По мне, лучше бы они выскочили из-за угла и начали драку. Нам предстоит непосильная работа: найти врага по запаху в этом огромном здании. Если бы нам удалось выиграть хотя бы одно сражение! Тогда они официально признают капитуляцию, и нам будет что пожевать!

— Мы ближе к победе, чем ты думаешь, — возразил Талли, изучая большое табло с указателем помещений, — но у нас очень мало времени. Ага, вот оно: доктор Кокниц, комната 201. Второй этаж. Оставь людей здесь и

снаружи, а мы с тобой идем на второй этаж. Если появится противник — взять его в плен или убить.

Талли, вынув меч, через две ступеньки взлетел по лестнице на второй этаж. Уилл следовал за ним. Одним ударом ноги дверь в комнату 201 была открыта.

Посреди лаборатории окруженный колбочками, ретортами, трубочками и конденсаторами стоял доктор Кокнитц и, близоруко моргая, смотрел на двух странных мужчин.

— Вы принесли мне бутерброды? — спросил он.

10

История войн знала не много людей, подобных доктору Кокнитцу, которых было бы так трудно убедить в том, что они являются военнопленными. Во-первых, он ожидал увидеть сэндвич, а вместо этого ему показали меч. Во-вторых, он представлял себе воздушную тревогу двадцатого века в уютном убежище с кофе и булочками. Но перед ним стояли воины в доспехах и плащах с двуглавым орлом, и от них исходила реальная угроза. Доктор Кокнитц, как и все жители Соединенных Штатов, не мог себе представить, что страна подвергнется нападению Великого Фенвика.

— А где же сэндвичи? — снова спросил доктор Кокнитц, глядя на Талли с таким изумлением, будто бы тот возник из-под пола и может исчезнуть таким же образом в любую минуту.

Талли снова терпеливо объяснил, что не может быть и речи ни о каких сэндвичах и что доктор — военнопленный.

— Ничего не понимаю, — сказал доктор, медленно покачивая головой. — Абсолютно ничего не понимаю. Должно быть, я слишком много работал и у меня начались галлюцинации. Вы оба, — сказал он, указывая на Талли и Уилла, — галлюцинация, результат моего переутомления или авитаминоза. Сейчас я закрою глаза, несколько раз глубоко вдохну, и, когда открою глаза, вас уже здесь не будет.

Доктор Кокнитц проделал всю процедуру, но два человека в латах по-прежнему стояли перед ним, уставившись на него злыми голубыми глазами.

— Следовательно, — со вздохом сказал ученый, — вы не галлюцинация, а я — военнопленный. Тогда объясните мне, пожалуйста, с кем же воюют Соединенные Штаты Америки?

— С герцогством Великий Фенвик, — ответил Талли.

— С герцогством Великий Фенвик, — медленно повторил Кокнитц. — В таком случае произошло недоразумение. Я не могу быть военнопленным государства, которое является моей родиной.

— Послушайте, — мрачно сказал Талли, который очень нервничал из-за того, что уходит время, — все очень серьезно. Герцогство Великий Фенвик уже более двух месяцев назад объявило войну Соединенным Штатам. Мы высадились в Нью-Йорке. Вы наш пленник, и мы намерены доставить вас в Великий Фенвик.

— Но почему герцогство объявило Соединенным Штатам войну?

— Из-за вина, — ответил Уилл. — Вы, американцы, стали подделывать наше вино — вот почему!

— Из-за вина, — повторил доктор. — Что ж, вполне веская причина для объявления войны Соединенным Штатам.

— Ну все, хватит, — резко сказал Талли. — Мы взяли вас в плен. Вас и вашу бомбу. Кстати, где она?

— Бомба? — встрепенулся ученый, будто его пробудили от глубокого сна. — Бомба? Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду бомбу, которая уничтожит весь мир, — сказал Талли, трясясь перед Кокнитцем газетой.

Доктор непроизвольно глянул на свинцовую коробку, стоявшую на столе, и кинулся к ней, но Талли его опередил.

— Вот это! — торжествующе воскликнул он, схватив коробку одной рукой. Он покачивал свинцовый контейнер, словно определяя его вес, и, когда бомба выскользнула из его руки, успел подхватить ее другой рукой.

Доктор Кокнитц поднялся на носочки, как балетный танцор, и крепко зажмурился.

Открыв глаза и утирая пот со лба, он прошептал:

— Пожалуйста, пожалуйста, будьте поосторожнее! Коробка, которую вы держите, — это очень опасная вещь.

— Так это бомба? — спросил Талли.

— Да, это — бомба. Если ее потрясти, ударить, уронить или повредить любым другим способом, она немедленно взорвется. И если это произойдет, то Нью-Йорк, Филадельфия и Бостон будут стерты с лица Земли. На несколько сотен миль вокруг не останется ни одной живой души. К тому же произойдет выделение ужасного газа, который будет убивать все живое долгие-долгие годы. Умоляю, обращайтесь с этой коробочкой нежно, как с маленьким мышонком, и вы спасете жизни миллионов невинных людей.

Уилл, недоверчиво выслушав тираду доктора, подошел к столу и сказал:

— Дайте-ка мне открыть эту коробочку мечом. Посмотрим, что внутри. Уверен, там нет ничего, кроме кучки песка. Но даже если в ней и лежит горстка пороха, то взрыв не повредит ничего, кроме этой комнаты.

— НЕТ! НЕТ! — закричал доктор Кокнитц. — НЕТ! Умоляю! Не делайте этого!

Он кинулся к Уиллу и схватился обеими руками за его меч.

— Думаю, что он нас не обманывает, — сказал Талли. — Мы уходим. Но прежде ответьте мне на один вопрос: зачем вы это сделали?

— Это мирное оружие Соединенных Штатов Америки, — ответил доктор Кокнитц.

— Мирное оружие? — удивился Талли. Он посмотрел на Уилла, опирающегося на свой меч. — Хорошо. Меч, на который опирается Уилл, тоже мирное оружие, только он не может разом убить миллионы людей. Наша маленькая страна, Великий Фенвик, тоже нуждается в хорошем мирном оружии, вот почему мы хотим захватить ваше изобретение с собой. Прошу вас, следуйте за мной.

Доктор Кокнитц пожал плечами и двинулся к двери, но вдруг остановился.

— А моя канарейка? — воскликнул он. — Кто же за ней присмотрит?

— В этом нет никакой необходимости, — заметил Талли. — На ваш город очень скоро будет сброшена атомная бомба. Есть в мире и еще кое-кто, пользующийся мирным оружием. Так что чем скорее мы отсюда уберемся, тем будет лучше.

— Атомная бомба! — разом воскликнули Уилл и Кокнитц.

— Вот именно! Прочтите, что здесь написано. — И Талли протянул доктору газету, указывая на статью на первой странице, где говорилось, что тревога, объявленная на всем восточном побережье, является подготовкой к атомной атаке. — Поскольку тревога уже давно объявлена, атака может начаться с минуты на минуту.

— Но ведь это только учебная тревога, как сказал мне охранник, — возразил доктор Кокнитц.

Талли сурово посмотрел на своего пленника и решил еще раз прочесть статью.

— Может быть, вы и правы, — сказал он, убедившись, что в газете написано именно это, — но в таком случае я хочу воспользоваться ситуацией. Мы должны как можно скорее добраться до «Стремления» и отойти от берегов Соединенных Штатов Америки вместе с вами и вашей бомбой. Поэтому вперед!

— Но моя канарейка! — снова воскликнул доктор Кокнитц.

— Берите свою канарейку, только быстро, — приказал Талли.

Кокнитц взял клетку, вышел из комнаты и обратился к Талли:

— Будьте внимательны. Не споткнитесь, не упадите, иначе весь Нью-Йорк упадет вместе с вами.

11

На углу Сто десятой улицы и Бродвея силы Великого Фенвика под водительством Талли Баскомба встретились

с силами Соединенных Штатов Америки под водительством командующего гражданской обороной Нью-Йорка генерала Сниппетта.

Силы генерала состояли из его шофера, двух машин с громкоговорителями и передвижной кухни с четырьмя служащими. Вместе с вооруженными полисменами с генералом было двенадцать человек на четырех автомобилях.

Обе армии, если позволительно будет употребить это слово, рассматривали друг друга через пятьсот ярдов пустынной улицы, готовые к началу сражения. Фенвикцы, следуя тактике обороны, принятой в четырнадцатом веке, выстроились в шахматном порядке. Генерал Сниппетт должен был бы обойти их с тыла, но почему-то этого не сделал. Приказав войскам готовиться к сражению, он посадил одного вооруженного полицейского в свой автомобиль и храбро двинулся к фенвикцам на переговоры.

Подъехав поближе к противнику, генерал приказал поднять крышу автомобиля, встал на переднем сиденье и закричал:

— Какого черта вы здесь торчите? Почему вы не в укрытии?

На это Талли учтиво ответил, что он является командующим армией Великого Фенвика, воюющего с Соединенными Штатами Америки, и предлагает генералу покинуть поле боя, так как вооруженные силы Великого Фенвика превосходят силы Соединенных Штатов. Если же генерал не примет этого предложения, тогда не останется ничего другого, как начать сражение.

Ответ генерала был крайне невежлив и заканчивался требованием к «банде идиотов» немедленно проследовать в укрытие, иначе он прикажет своим людям открыть огонь.

Талли понял, что это ультиматум, что переговоры закончены, и приказал своим лучникам подготовиться к первому залпу.

Когда генерал Сниппетт увидел, что стрелы вынимаются из колчанов, руки поднимаются на высоту плеч, а

тетивы луков натягиваются, ему показалось, что он потерял рассудок. Он заорал своему полицейскому:

— Свали этого высокого парня в дурацком костюме!

Полисмен вышел из автомобиля, чтобы получше прицелиться. Тогда Талли сказал Уиллу:

— Сними-ка фуражку с парнишки. Надо научить его уважать старших.

Полисмен только еще поднял карабин, как из лука Уилла злой пчелой вылетела блестящая стрела, пронзила фуражку полицейского и, отлетев ярдов на сто, вонзилась в асфальт. На ней, еще подрагивающей от полета, болталаась фуражка — первый трофей войны.

Полицейский все-таки выстрелил из своего карабина, но пуля пролетела ярдах в двадцати над головой Талли, который, взяв лук у стоящего рядом лучника, почти не целясь, сбил фуражку с головы генерала Сниппетта. Вторая стрела с трофеем вонзилась в асфальт неподалеку от стрелы Уилла.

Но это чуть не стало причиной гибели миллионов людей. Беря лук у лучника, Талли дал тому подержать квадиум-бомбу, но ведь лучник не знал, что за ящичек ему доверили. Талли тоже забыл о бомбе. Инстинкт военного, выработанный в нем многими поколениями, сказал ему, что наступил решающий момент битвы.

— Один залп по их линии! — приказал Талли Баскомб. — И сразу же в атаку с мечами и булавами!

Стая звенящих стрел взвилась над полем битвы, на мгновение застыла в зените и градом обрушилась в нескольких футах перед машинами, составляющими тыл генерала Сниппетта. В тот же момент, подняв мечи и выставив вперед щиты, воины Фенвики кинулись в бой. Уилл захватил автомобиль генерала, вытащив из кабины шоfera, выдернул из рук полицейского карабин и швырнулся в витрину.

Сидевшие в других трех машинах, составлявших основные силы генерала, были в растерянности. Повара из машины-кухни, увидев сверкающие на солнце мечи, бросились наутек. Один из них, опомнившись, поднял карабин и выстрелил. Пуля попала в грудь лучника. Лучник упал, поднялся, снова упал и больше не шевелился. Это

был фермер по имени Том Кобли сорока пяти лет от роду. Он пал на поле боя смертью храбрых и удостоился потом такой высокой чести, какой не удостаивался никто из его соотечественников за последние пять веков. Его тело перевезли на родину и похоронили в церкви замка рядом с могилой Роджера Фенвики.

Выстрел полицейского воодушевил его товарищей, и они тоже начали стрелять. Но лучники были уже рядом, и началась рукопашная схватка. Лучник, которому была поручена квадиум-бомба, будучи не в состоянии вытащить свой меч, решил кинуть свинцовый ящичек в полицейского. Он хорошенъко размахнулся, и бомба взлетела вверх футов на двадцать. К счастью, Талли был рядом и сумел поймать бомбу почти над землей. Резкобросившись вперед, Талли упал, но успел крепко прижать ее к груди. Восточное побережье Соединенных Штатов Америки было спасено.

Когда Талли наконец поднялся, Нью-Йорк стоял целым и невредимым, а армия Великого Фенвики одержала убедительную победу над врагом и стала обладателем четырех автомобилей. Доктор Кокнитц, который был поручен заботам двух лучников, упал в обморок.

От начала переговоров с генералом Сниппеттом до захвата автомобилей, оружия, самого генерала, его шофера и четырех полицейских прошло не более пяти минут. Остатки американской армии бежали. Талли приказал своим людям сесть в машины и следовать за ним в Канард-док, где их ожидал бриг «Стремление». В связи с тем, что Талли был единственным фенвикием, кто знал, как управлять машиной, остальные автомобили вели американцы, правда, им пришлось терпеть неудобство в виде прижатых к бокам широких мечей.

По пути к доку генерал Сниппетт требовал объяснить ему, что за чертовщина происходит и что все тут, к дьяволу, собираются делать.

— За все это вы расплатитесь пожизненным заключением! — громыхал он. — Немедленно освободите меня или я призову всю нью-йоркскую полицию, чтобы разделаться с вами!

После того, как генерал понял, что на его угрозы никто не обращает внимания, он сбавил тон и попросил объяснить, что же случилось, более вежливо.

Талли терпеливо растолковал генералу, что он — военнопленный герцогства Великий Фенвик, что его доставят в герцогство, где с ним обойдется соответственно его чину, а затем он будет освобожден с соблюдением всех процедур, установленных законами цивилизованных стран.

Это вызвало новый взрыв эмоций со стороны генерала. Слегка утихомирившись, он спросил, что такое герцогство Великий Фенвик, где оно расположено и из-за чего началась война.

Узнав, что герцогство — независимое государство, расположенное на северных склонах Альп, длиной в пять миль и шириной в три, и что война началась из-за предпримчивости каких-то калифорнийских виноделов, ошарашенный генерал погрузился в долгое молчание, что очень устраивало Талли, потому что ему надо было решить куда более важные задачи, а времени на размышления оставалось совсем немного.

Главная проблема заключалась в безопасной доставке доктора Кокнитца и квадиум-бомбы в Великий Фенвик. Путешествие на бриге заняло бы не меньше двух недель. За это время могло случиться все, что угодно: волнение на море или нападение американских кораблей, — ведь их страны все еще находились в состоянии войны.

Еще более непредсказуемой была бы попытка отправить доктора и бомбу самолетом. Во-первых, где найти пилота, способного совершить трансатлантический перелет. Во-вторых, на аэродроме могут находиться превосходящие силы противника, и лучники просто не справятся с ними.

И Талли решил довериться бригу. Его решение определялось тем странным обстоятельством, что Соединенные Штаты, очевидно, до сих пор не поняли, что они воюют с Великим Фенвиком, и только несколько человек знали, что армия герцогства вторглась в Нью-Йорк и захватила в Колумбийском университете ценнейшее секретное

оружие. Таким образом, существовала возможность добраться домой в герцогство, прежде чем пропажа будет обнаружена.

Поэтому Талли отказался от похода на Вашингтон, от атаки на Белый дом и предъявления своих требований президенту. В руках у него теперь была добыча поважнее, чем президент Соединенных Штатов.

Думая о докторе Кокнитце, Талли вспомнил, что ученик родился в Великом Фенвике, и спросил Уилла:

— Уилл, ты когда-нибудь встречал в Великом Фенвике семью по фамилии Кокнитц?

Уилл нахмурился, подумал и ответил:

— Сам-то я их не знаю, но отец однажды упоминал каких-то Кокнитцев. Это были бродячие цыгане, муж и жена. Женщина была на сносях, поэтому им разрешили остаться в герцогстве, пока она не разродится. Отец рассказывал, что женщина при родах умерла. Герцог пожалел мужчину и позволил ему жить у нас, сколько тот захочет. Они с мальчиком прожили в герцогстве года три, а затем исчезли. Говорили, что они уехали в Америку.

— Вот я и думаю, что мне знакомо его имя, — сказал Талли, глядя на доктора, сидевшего на заднем сиденье между двумя лучниками. Доктор держал на коленях клетку и разговаривал с канарейкой.

— Так-так, — продолжал Талли. — Птицы. Кокнитц — это тот самый тип, который спорил с моим отцом по поводу местных птиц Великого Фенвика. Теперь я все вспомнил. Послушайте, — обратился Талли к ученому, — это вы автор статьи, где говорится, что в Великом Фенвике не может быть собственных местных птиц?

— Да, это я, — кротко признал Кокнитц.

— Что ж, очень хорошо, — сурово сказал Талли. — Скоро вам представится возможность убедиться в том, что вы заблуждались. Вы изучите всех местных птиц, начиная с этой, — и Талли указал на двуглавого орла, красующегося на его плаще, — и кончая воробьем с хохолком на макушке.

— Вы, наверное, имеете в виду поползня, — часто моргая, сказал Кокнитц.

— Можете называть их поползнями, если вам нравится, или орлами. Но в Великом Фенвике птички с хохолками на макушке называются воробьями.

Машины остановились у причала Канард-дока. Педро и его команда, развалившись на палубе, грелись под лучами весеннего солнышка. Оклик Талли заставил их быстро вскочить на ноги.

— Срочно готовьтесь к отплытию, — скомандовал Талли.

— Ребята просятся на берег, — возразил Педро. — Они так давно не видели американских девушек.

— Отдать швартовы, — зарычал Талли. — Сейчас не время думать о девках.

Педро пожал плечами и отдал команду своим людям.

Доктор Кокнитц, генерал Сниппетт, четверо полицейских и шофер разместились в кают-компании, туда же проследовали и все воины Великого Фенвика. Талли оставался на причале, пока из машин на корабль не пересели все.

— Подожди меня, — сказал Талли капитану. — Мне нужно сделать еще кое-что.

Он взял длинную веревку с абордажным крюком на конце и закинул крюк на крышу ближайшего здания, где на флагштоке развевался звездно-полосатый американский флаг. Сдернув флагшток, он снял флаг, свернул его и спрятал под мышку. Затем привязал к флагштоку полотнище с двуглавым орлом, который одним клювом говорил «да», а другим — «нет», и водрузил флагшток на крыше.

После этого Талли взошел на бриг, и вскоре они уже плыли вниз по реке.

Педро, все еще сердитый на то, что его команде не удалось сойти на берег в Нью-Йорке, с издевательской ухмылкой спросил:

— Вас не было почти пять часов. И как закончилась война с Соединенными Штатами?

— Мы победили, — спокойно ответил Талли.

Через шесть часов после начала воздушной тревоги министр обороны был вынужден ее отменить. Поступил он так по некоторым причинам. Во-первых, люди больше не могли оставаться в убежищах. При всем своем уважении к требованиям законного правительства, будучи всей своей долгой историей воспитанными в духе индивидуализма, горожане были просто не в состоянии далее оставаться запертными в метро, бомбоубежищах, в подвалах домов, обходиться без радио, телевидения, холодильников, прохладительных напитков, чашечки кофе и порции виски или кружки пива.

Они предпочли бы рискнуть и погибнуть, нежели быть погребенными заживо. Матери требовали воссоединения со своими детьми и не обращали никакого внимания на уговоры полицейских и заверения руководства гражданской обороны в том, что с их детьми все в порядке. Женщины готовы были превратиться в кучку пепла, но не желали больше терпеть разлуку со своими отпрысками.

Слух о высадке марсиан с летающей тарелки перерос в панику. Горожане требовали немедленно выпустить их из подземки и дать возможность разойтись по домам.

Министр обороны старался делать все, чтобы удерживать ситуацию под контролем. Он даже отправил генерала Сниппетта в город, чтобы тот опроверг слухи о марсианском вторжении. Но вот уже три часа, как от генерала не поступало сообщений. Однако рапорты из пунктов гражданской обороны свидетельствовали о том, что народ совсем вышел из повиновения. Например, в одном из тоннелей метро толпа разъяренных мужчин изрезала сиденья в вагоне и разобрала на части мотор в кабине машиниста. И подобные акции происходили не только в Нью-Йорке, но и в Бостоне, и в Филадельфии.

Была и еще одна особая причина, почему министр отдал приказ отменить тревогу, — исчезновение генерала Сниппетта. На его розыски уже отправили двести полицейских на мотоциклах, они обшарили весь Манхэттен от Бронкса до Бэттери. Генерала не было нигде. Его автомо-

биль, две машины с громкоговорителями и передвижную кухню обнаружили в Канард-доке. На машине генерала были заметны три небольшие вмятины, но самое загадочное, в обшивке заднего сиденья подрагивала стрела трех футов длиной.

Когда это донесение подали министру, он распорядился доставить все машины в полицейский гараж и не трогать их, пока он сам не приедет с обследованием. Однако через минуту он передумал и приказал немедленно доставить ему стрелу с посыльным.

Некоторое время спустя полицейские доложили о том, что взломана дверь главного входа Колумбийского университета и сделано это было при помощи ствола дерева, росшего неподалеку от здания.

Финальным аргументом в пользу отмены тревоги, если он вообще был необходим, стало возмущение прессы. Редакции и типографии, выпускавшие газеты и журналы, лишились своих читателей, сидевших взаперти. Это грозило огромными убытками всей издательской индустрии.

Журналисты, собравшиеся в баре на Тридцать девятой улице, пригрозили тем, что если тревога не будет немедленно прекращена, то они снимут скальп с министра обороны.

Словом, тревогу отменили, и хаос, последовавший за этим, превзошел суету, которая царила перед началом тревоги. Телефоны раскалились от звонков в полицию, на радио, телевидение и в газеты. Все желали знать, правда ли, что было вторжение с Марса, правда ли, что на Манхэттене была кровавая бойня, правда ли, что вся вода теперь радиоактивна. Те, кто оказался в городе, стремились поскорее попасть домой. Те, кто был заперт в своих домах, кинулись в город, чтобы своими глазами увидеть, что же произошло на самом деле.

Полиция, служащие гражданской обороны и работники Красного Креста были не в состоянии справиться со всей этой сумятицей. И в уйме слухов, истерик и недоразумений сообщения миссис Рейнер о том, что ее жилец, доктор Кокнитц, не возвращался домой уже три дня, просто никто не заметил.

Однако не для того миссис Рейнер прожила в Бруклине пятьдесят пять лет, чтобы ее личный вопрос был проигнорирован и потонул среди миллионов подобных вопросов.

— Вы должны разыскать доктора Кокнитца, — наставляла она чиновника манхэттенского отделения Бюро по розыску пропавших людей, — иначе я обращусь в вышестоящие инстанции или разыщу его сама. Но хотелось бы мне знать, за что, собственно, я плачу налоги, по вашему мнению?

— Леди, — ответил усталый чиновник, — у нас сейчас зарегистрировано почти десять тысяч человек, исчезнувших за последние три часа. Пропали четыре сотрудника нашего бюро. Так, как вы сказали, пишется имя вашего доктора?

— Кокнитц, — сказала миссис Рейнер. — Всякий знает, как писать фамилию Кокнитц. Это так же просто, как, например, Шмидт.

— Ну, я подумал, что, может, сначала неправильно записал его фамилию. Пожалуйста, повторите.

— Послушайте, — решительно сказала миссис Рейнер, — я не собираюсь тратить еще пять центов, чтобы освежить вашу память. Его фамилия — Кокнитц. Он очень милый джентльмен, который иногда не приходит домой ночевать. Он работает в Колумбийском университете, но никогда еще не оставался там на три дня и две ночи.

— Мы поищем его и, как только найдем, сразу же дадим вам знать. — Чиновник повесил трубку и стал заполнять формуляр.

Он записал, что исчез мистер Кокнитц, холостяк, пятидесяти лет, который носит сильные очки и любит птиц.

Миссис Рейнер, однако, не удовлетворилась разговором с чиновником из Бюро по розыску пропавших. Она уже звонила доктору по его личному телефону в Колумбийском университете. Ей никто не ответил. Потом она подумала, что стоило бы ей самой съездить в университет, но вспомнила, что надо же позаботиться и о других своих постояльцах, а также сделать некоторые покупки.

Пока миссис Рейнер ходила по магазинам, она решила, что должна написать об исчезнувшем квартиросъемщике самому президенту.

Миссис Рейнер потратила на сочинение письма целый час и, перечитав его, осталась вполне довольна результатом.

«Дорогой президент этих Соединенных Штатов!

Уже три дня и две ночи мой квартиросъемщик доктор Кокнитц не появляется дома, и я хочу, чтобы вы помогли мне его найти. Этот джентльмен — холостяк и иногда действительно не ночует дома. Но никогда еще он не исчезал на столь долгий срок. Порой он говорит, что работает, а порой — что заснул в кино. Когда он не приходит ночевать, я всегда кормлю его птиц и впредь не оставлю их голодными. Но я беспокоюсь о докторе. Он очень славный джентльмен и всегда исправно платит за квартиру. Я очень за него волнуюсь. Пожалуйста, помогите мне его найти. Может быть, у вас найдутся какие-нибудь люди, которые смогут проверить все кинотеатры. Некоторые из них работают круглосуточно, и там может оказаться много пропавших людей.

Ваша согражданка

Элиза Рейнер.

Р.С. Я всю жизнь голосовала за республиканцев, кроме того, когда во время великой депрессии нам понадобились демократы».

Миссис Рейнер адресовала свое письмо просто «Президенту этих Соединенных Штатов». Оно шло в Белый дом целых четыре дня. Потом еще три дня письмо путешествовало по Белому дому. Затем, после просмотра тайными службами, оно легло на стол секретаря, который отбирал корреспонденцию, достойную внимания главного администратора. Администратор счел возможным показать это письмо президенту, но не потому, что оно показалось ему важным, а просто потому, что такое письмо дало бы президенту возможность проявить человечность.

Тем временем после отмены тревоги количество стран-
ных явлений неуклонно росло.

Журналист «Нью-Йорк Геральд Трибьюн», побывав-
ший в порту, обнаружил, что на крыше таможни вместо
звездно-полосатого полощется флаг с двуглавым орлом.
Никто не смог ответить, как он туда попал и что означает.
Обычно звездно-полосатый поднимали на рассвете и опу-
скали на закате, но человек, в чьи обязанности входило
следить за флагом, пропал во время тревоги, и его забыли
заменить кем-нибудь другим.

Заметка об этом событии попалась на глаза министру
обороны, и он приказал доставить странный флаг так же,
как раньше послал за стрелой, вонзившейся в заднее си-
денье машины генерала Сниппетта.

Через три дня прессы принялась обсуждать взломан-
ную импровизированным тараном дверь главного входа
Колумбийского университета. Декан опроверг предполо-
жение о том, что это — проделки недовольных студентов,
тем более он не мог допустить мысли, что кольчуга, кото-
рой был обернут таран, украдена из музея.

— Доспехи этого рода — чрезвычайная редкость.
Такая кольчуга покрывала голову, плечи и торс воина
четырнадцатого века. При взломе двери главного вхо-
да, — констатировал декан, — многие звенья кольчуги
были безвозвратно повреждены. Но смотритель Метропо-
литен-музея заявил, что из музея не пропадал ни один
экспонат.

Вот что сказал журналистам смотритель Метрополи-
тен-музея:

— Эта кольчуга сделана точно по крою четырнад-
цатого века, но, оценивая ее состояние, можно сделать
вывод, что она или изумительно сохранилась, или же
произведена значительно позже уникальным мастером.
Единственное место в мире, где сегодня можно найти
подобное произведение искусства, — это герцогство Ве-
ликой Фенвик.

Заключение эксперта по кольчугам было опубликовано
в «Таймс», где его заметил министр обороны. Он послал
за кольчугой так же, как прежде посыпал за флагом и

стрелой. Потом он попросил принести ему Британскую энциклопедию и прочел там все, что касалось герцогства Великий Фенвик.

Пять строк статьи описывали национальный флаг герцогства с его двуглавым орлом.

Министр так погрузился в свои исследования, что в первый раз за все двадцать лет службы в правительстве забыл покинуть офис в 5.30.

В нормальное время эти удивительные события стали бы золотой жилой для газетчиков, но сейчас вся пресса Восточного побережья объединила свои усилия, чтобы доказать читателям, что никакой летающей тарелки с Марса не было.

Когда Том Маллиган, руководитель секции дезактивации гражданской обороны ц 4-3000, подсекция 3, ныне отстраненный от должности за подачу рапорта о вторжении из космоса, прочел то, что писали газеты, он собрал всех членов своей команды у себя дома.

— Начальство гражданской обороны, — сказал Том, — не поверив в то, что подсекция 3 встретилась с марсианами, выставила всех нас идиотами. Я прошу вас просто ответить мне на один вопрос: видели или не видели вы группу странных парней, одетых в какую-то блестящую одежду?

Члены подсекции 3, не колеблясь, ответили, что видели.

— И, — продолжал Том, — они ведь обстреливали нас какими-то лучами или чем-то еще, что свистело, пролетая над нашими головами?

Тут мнения несколько разошлись. Не все были уверены, что это можно назвать лучами.

— В таком случае, — торжественно произнес Том, — долг американских патриотов заставляет нас заявить о нападении марсиан во всеуслышание. — (Ничто не могло поколебать Тома в уверенности, что он встретился именно с марсианами.) — Пришельцы с Марса, возможно, где-то среди нас, они убивают людей, а правительство, которое не в силах справиться с марсианами, просто скрывает от всех правду. Я решил отправиться

прямехонько в «Дейли Ньюс». Уж эта газета не скроет от народа ужасной истины!

Несмотря на то, что все члены подсекции З былиувлены с работы, некоторые стали возражать против решения Тома. Один предположил, что, если правительство скрывает правду, значит, тому есть серьезные причины. Другой сказал, что если уж им не поверили на службе, то в газете не поверят тем более.

Но Том ответил, что знает одного важного человека в редакции, и уверен, что с его помощью история обязательно будет опубликована.

Том немножко приукрасил факты. «Важной персоной» был всего лишь распространитель газет, у которого он иногда подрабатывал. Когда Том рассказал ему всю историю, тот задал ему один вопрос.

— Вы говорите, это случилось вдалеке от центра города?

— Да, — ответил Том. — Угол Сотой и Бродвея.

— Пожалуй, позову редактора, и вы ему снова все расскажете. Это можно здорово подать: «МАРСИАНЕ ПРИЗЕМЛИЛИСЬ НА ОКРАИНЕ!» Неплохо заработаете, если сумеете заинтересовать редактора.

Редактор принял Тома и двух его друзей на две минуты. Он был недоволен тем, что у них нет фотографии пришельцев, и передал пришедших молодому худенькому журналисту, который задал им тысячу вопросов, желая знать мельчайшие детали. Том и члены его команды подписали свои показания и отправились по домам.

— Завтра все это появится на первой странице, — сказал Том.

Но этого не случилось.

Редактор, читая заметку журналиста, колебался между осторожностью и ликованием. Сначала он решил немедленно подписать статью в печать, но вечная привычка к обязательной проверке фактов заставила его помедлить. Он дал прочесть статью выпускающему редактору, сказав:

— Парни поклялись, что все это чистая правда. Они показали свои удостоверения. Их выгнали из граждан-

ской обороны, обвинив в том, что они были пьяны и потеряли свои защитные костюмы. Мы могли бы раздуть эту историю, но хотелось бы обойтись без неприятностей.

Выпускающий редактор положил ноги на стол и сосредоточил взгляд на своих ботинках.

— Помните статью в «Трибьюн» о странном флаге на крыше таможни? — спросил он.

— Да-да, помню.

— Забавная история, — продолжал выпускающий. — Два дня уже ищут генерала Сниппетта и не могут найти. Нашлась только его машина. — Он снял ноги со стола. — Она стоит в полицейском гараже и у нее продырявлено заднее сиденье. Пусть парочка лучших репортеров займется этим делом.

— А что же с этими марсианами? — спросил редактор.

— Соберем все факты, — сказал выпускающий, снова водрузив ноги на стол. — Исчез генерал. Диковинный флаг на крыше таможни. Машина генерала пострадала в бою. Работники гражданской обороны докладывают о вторжении в город людей в сверкающих костюмах. Дверь в Колумбийском университете взломана тараном, обернутым кольчугой. Подытоживаем: «МАРСИАНЕ ВТОРГЛИСЬ НА МАНХЭТТЕН». Дайте мне посмотреть статью, когда она будет готова.

Редактор вызвал двух шустрых журналистов, двух фоторепортеров и после короткого совещания отправил их выполнять задание.

13

— Господин президент, — сказал министр обороны, — я обязан доложить вам о чем-то совершенно невероятном, но абсолютно истинном. Это настолько удивительная история, что невозможно понять, с чего все началось.

— Садитесь, — с улыбкой предложил президент. — Не волнуйтесь и расскажите мне все, что вас заботит.

— Спасибо, — сказал министр. — Но вы должны заранее извинить меня за невероятность того, что я вам

расскажу, хотя, повторяю, все это чистая правда. Перед приходом к вам я тщательно проверил все факты, которые привели меня к определенным выводам.

Президент удивленно посмотрел на министра.

— Продолжайте, — сказал он спокойно.

Министр судорожно вздохнул. Он так нервничал, что даже не сразу смог заговорить.

— Господин президент, — начал он наконец, — мы находимся в состоянии войны с некой страной, однако, похоже, мы об этом не знаем. Более того, во время учебной тревоги в Нью-Йорк вторглись экспедиционные силы этой страны и успешно захватили город. Выходит, господин президент, армия этой страны выиграла войну, а Соединенные Штаты, соответственно, впервые в истории войну проиграли.

— Господи, — воскликнул президент, — вы в своем уме?

— Я не выжил из ума, — уже спокойно сказал министр. — То, что я вам сказал, — это ужасная правда. Я ничего не подозревал до тех пор, пока не произошло кое-что странное, на что я сначала не обратил внимания. Но теперь доклад моих секретных агентов полностью подтверждает мои выводы.

Президент поднялся из-за стола и подошел к министру.

— Я не спрашиваю о вашем самочувствии, потому что вижу — вы в порядке. Не думаю, что вы решили пошутить, и, зная ваше уважение к президенту страны, понимаю, что вы не станете меня дурачить. А теперь я хочу знать факты: что это за страна, когда и зачем была начата война и как вы пришли к заключению, что они выиграли войну, о которой никто и не знал. Я лично не сомневаюсь в нашей непобедимости.

— Мы непобедимы, господин президент, но побеждены.

Министр достал из портфеля папку, раскрыл ее и вынул лист бумаги. В верхней части листа был изображен двуглавый орел, говорящий одним клювом «да», а другим «нет». Под изображением орла староанглийским шрифтом было написано: «Герцогство Великий Фенвик».

Президент медленно начал читать документ вслух. Когда он дошел до последнего параграфа, где говорилось: «Герцогство Великий Фенвик, употребив все возможные усилия для решения проблемы мирным путем, ныне объявляет о состоянии войны между герцогством Великий Фенвик и Соединенными Штатами Америки», он медленно и серьезно произнес:

— Худшего нельзя было и придумать.

Потом президент сел в кресло и уставился на министра обороны.

Минуту или две оба сидели молча. Казалось, им хотелось прочесть мысли друг друга. Наконец президент нарушил молчание.

— Прочту еще раз.

Он прочел документ и спросил:

— Откуда появилась эта бумага? Полагаю, вы проверили ее подлинность?

— Проверили. Документ был найден моими секретными агентами в квартире чиновника по имени Честер И. Бенсон, который работает в Госдепе. Точнее сказать, бумага была обнаружена за батареей в его гостиной.

— Почему она там оказалась? — Президент даже побагровел от ярости.

— Бенсон не так уж виноват, — быстро ответил министр. — Он служит в отделе Центральной Европы. Документ был доставлен ему обычным посыльным. Когда Бенсон открыл конверт, то подумал, что это очередной розыгрыш ребят из пресс-бюро. Он положил конверт в карман и отправился кататься на каноэ. Каноэ перевернулось, конверт намок, Бенсон положил его на батарею просушить и забыл. Секретные агенты нашли это заявление, после того как вскрылись факты, свидетельствующие о том, что Великий Фенвик воюет с нами.

— Что за факты? — резко спросил президент.

Министр рассказал всю историю и о странных людях в сияющих одеждах на Манхэттене, и о пропавшем генерале Сниппете, и о его продырявленной машине, и о флаге на крыше таможни порта.

— Нет сомнения, — продолжал министр, — что вторжение произошло во время учебной тревоги. Возможно,

захват генерала Сниппетта с четырьмя полицейскими не был случайным. Я отправил его, чтобы предотвратить панику по поводу высадки «марсиан». А наличие стрелы длиной в три фута в машине генерала объясняется тем, что Великий Фенвик не воевал с четырнадцатого века и их солдаты одеты и вооружены так же, как солдаты Столетней войны в Европе.

Президент прервал министра.

— Вы хотите сказать, что на нас напали европейцы с оружием четырнадцатого века? — Он закрыл глаза и сжал голову руками. — Я так и не могу понять, почему произошло это нападение.

— Вино, — объяснил министр. — Виноделы Сан-Рафаэля в Калифорнии начали выпускать имитацию вина «Пино», которое является единственным предметом экспорта герцогства. Это стало угрожать благосостоянию страны. И я их понимаю. Вспомните историю: войны начинали и по более ничтожным поводам.

— Но сейчас двадцатый век, — возразил президент. — Соединенные Штаты — защитник мира и слабых стран. Зачем с нами воевать?

— Мы слишком большие, а они слишком маленькие. Они пытались решить дело миром. Мы нашли коммюнике, подписанное герцогиней Глорианой XII, адресованное Министерству торговли Соединенных Штатов, где выражалось пожелание о пресечении производства имитации их вина.

— И что же им ответили?

Министр покраснел.

— Это коммюнике было передано виноторговцам, и они использовали его как рекламу своего товара.

— О нет! — воскликнул президент.

— Да, так и было, — подтвердил министр.

Опять наступило молчание.

— Было и второе коммюнике от Глорианы XII, на этот раз посланное в Министерство сельского хозяйства Соединенных Штатов. В ответ министерство отправило в Великий Фенвик буклете «Виноделие и виноградарство в Калифорнии».

Президент снова закрыл глаза.

— И после этого их декларацию об объявлении войны окунули в воды Потомака, а потом положили сушить на батарею. Знаете, я начинаю симпатизировать этому герцогству. Они так старались не начинать войну. Кстати, а как они сюда попали?

— Это так загадочно! У нас есть две версии. Первая, самая вероятная, но и самая нелепая, заключается в том, что они каким-то образом достали подводную лодку и приплыли на ней. Они могли высадиться во время тревоги, захватить генерала и полисменов и уйти, будучи замеченными лишь маленькой группой людей. Лично я не сторонник этой версии. А вот в британской прессе недавно появилось сообщение о том, что капитан «Куин Мэри», который вышел из порта Нью-Йорка, как только раздался звук сирены, увидел бриг с квадратными парусами. Капитан окликнул экипаж брига и сообщил, что порт Нью-Йорка закрыт, но бриг продолжал следовать своим курсом. Тогда капитан снова окликнул их. В ответ с брига полетели стрелы. Повреждений они не причинили.

— А что вы имели в виду, говоря, что герцогство Великий Фенвик выиграло эту войну? То, что они вторглись в Нью-Йорк, захватили трофеи и благополучно вернулись домой?

— Да, — ответил министр. — И как только слухи об этом распространятся по свету, мы станем посмешищем для всего мира. Подумайте только, как на это отреагирует Москва! Свободолюбивое маленькое государство под угрозой голода нашло в себе силы, достаточные для того, чтобы вторгнуться в сердце империализма, и так далее, и так далее... А реакция некоторых латиноамериканских стран? Пример Великого Фенвика может оказаться заразительным! Нет, мы действительно потерпели тяжелое поражение на международной арене.

Президент молча смотрел на стол перед собой, не зная, что сказать, что предпринять, на чем сосредоточиться. Его взгляд упал на папку с входящей почтой, и он машинально открыл ее.

Президент угрюмо рассматривал документы, откладывая в сторону то, что не требовало немедленного решения. В самом конце он заметил дешевый маленький конвертик, надписанный почти детским почерком: «Президенту этих Соединенных Штатов». Министр, наблюдавший за действиями президента, увидел, что тот явно встревожился, прочитав последнее письмо.

— Срочно дайте мне ФБР, Гувера! Лично! — рявкнул президент в телефонную трубку. Потом, прикрыв трубку рукой, сказал министру: — Исчез Кокнитц. Не знаю, что с бомбой. Но если Великий Фенвик захватил и доктора, и бомбу, мы повержены. Герцогство Великий Фенвик становится обладателем самого мощного в мире оружия.

14

Князь Маунтджой был за то, чтобы отправить эту штуку обратно. Для него квадиум-бомба была равносильна вулкану, установленному посреди герцогства. Оставалось только сидеть и ждать, когда начнется извержение!

— Ваша светлость, — сказал он герцогине в приватной беседе, — я с самого начала был против войны. Теперь мы пожинаем плоды нашей победы. Адская машина, которую этот Баскомб так неосмотрительно притащил в нашу страну, может взорваться от грохота колес любой деревенской телеги. Этот взрыв отправит в вечность не только нас, наших детей, наши прекрасные дома и виноградники, но также и Швейцарию, Францию, Голландию, Германию, Италию и Испанию. Этому Баскомбу должно быть предъявлено обвинение в государственном преступлении. Его нужно изгнать из страны! К тому же, вспомните, не взирая на ваш план проигрыша войны, он ее выиграл!

На устах Глорианы сияла удовлетворенная улыбка. Она была радостно взволнована беспримерным успехом Талли и восхищалась им, как ни одним мужчиной в своей жизни, включая папу.

Но Маунтджой продолжал негодовать.

— Что же нам теперь делать? Кто в Америке будет покупать наше вино после такого оскорбления, которое этот деревенщина Баскомб нанес великой стране? Повторяю, мы его посыпали проиграть войну, а вместо этого он напал на Нью-Йорк и думает, что Соединенные Штаты завтра с утра начнут посыпать нам компенсации за его победу!

— Бобо, — сказала Глориана, — я знаю, ты читал мемуары Черчилля, и это оказало заметное влияние на твое ораторское искусство, но я не считаю, что Баскомбу надо объявить импичмент. Я хочу собрать Тайный совет и пригласить на это собрание мистера Баскомба и доктора Кокнитца. Мне известно, что присутствие на Тайном совете военнопленного необычно, но и вся ситуация, в которой мы оказались, весьма необычна. Мы должны знать, что собой представляет эта бомба и что надо сделать, чтобы она не взорвалась, если мы сами этого не захотим.

— Я исполню ваше пожелание, ваша светлость, — сухо ответил князь Маунтджой.

— Не сердись, Бобо, — ласково улыбнулась Глориана. — Я понимаю, что Талли совершил нечто невероятное, только мы пока еще не понимаем, как этим лучше распорядиться. А если ты волнуешься, что бомба может взорваться от стука колес, прикажи покрыть все дороги, проходящие мимо замка, толстым слоем соломы.

Возвращение Талли домой воплотило в миниатюре все аспекты и детали триумфальных возвращений значительно более великих армий в значительно более великие страны.

Бриг «Стремление», незаметно выскочивший из порта Нью-Йорка, за десять дней пересек Атлантику. Ему помогли попутные ветры и португальское течение. Из Марселя фенвики на автобусе доехали до границы герцогства. Перед тем как перейти границу, Талли приказал своей армии до блеска начистить стрелы и всю амуницию. И только когда все засверкало на солнце и герцогиня была уведомлена о возвращении победителей, армия герцог-

ства Великий Фенвик, подняв знамя и возвестив звуком фанфар о своем прибытии, пересекла границу.

Все жители герцогства вышли на дорогу, чтобы встретить своих героев. Люди кричали, пели, плакали, обнимались друг с другом и с солдатами. Они усыпали всю дорогу до замка цветами, а когда провозили тело Тома Кобли, все стали плакать и молиться за жертву войны.

Герцогиня стояла на верхней ступени лестницы замка. С одной стороны от нее находился князь Маунтджой, лидер партии антиразбавителей, по другую — мистер Дэвид Бентер, предводитель разбавителей. Особая милость была оказана Пирсу Баскомбу, отцу Талли. Он стоял рядом с Маунтджоем.

Лейтенант Уилл салютовал герцогине, опустив знамя так, что его навершие коснулось земли у ее ног. Затем знамя вновь было поднято.

Потом Талли, опустившись перед Глорианой на одно колено, доложил об успешном нападении на Соединенные Штаты Америки и о захвате семерых военнопленных, а также мощнейшего оружия в качестве трофея.

— Что еще за мощнейшее оружие? — озабоченно спросила герцогиня.

— Бомба, ваша светлость, которая может уничтожить всю Европу, — ответил Талли.

Он поднялся и показал на ящичек, стоявший на носилках, которые держали солдаты. Солдаты поднесли носилки к герцогине, она протянула руку, но коснуться ящичка не успела.

— Нет-нет! — закричал доктор Кокнитц. — Не трогайте! Это очень опасно!

— Замолчите! — прорычал Талли. — Попрошу без обмороков на параде!

Затем он снова обратился к Глориане:

— Ваша светлость, доктор прав. Он хоть и труслив, как мышь, но эту бомбу сделал он. Нет в мире оружия, равного по силе этой бомбе. Она может поразить пространство в два миллиона квадратных миль.

Люди, собравшиеся в замке поглядеть на церемонию, стали перешептываться и потихонечку отодвигаться от

страшного ящичка. Матери покрепче прижали к себе детей, мужья спрятали жен за спину. Постепенно шепот стих, и воцарилась тишина. Казалось, что солнце перестало греть, а замок вдруг стал угрюмым и мрачным.

— Отнесите ящик в подземелье замка, — еле слышно приказала Глориана. — Наши люди должны быть в безопасности.

Бомбу отнесли в подземелье, и церемония продолжилась.

Талли представил Глориане военнопленных и стал рассказывать о гибели Тома Кобли.

— У него была семья? — спросила Глориана.

— Нет, — ответил Талли.

— Он был братом для всех нас, — сказала герцогиня. — Теперь мы — его семья. Мы положим тело героя рядом с сэром Роджером Фенвиком и каждый год будем вспоминать о нем в день его смерти.

В заключение церемонии Глориана поздравила Талли и тех, кто сражался вместе с ним, и пригласила всех на банкет в замок. Люди радостно заапплодировали герцогине, а доктор Кокнитц снова стал нервничать, как бы сотрясение от стольких ног в банкетном зале замка не вызвало взрыва бомбы.

Глориана обернулась к Талли и попросила подождать ее в комнате для личных аудиенций.

Когда они остались наедине, Глориана никак не могла начать разговор. Ее огорчало то, что она так терялась в присутствии Талли. Она села у круглого столика и указала Талли на стул напротив себя. Глориана отметила, что Талли очень загорел, как будто бы даже вырос и стал еще более мужественным. Глядя на него, она чувствовала в себе какую-то странную легкость, ее сердце начинало колотиться, а голос не слушался своей хозяйки.

А Талли смотрел на светлые волосы герцогини, на ее гордый подбородок и решительные глаза и чувствовал, как гулко бьется его сердце.

— Расскажите мне еще раз историю вашего путешествия, — попросила Глориана. — Особенно хочется услышать все подробности о бомбе.

Талли, опуская мелкие детали, рассказал ей о высадке в Нью-Йорке и подробно объяснил, что такое квадиум-бомба, так как во время обратного путешествия доктор Кокнитц только об этом с ним и разговаривал.

— Что же нам теперь с этим делать? — спросила Глориана.

— Во-первых, день и ночь охранять наши границы. Американцы будут пытаться заполучить бомбу обратно. И кое-кто другой захочет ее украсть. И те, и другие будут засыпать к нам своих агентов. Но тут нам повезло: наше государство так невелико, что у нас хватит сил, чтобы патрулировать все протяжение границы. К тому же, нас очень мало и все отлично знают друг друга, поэтому любой чужеземец сразу будет обнаружен. Конечно, и американцы, и русские могут попытаться забросить парашютный десант. Поэтому надо усилить охрану замка, чтобы никто, кроме официальных лиц, не мог сюда проникнуть. А охрану подземелья удвоить и нести там круглосуточное дежурство.

— Все это меня очень беспокоит, — сказала Глориана. — По вашим словам выходит, что мы теперь являемся самой могущественной державой в мире, но, начиная войну, мы стремились вовсе не к этому. Ведь нам надо было всего лишь честным путем достать денег. А вместо этого мы сейчас оказались на острие ножа, с патрулями на границе, с подозрительными оглядываниями по сторонам и постоянным опасением, что эта бомба может взорваться в любой момент.

— Иногда победа приносит больше обязанностей, чем выгоды. На время ведения войны совесть откладывается в сторону. Сначала мы стараемся уничтожить своего врага, а потом, по окончании войны, снова вернувшись от варварства к гуманизму, кидаемся исправлять свои ошибки. Если бы можно было придумать такую войну, где каждая сторона могла бы наполовину выиграть, наполовину проиграть, тогда все в мире было бы по-другому...

Глориана совершенно запуталась. Ей была ближе практическая сторона жизни, чем теоретические рассуждения, и речь Талли об обязанностях победителей ее взволновала.

— Надеюсь, вы не хотите сказать, что мы должны восстановливать Соединенные Штаты, иначе нам пришлось бы для этого занять у них немного денег.

Талли рассмеялся.

— Конечно, нет. Мы добились невероятного. Победив, мы не потратим ни пенни на побежденных. Однако, начиная войну, мы думали об обязанностях только перед нашим народом. Теперь же мы несем ответственность перед всем миром. Понятно, что за такое короткое время осознать себя властителем мира нелегко. Многие предпочли бы вернуться к тому состоянию, в котором мы прожили всю свою жизнь, но теперь это невозможно.

— А что, если американцы предложат нам миллионы и миллионы долларов за бомбу? Вы думаете, мы должны ее вернуть? — спросила Глориана.

Талли встал, развернул плечи и положил руку на эфес меча. Глориана снова подумала об удивительном сходстве мистера Баскомба с сэром Роджером Фенвиком.

— Мы избраны, — сказал он торжественно, — вернуть мир к разуму и здравомыслию. Вы, ваша светлость, теперь не только правитель герцогства Великий Фенвик. Вы — самая могущественная женщина в мире. От вашего слова зависят жизни миллионов людей. Ваши предки никогда не изменили своей стране. А вы не должны предать все человечество.

— Но ведь и другие со временем сделают такую же бомбу, — возразила Глориана.

— Верно, — согласился Талли. — И мы должны это предотвратить. Предлагаю вам созвать Тайный совет, чтобы обсудить все аспекты этой проблемы.

15

Заседание Тайного совета Великого Фенвика совпало с заседаниями кабинета министров в Соединенных Штатах и Президиума Верховного совета в Кремле. Главной темой всех трех совещаний была квадиум-бомба.

В зале заседаний Кремля во главе длинного стола красного дерева сидел человек с тяжелыми челюстями, в

военной форме, увешанный орденами. За столом сидели министры в настолько одинаковых костюмах, что казались отражением друг друга. В их глазах читалось, что они никогда не выдадут никакого секрета, даже под пытками. Их рты были сжаты, а руки одинаково ровно лежали на столе, словно они предварительно тренировались, чтобы абсолютно походить друг на друга.

Человек, сидевший во главе стола, оглядел присутствующих и, не найдя ни в ком ничего особенного, ничего выдающегося или отличного от других, например, платочка или самописки в нагрудном кармане пиджака, приступил к чтению бумаги, лежавшей перед ним.

— Пролетариат суверенного государства, называемого герцогством Великий Фенвик, страдающий из-за невыносимой экономической зависимости от империалистических капиталистов, соединившись с рабочими других стран, восстал против ига. Пролетарии объявили войну Соединенным Штатам Америки. Находясь в авангарде революции, рабочие в количестве двадцати пяти человек вторглись в город Нью-Йорк. Они захватили квадиум-бомбу, при помощи которой варвары-капиталисты хотели уничтожить весь мир. Народы Советского Союза обязаны, объединившись с пролетариатом Великого Фенвика, защитить мир от происков капиталистических империалистов и не допустить, чтобы бомба попала в руки врагов мира. Министр иностранных дел Советского Союза должен нанести визит вождю пролетариата Великого Фенвика по имени Глориана и предложить ей ввести на территорию ее страны десять дивизий Советской Армии. Он также должен предложить перевезти квадиум-бомбу в Москву, где она будет в полной безопасности. Прошу голосовать.

Поднялось двенадцать рук. Человек с тяжелыми челюстями собрал бумаги со стола, и все покинули зал заседаний.

Заседание кабинета министров Соединенных Штатов было столь же серьезным, но не таким официальным.

Президент по причине жаркой погоды был одет в легкий пиджак из новой синтетической ткани. Министр обороны был более официален. Он надел галстук в горошек. Госсекретарь разрешил себе серый оксфордский костюм и галстук в черную и белую полоску.

Лицо сенатора Гриффина, по обыкновению одетого в светло-серую униформу с маленькой розочкой на лацкане пиджака, выдавало его сильное волнение.

На заседание также были приглашены адмирал, генерал армии и генерал военно-воздушных сил.

— Полагаю, что все вы это уже видели, — сказал президент, подняв «Нью-Йорк Дейли Ньюс», где на первой полосе можно было прочесть броский заголовок: «ВТОРЖЕНИЕ В НЬЮ-ЙОРК. КВАДИУМ-БОМБА ЗАХВАЧЕНА ВРАГОМ. ИСЧЕЗ УЧЕНЫЙ».

— Я это видел, но не обратил внимания. У них уже была статья о вторжении марсиан. Мыльный пузырь.

— К несчастью, — сказал президент, — вы ошибаетесь. Во время учебной тревоги Нью-Йорк был захвачен группой из двадцати человек, то есть армией герцогства Великий Фенвик. Они захватили квадиум-бомбу, а также взяли в плен доктора Кокнитца, единственного физика, который знает, как сделать эту бомбу. Герцогство Великий Фенвик может теперь уничтожить всю Европу или Соединенные Штаты. Ответьте мне, джентльмены, что нам со всем этим делать?

Члены кабинета смотрели друг на друга, как школьники, услышавшие простейший вопрос, на который у них не было ответа. Долгое молчание стало невыносимым. Министр обороны, как всегда, прижал пальцы к губам. Сенатор Гриффин уперся взглядом в пол. Госсекретарь, скрестив ноги, постукивал пальцами по папке, лежавшей у него на коленях.

Нарушил молчание армейский генерал.

— Это все какая-то дьявольщина, господин президент. Не знаю, что за этим кроется, но дайте мне сорок парашютистов, самолет — мы долетим до этой странишки и возьмем и бомбу, и этого Кокнитца.

Президент грустно улыбнулся.

— Это означало бы открытое нападение на герцогство Великий Фенвик.

— Нам ли их бояться? — удивился генерал.

— Нет, — ответил президент, — но все не так просто. Находясь в состоянии войны с герцогством, мы можем совершить любое военное действие против них. Но существует мировое общественное мнение, и мы должны с ним считаться. Наше огромное государство не может позволить себе войти в историю как захватчик страны длиною в пять миль и шириной в три мили. Это против всех наших традиций. К тому же это испортит наши отношения со многими иностранными государствами, например, со странами Латинской Америки. Они увидят в нас железный кулак в бархатной перчатке. Это одна сторона проблемы. Есть и другая. Народ Великого Фенвика доказал силу своего патриотизма и стремления к независимости. Не удивлюсь, если при нападении на них они предпочтут взорвать бомбу, уничтожить Европу и свою страну, нежели подчиниться нам. — Президент помолчал, затем продолжил, подчеркивая каждое слово: — Главное, мы должны понять, что, владея квадиум-бомбой и доктором Кокнитцем, герцогство Великий Фенвик стало центром мировой военной мощи. Нам трудно с этим примириться, но надо смотреть правде в глаза.

— А нельзя ли получить бомбу, использовав для этого секретного агента? — спросил министр обороны.

— Я обсуждал это с департаментом стратегической службы. Они рассмотрят такую возможность. Но не забывайте, страна так мала, что любой иностранец будет немедленно опознан и арестован. Границы страны постоянно патрулируются. Бомба, судя по информации, полученной нашими агентами, хранится в подземелье замка под круглосуточной охраной. Но даже если кому-то и удастся до нее добраться, риск взрыва необычайно велик. Нет, мы должны найти другой выход из сложившегося положения.

— Господин президент, — сказал министр обороны, — не забывайте о коммунистах. Они колебаться не будут — не задумываясь, вторгнутся в Великий Фенвик

и, если захватят бомбу, то нам придется идти на любые их условия. Они могут потребовать, чтобы мы вообще ушли из Европы или отдали им контроль над Западной Германией. — Министр остановился, чтобы перевести дух, и продолжал: — Фактически они будут диктовать свои условия всему миру. Мне кажется, сейчас главное не захватить бомбу, а опередить Москву. Иначе может начаться война.

— Эти русские — неплохие вояки, — сказал армейский генерал. — К тому же, у них слишком много танков и пушек. Я считаю, Конгресс не должен уменьшать расходы на вооружение.

— Тяжелые бомбардировщики поважнее, чем танки, — заметил генерал военно-воздушных сил.

— Если иметь сильный флот на Балтике и в Средиземном море, — вступил адмирал, — то не будет особой необходимости в увеличении другого вооружения.

— Джентльмены, — успокаивающе сказал президент, — мы пока не собираемся начинать войну. Объявление войны все еще остается прерогативой Конгресса.

Госсекретарь расправил ноги. В дипломатических кругах знали — после этого он должен что-то произнести.

— Как раз перед нашим совещанием я получил расшифрованное послание от нашего агента в Москве. — Он раскрыл папку, вынул оттуда лист тонкой голубой бумаги и подозрительно огляделся вокруг. — Вот это сообщение. Разумеется, все абсолютно конфиденциально. — При этих словах госсекретарь взглянул на сенатора Гриффина. — «Сегодня утром Президиум проголосовал за вторжение десяти дивизий Советской Армии в Великий Фенвик для защиты герцогства от нападения Соединенных Штатов. Министерство иностранных дел пытается заполучить бомбу в Москву. Детали следуют с почтой. Хэнкок».

— Как это с почтой? — изумился армейский генерал.

— С дипломатической почтой, разумеется, — с легкой ухмылкой ответил госсекретарь.

— Господин президент, — возбужденно заговорил сенатор Гриффин, — мы должны предпринять контрмеры.

На их десять дивизий мы ответим двадцатью нашими. Не сомневаюсь, что Конгресс поддержит это предложение.

— Джентльмены, — сказал президент, — вы забыли, что мы находимся в состоянии войны с Великим Фенвиком, к тому же нас победили. Мы не можем защищать герцогство до тех пор, пока не подпишем с ними мирного соглашения.

— Вы хотите сказать, что Соединенные Штаты со ста шестьюдесятью миллионами человек, со своими несметными богатствами должны просить о заключении мира страну, все население которой не заполнит хороший стадион? — взвился сенатор Гриффин.

— Как это ни абсурдно, но так оно и есть, — грустно ответил президент.

В конце концов было решено, что госсекретарь, наделенный неограниченными полномочиями, летит на президентском самолете в Великий Фенвик, чтобы заключить мир и предложить пятнадцать дивизий американской армии для защиты герцогства от любой агрессии.

— Пообещайте им, что «Пино» из Сан-Рафаэля будет немедленно удалено с рынка. Кроме того, мы гарантируем режим наибольшего благоприятствования для ввоза в США их вина в неограниченном количестве. Также скажите, — продолжал инструктировать госсекретаря президент, — что мы дадим им машины, деньги, окажем любую техническую помощь — все, что угодно. Взамен вы попросите заключить секретный договор о возвращении нам квадиум-бомбы. Но если они на это не согласятся, то вы должны заручиться их обещанием, что бомба не попадет в руки русских. Не забудьте, вы должны привезти домой генерала Сниппетта и четырех полисменов. — Президент внимательно посмотрел на госсекретаря. — Не хотелось бы вмешиваться в ваши личные дела, но, насколько я знаю, правительница герцогства — привлекательная молодая женщина. Вы не должны об этом забывать... Постарайтесь выглядеть немного более э-э-э... франтоватым, что ли. Хорошо было бы также привезти ей какие-нибудь подарки. Как вам кажется, что именно?

Госсекретарь подумал было о полудюжине американского шампанского, но спохватился и сказал:

— Может быть, норковое манто?

— Нет, там же не бывает сильных морозов.

В конце концов остановились на бриллиантовом колье.

В Лондоне в палате общин достопочтенный Байрон Партридж задал вопрос министру иностранных дел:

— Осведомлено ли правительство ее величества о том, что герцогство Великий Фенвик объявило войну Соединенным Штатам Америки, что экспедиционные силы герцогства вторглись в Нью-Йорк и захватили бомбу, называемую «квадиум-бомба», которая в состоянии уничтожить огромную площадь?

Министр иностранных дел медленно поднялся, чуть поклонился и ответил:

— Правительство ее величества полностью ознакомлено со всеми обстоятельствами этого дела.

— А обдумало ли правительство ее величества какие-нибудь меры, которые, возможно, придется предпринять в связи с обострением данной ситуации? — настаивал достопочтенный Байрон Партридж.

Министр иностранных дел наклонился к уху премьер-министра, сидевшего рядом, и что-то прошептал. Казалось, премьер спит. Глаза его были закрыты, и от него исходили некие звуки, которые вполне можно было принять за легкий храп. Когда министр иностранных дел кончил шептать, премьер фыркнул, как бульдог, и резко произнес:

— Тони, вы — простофиля!

Министр иностранных дел снова поднялся и оглядел палату общин, начиная с нижних рядов и кончая галереей для иностранцев, где, по его сведениям, находился советский посол, пришедший послушать дебаты.

Министр засунул руки в карманы брюк и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, сказал:

— Я хотел бы привлечь внимание уважаемых депутатов из Северного Уэстмепшира к соглашению, заклю-

ченному между герцогством Великий Фенвик и королевством Англия в 1402 году. Согласно этому соглашению, правительство королевства Англия обязуется послать полноценную и достаточную помощь — я употребляю точное выражение — герцогству Великий Фенвик, если ему будет угрожать какая бы то ни было иностранная сила, когда бы это ни произошло. Уверен, палата не предполагает, что мы должны совершать подобные действия именно сейчас. Но при необходимости Великобритания могла бы выдвинуть восемь дивизий, из них четыре — авиационные. Я сам собираюсь отбыть в герцогство Великий Фенвик, чтобы лично заверить герцогиню Глориану XII в нашем намерении исполнить условия этого древнего и почетного договора во всех его деталях.

И министр снова опустился в кресло.

Раздались аплодисменты, к которым присоединились и члены ее величества лояльной оппозиции.

Советский посол сверху вниз глядел на министра иностранных дел, который простодушно улыбался ему в ответ.

В Париже палата депутатов приняла резолюцию о необходимости послать помощь, чтобы защитить герцогство Великий Фенвик. Но правительство рухнуло из-за повышения налогов на водителей такси и не смогло проголосовать за эту резолюцию.

16

Самым необычным из всех заседаний, проводившихся в мире по поводу квадиум-бомбы, был Тайный совет в герцогстве Великий Фенвик, поскольку человеком, от которого зависело решение Тайного совета, был военнопленный доктор Кокнитц. Он оказался в странном положении: пленника призывали на помочь его же тюремщики. Он должен был дать им совет, как обеспечить безопасность и воспользоваться плодами победы.

Взволнованный доктор Кокнитц сидел у стены главного зала Фенвикского замка. Невдалеке за столом расположились члены Тайного совета: герцогиня Глориана, князь Маунтджой, мистер Бентер, главнокомандующий войсками герцогства Талли Баскомб и его отец, Пирс Баскомб, получивший специальное приглашение как самый мудрый и самый образованный человек Великого Фенвика.

Доктора Кокнитца волновало не то, что члены Тайного совета были облачены в одеяния четырнадцатого века, и не то, что его охраняли солдаты в кольчугах. Причиной его страданий был эмоциональный и психологический конфликты. В нем боролись патриотизм гражданина Соединенных Штатов Америки и гуманизм выдающегося мирового ученого, чьи знания, как он иногда думал, принадлежат не только его стране, но и всему человечеству.

Первым выступил князь Маунтджой. Он умолял, он убеждал, он требовал, чтобы квадиум-бомба была немедленно отправлена назад в Соединенные Штаты, так как это общее мнение всего народа герцогства.

— Этот человек принес ужас в нашу страну! — патетически воскликнул князь, указывая на Талли Баскомба. — Он притащил пороховую бочку и требует, чтобы мы на ней сидели. В присутствии его уважаемого отца позвольте себе сказать, что и раньше существовали подозрения в лояльности мистера Талли Баскомба по отношению к своей стране, а теперь эта адская машина в замке представляет собой нечто большее, чем простой план уничтожения своей родины.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутился Талли.

— Это поймет каждый, кто посмотрит на родословные семей Великого Фенвика, — вкрадчиво ответил князь. — Ваша родословная прослеживается до сэра Роджера Фенвика. Я обнаружил, что указ Совета Вольных от 1385 года отвергает все претензии на герцогский трон, предъявленные неким Талли Баскомбом, который являлся незаконным сыном сэра Роджера Фенвика, родившимся от его связи с любовницей, Марион Баскомб. Вряд ли вы не знали об этом.

Глориана посмотрела на Талли и тут же поняла, почему он так часто казался ей похожим на портрет сэра Роджера.

— Не имею об этом ни малейшего представления, — вспыхнул Талли, — и хочу сказать, что вы — лжец.

Глориана поняла, что скору надо немедленно прекратить, и приказала князю взять назад свое голословное утверждение и извиниться, а Талли — принять извинения и успокоиться.

— Мы нуждаемся в вас обоих, — сказала она. — И мы приказываем прекратить все раздоры между вами.

Следующим выступал мистер Бентер, который сказал, что никак не может согласиться с князем Мунтджоем.

— Это оружие опасно и в том случае, если мы возвратим его Соединенным Штатам, и если мы оставим его у себя. Однако в последнем варианте нам удастся заключить мирный договор с Соединенными Штатами, который станет залогом процветания нашей страны. А это именно то, ради чего мы начали войну с американцами.

— Ваша светлость, — сказал Талли, — перед нами стоит гораздо более серьезная проблема. Если бомба и доктор Кокнитц останутся у нас, мы будем в относительной безопасности. Но нам необходимо придумать, как сделать так, чтобы ни эта, ни другие подобные бомбы никогда не использовались ни одной страной в мире. И этот человек, — Талли повернулся к доктору Кокнитцу, — поможет нам решить эту задачу. Он утверждает, что сделал бомбу, стремясь опередить русских, которые, как он считает, несомненно, используют ее, если у них возникнет такая необходимость. Доктор называет эту бомбу «орудием мира». Возможно, таким образом он успокаивает свою совесть. Но давайте испытаем доктора. Пусть он скажет, как предотвратить производство подобного оружия во всем мире.

— Что вы на это скажете, доктор Кокнитц? — спросила Глориана.

Доктор встал и почтительно поклонился герцогине.

— Мне нечего вам сказать. Если я займусь этой работой, я предам свою страну. Я — гражданин Соединенных Штатов, а вы — наши враги.

— Доктор Кокнитц, — сказал Талли, — перестаньте притворяться. Вы, один из самых умных людей на свете, не можете не понимать, что вы не только гражданин Соединенных Штатов, но так же и представитель всего человеческого рода. Неужели гражданин Соединенных Штатов Америки имеет право употребить оружие, которое уничтожит миллионы людей? Что для вас важнее — долг перед всем человечеством или долг перед вашей страной?

— Не знаю, — тихо ответил доктор Кокнитц. — Не знаю. Вы — молодой человек, и поэтому рассуждаете о высоких принципах, не зная толком, что это такое. Такие ученые, как я, становятся создателями иного мира. Никто, кроме нас самих, не понимает, что мы делаем. Но мы лучше кого-либо другого осознаем последствия нашей ужасной работы. Не осуждайте ученых, молодой человек. Лучше задайте вопросы тем, кто нас контролирует и принуждает выступать в роли губителей человеческого рода.

Все это время Пирс Баскомб спокойно сидел за столом Совета. Казалось, его не волновали ни обвинения, высказанные в адрес его сына, ни пылкий ответ доктора Кокнитца. Пирс прислушивался к чириканью птицы за окном. Птица пробежалась по двум октавам, исполнила короткую каденцию и закончила руладу двумя коротенькими, комическими нотками, превратив свое выступление в шутку.

Доктор Кокнитц тоже услышал птичку и улыбнулся. Он посмотрел по сторонам и заметил, что охранник тоже улыбается.

— Это наш фенвикский воробушек, — тихонько сказал стражник. — Мне рассказывали, что у нас они поют гораздо красивее, чем где бы то ни было еще.

Пирс Баскомб поднялся, поклонился Глориане и сказал:

— Ваша светлость, у меня есть предложение по поводу доктора Кокнитца, которого захватили, привезли в незна-

комую страну и сделали пленником. Правда, такое положение для него не ново. Долгие годы он не чувствовал себя свободным человеком, потому что был вынужден работать над проблемами, против которых, не сомневаюсь, восставала его совесть. Его постоянно терзали сомнения, и он нес на своих плечах такой тяжелый груз, как никто другой. Было бы неплохо сделать перерыв и разрешить доктору Кокнитцу прогуляться со мной. Мы могли бы пойти в наш лес, и он впервые за много лет почувствовал бы себя свободным человеком. Хотя бы на час.

— С вами должна быть охрана, — вмешался князь Маунтджой. — Граница проходит совсем близко от леса. Доктор Кокнитц может убежать, и тогда мы останемся с бомбой, но без человека, который может ее контролировать.

— Не думаю, что доктор решится на побег, — сказал Пирс Баскомб.

— Пусть он даст честное слово, — не успокаивался князь.

— Мне кажется, мы не должны принуждать доктора Кокнитца к разрешению наших проблем. Если он решит нам помочь, то это должно стать результатом его собственного выбора. Но этот выбор, находясь под стражей, сделать нелегко. Дайте ему хоть немного побывать свободным человеком, просто человеком, — настаивал Пирс Баскомб.

— Сэр, — обратился Талли к отцу, — я не уверен в разумности вашего предложения. Я побывал во многих странах и знаю, сколько в людях эгоизма, способности к предательству и обману. Мне кажется, мы не можем доверять этому ученому. Он наверняка попытается удрачить, и вы не сможете его остановить.

Пирс с укоризной посмотрел на сына.

— Ты прав, — сказал он. — В людях действительно много плохого. Но в глубине души они всегда стремятся к добру. Я думаю, что доктору Кокнитцу пришло время посмотреть на свою жизнь и работу, не испытывая давления ни с той, ни с другой стороны. Мы должны дать ему шанс решить, как он будет жить дальше: продолжать делать

эти бомбы или утроить свои усилия, чтобы предотвратить их производство.

Доктор Кокнитц поднялся, снова поклонился Глориане и сказал:

— Мне бы очень хотелось побывать в лесу.

— Вы можете идти, — мягко ответила Глориана. — И можете покинуть Великий Фенвик, если захотите. Никто не будет вас останавливать. Через час возобновится заседание Тайного совета, и мы были бы рады видеть вас здесь вновь. Но выбор остается за вами.

Доктор Кокнитц и Пирс Баскомб не спеша вышли из зала. За ними двинулись два охранника, но Глориана остановила их.

— Пусть доктор почтует себя свободным, — сказала она. — Хотя бы ненадолго.

17

Лес Великого Фенвикиа предстал перед Пирсом Баскомбом и доктором Кокнитцем во всем великолепии раннего лета. Папоротник, росший вдоль дороги, был таким высоким и могучим, что местами сквозь него приходилось продираться, ломая ветви, которые наполняли воздух сладким запахом сока. Рододендроны стояли в полном цвету, алые облачка их соцветий, казалось, плыли по небу. Сосны возвышались, как колонны собора, а солнечные лучи образовывали между ними светящиеся стены. Могучие ветви громадных дубов склонились к зеленому бархату мха.

Лес был полон голосами птиц, стрекотом насекомых, шорохом листьев, трепетом крыльев, звуками струящейся воды.

Пирс поднялся на холм, спустился со склона и привел доктора к небольшой долине, где около водопада лежало поваленное дерево. Хрустальные струи падали в небольшой пруд, окаймленный стеной невысоких скал, у подножья которых плавали водяные лилии.

Пирс предложил доктору сесть на бревно, и они стали слушать пение птиц и плеск воды в пруду.

— Это единственный водопад Великого Фенвика, наше любимое место, — сказал Пирс. — Я обследовал скалу и пришел к выводу, что пятьсот лет назад она была на фут выше. Следовательно, через пять тысяч лет скала станет всего в десять футов высотой. Но мне приятно думать, что после того как я и мои потомки уже покинем этот мир, водопад будет все так же наполнять водой это маленькое озерцо. Конечно, только в том случае, если Земля и жизнь на ней еще будут существовать.

Доктор Кокнитц не поддался на уловку Пирса.

— Здесь, должно быть, очень плодородная почва, — заметил он. — Везде такая обильная растительность.

— Здесь всегда был лес, — ответил Пирс. — Наши предки ходили под ветвями тех же деревьев, которые стоят и теперь. Прежде лес интенсивно использовали для строительства, для изготовления луков и стрел и для производства угля. Со временем количество деревьев сильно уменьшилось. Но двести лет назад было принято решение, запрещающее рубку деревьев. Мой сын — главный лесничий, а я его помощник. Иногда мы решаем срубить какое-нибудь старое дерево, которое мешает расти молодым или может упасть, повредив соседей. Но окончательное решение принимает Совет Вольных путем голосования. У нас ведь все знают каждое дерево в лесу. Но даже срубленное дерево до последней маленькой веточки служит людям. В Великом Фенвике относятся к деревьям, как к живым существам.

— Мне не свойственна подобная сентиментальность, — сказал доктор Кокнитц. — Деревья есть деревья. Они, конечно, живые, но это низшая форма существования жизни, лишенная чувств.

— Я заметил, — продолжал Пирс, уклонившись от прямого ответа, — что, когда дерево спилено, на стволе начинают расти молодые веточки. Сила дерева настаивает на продолжении жизни. И вы говорите, что дерево бесчувственно?

— Это означает только то, что в обрубке еще есть живые соки.

— Это означает, я уверен, что дерево все еще хочет жить. Все живое имеет право на жизнь, поэтому каждый должен задуматься, может ли он кого-то лишить жизни, если не он эту жизнь создал. Срубая дерево, мы с сыном понимаем, что обрубаем все его связи с прошлым, лишаем какого-то удовольствия, которое могло это дерево дать, если бы продолжало жить. Деревья бессловесны, у них нет прав, хотя порой мне кажется, что они должны были бы их иметь.

Пирс поднял щепочку и бросил ее в пруд. Щепочка, крутясь, поплыла к берегу.

— Между нами есть небольшая разница, — продолжал Пирс. — Мы распоряжаемся судьбой деревьев, а такие ученые, как вы, — судьбами людей, предоставляя право властвовать над миром группе диктаторов. Но с изобретением вашей бомбы в войну вовлекаются страны, которые вовсе не собирались воевать. Они приговорены к смерти без надежды на апелляцию к здравому смыслу. Им уготована судьба муравья в битве гигантов. Они абсолютно беспомощны. Ваша бомба разрушает все. Поэтому ученый обязан думать о том, что его изобретение принесет всему человечеству.

— Я снова оказываюсь в том же беличьем колесе, в котором бежал последние десять лет, — с горечью сказал Кокнитц. — Если мы не сделаем бомбу, ее сделают и употребят русские. Мы делаем бомбу, надеясь никогда ею не воспользоваться. Это сумасшествие. Но как вернуться к здравомыслию? Все друг друга подозревают. Коммунисты боятся капиталистов. Капиталисты видят в коммунистах разрушителей привычного образа жизни. Азиаты, которых веками эксплуатировали, не доверяют европейцам. Европейцы, напуганные невероятным увеличением народа населения в Азии и усилением национализма в этом регионе, боятся азиатов. Никто никому не доверяет, и единственное спасение для людей состоит в создании оружия такой ужасающей силы, чтобы никто не решился напасть на обладателей такого оружия.

— А что же при этом будет с малыми странами? — спросил Пирс.

— Я не знаю.

— Вы не задумывались об этом, вам безразлична судьба этих народов. Вы забыли, что там живут точно такие же люди, как и вы.

— Мировые законы устроены так, что к большим странам и внимания больше. Признайте, что для всех было бы гораздо более ужасным, если бы погибли Соединенные Штаты, чем если бы были уничтожены Бельгия, Голландия или герцогство Великий Фенвик.

— Не уверен, что бельгийцы, голландцы или жители нашей страны с вами согласятся. Другими словами, цивилизация теперь — лишь название, а не реальная сила. Но, в таком случае, всему нашему миру угрожает катастрофа.

Доктор Кокнитц не отвечал. Он наблюдал за кружением воды в водоеме. Каждая следующая волна вздымалась выше предыдущей и накрывала ее.

— Скажите, если бы было достигнуто соглашение о запрещении оружия массового уничтожения, — спросил Пирс, — возможна ли международная инспекция, чтобы мир был уверен, что никто не нарушает договора?

— Да, если члены комиссии будут допущены в лаборатории, где работают физики-ядерщики.

— Если бы приняли решение о такой инспекции, могли бы вы возглавить работу комиссии?

— Да, это я мог бы сделать. Это не было бы предательством по отношению к моей стране, — ответил доктор Кокнитц. — Но ваш вопрос — всего лишь предположение. Подобных соглашений не существует. А мы с вами, сидя здесь в лесу, вряд ли можем их принять.

— Вы ошибаетесь. Очень скоро подобное соглашение будет достигнуто. Большие страны не могут инициировать такое решение, потому что между ними очень сильны соперничество и недоверие. Это должны сделать малые страны. Они потребуют подписания такого договора и будут следить за его выполнением.

Кокнитц захихикал.

— Ну и как эта мышка будет дрессировать львов?

— Самый большой лев — Соединенные Штаты — уже попался в мышеловку, несмотря на всю свою силу, — от-

ветил Пирс. — Мы, Великий Фенвик, владеем единственной в мире квадиум-бомбой. Мы неожиданно стали могущественной страной. Теперь мы можем диктовать миру свои требования. Мы без труда сможем образовать Лигу малых стран, таких как Финляндия, Бельгия, Уругвай, Сальвадор, Ирландия, Лихтенштейн, Сан-Марино, Португалия, Норвегия, Швеция, Дания, Парагвай, Перу, Чили, Мексика, Либерия, Египет, Панама, Швейцария, — всех не перечесть. Эта Лига потребует от больших стран немедленно запретить производство оружия массового уничтожения и допустить международную комиссию в секретные лаборатории. Если большие страны не согласятся с этим требованием, мы прибегнем к крайней мере — мы взорвем квадиум-бомбу.

— Я не верю ни в то, ни в другое, — сказал доктор Кокнитц. — Вы никогда не решитесь взорвать бомбу, потому что ваша страна при этом будет стерта с лица Земли.

— А что, если дерево, которое решили спилить, упадет чуть раньше и убьет дровосека, а? — спокойно спросил Пирс.

— Да вы просто не найдете в Великом Фенвике или в какой-нибудь другой стране человека, который взорвет бомбу!

— Мне показалось, что вы уже неплохо узнали моего сына. Он не поколеблется, если ему прикажут это сделать.

— Да кто же решится отдать такой приказ?

Пирс поднялся с бревна и с улыбкой посмотрел на доктора.

— Я решусь, — просто сказал он.

Некоторое время собеседники молча смотрели на воду. Затем Пирс нарушил молчание.

— Я оставляю вас, и вы вольны уйти. Тропинка за озерком ведет к границе с Францией. Там стоит охрана. Но им приказали пропустить вас. Вернувшись домой, можете снова приняться за создание вашей бомбы.

Кокнитц поднялся с бревна и, оглянувшись, увидел на нем сильный зеленый росток. Доктор прислушался к шуму водопада и заметил на листе водяной лилии боль-

шую голубую стрекозу. Ее крыльшки трепетали, и на них, словно драгоценные камни, поблескивали капельки воды.

Неподалеку защебетала птичка. «Поползень», — подумал Кокнитц и тут же вспомнил, что в Великом Фенвике поползней называют воробьями. Он поискал в кармане крошек для птицы, но карман был пуст.

Доктор Кокнитц повернулся и пошел обратно к замку Великого Фенвика.

18

Герцогство Великий Фенвик стало центром внимания всего мира. За всю историю своего существования оно не достигало такой известности. Почти в каждой газете помещались карты страны. На некоторых из них детально показывалось расположение замка на горе. В других газетах публиковали план или то, что казалось похожим на план, замка с указанием места расположения бомбы.

В «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» через всю страницу шел заголовок: «ЗАМОК ФЕНВИКА — ЦЕНТР ВНИМАНИЯ ВСЕГО МИРА». Следом шли три страницы с фотографиями Великого Фенвика, точнее сказать, две страницы фотографий герцогини Глорианы и страница с видами самого герцогства. В подписях под фотографиями Глориану сравнивали с Венерой Милосской, Ритой Хейворт и королевой Елизаветой II, а один профессор классической гимназии сравнил ее даже с Еленой Прекрасной.

Среди фотографий оказался рисунок, где Глориана была изображена со стаканом «Пино» в руке. Подпись гласила, что «Пино» — это вино красоты, и герцогиня ежедневно до завтрака выпивает по два стакана этого напитка.

Австралийская газета «Сидней Морнинг Геральд» писала, что Австралия должна выступить на стороне Фенвика, так как обе страны отличает дух независимости, а поскольку взрыв Австралии не коснется, то пока причин для беспокойства нет.

Лондонская «Таймс» опубликовала письмо полковника в отставке, который, вспомнив историю создания герцогства, потребовал, чтобы Фенвик был признан английской колонией.

«Правда» поместила репортаж из дивизии Советской Армии, которая готова в любой момент присоединиться к героическому пролетариату Великого Фенвики.

Тем временем к границе Великого Фенвики друг за другом в трех автомобилях (аэродрома в герцогстве не было) прибыли министры иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

В начале единственного шоссе, ведущего от границы к замку, путь машинам преградили лучники под командованием Талли Баскомба.

Советский министр упрашивал, доказывал, пыхтел, неистовствовал, но Талли только отрицательно мотал головой и взмахами руки требовал отойти. Британскому министру дорогу преграждали не только лучники, но и машина советского министра.

— Пойдите и скажите этому парню, чтобы он посторонился, — сказал министр своему шоферу. — Я здесь с официальным визитом.

Шофер, глянув на красную звезду на номере автомобиля, заметил:

— Сэр, я полагаю — это русские.

— Ах, русские, — сказал министр. — Все равно пойдите и попросите их отъехать в сторону.

Шофер отправился и, вернувшись, доложил, что ему трудно передать весь разговор, но основное он понял: русская машина не сдвигается с места.

— Ну что ж, полагаю, мне надо пойти самому. — И министр лениво выбрался из машины, прошел мимо русских, приподняв шляпу и не заглядывая внутрь, и обратился к Талли: — Это вы здесь командуете?

Талли ответил утвердительно.

— Ее британского величества министр иностранных дел передает поклон ее светлости герцогине Глориане XII

и просит оказать ему честь, предоставив аудиенцию с ее светлостью по ее британского величества делу.

— Мне приказано не пропускать никого, — строго сказал Талли, положив руку на рукоять меча.

— Рад это слышать, — ответил министр. — Но все же не могли бы вы передать мое послание ее светлости? Я прошу рассмотреть возможность устройства такой аудиенции. Это весьма важно.

Талли заколебался.

— А кто это в машине перед вами? — спросил он.

— Даже не представляю себе, — ответил британский министр иностранных дел. — Сказать по правде, я и не глянул внутрь.

— Может, это русские?

— Вполне возможно.

— А что им тут надо?

— Я не вмешиваюсь в чужие дела. Предположим, они хотели бы предложить вам защиту. — При этих словах министр изящно провел пальцем поперек горла.

— Ну а какова цель вашего визита?

— Так сразу всего не расскажешь, старина. Мне действительно нужно повидаться с герцогиней.

— Вы тоже хотите предложить нам защиту?

Министр иностранных дел жестко ответил:

— Я подожду здесь около часа, а позже прошу передать ответ ее светлости в отель «Ледерман» во Фридрихсхафене.

Возвращаясь к своей машине, британский министр приостановился у автомобиля русских, наклонился к открытому заднему окну и протянул руку министру иностранных дел Советского Союза.

— Мы не встречались с вами со времен Потсдамской конференции, — сказал он по-русски. — Я даже слегка обеспокоился. О вас ничего не писали в газетах.

Русский министр рассмеялся.

— Похоже, нам придется тут подождать. У меня есть бутылочка водки. Не хотите ли ко мне присоединиться?

— А я захватил несколько сэндвичей, — ответил министр иностранных дел Великобритании. — Всегда хоро-

что иметь несколько бутербродов про запас в делах такого сорта. Почему бы нам не перекусить в моей машине? Там просторнее.

— Это так, но моя — намного удобнее, — ответил министр иностранных дел Советского Союза.

В результате министры пришли к компромиссу. Каждый остался в своей машине, а провизию они посыпали друг другу через своих шоферов. При этом министр иностранных дел Великобритании незаметно вылил водку на землю, а министр иностранных дел Советского Союза отдал сэндвичи шоферу, который ел их с большой неохотой.

Во время этого завтрака прибыл госсекретарь Соединенных Штатов Америки. Он с тревогой посмотрел на две стоящие машины, выпрыгнул из автомобиля, прежде чем тот остановился, и поспешил к Талли.

— Я приехал к герцогине Глориане с миссией из Соединенных Штатов Америки, — сказал он и вынул из портфеля документ, удостоверяющий его полномочия.

Талли медленно прочел бумагу.

— Вы прибыли под флагом перемирия? — спросил он.

— Какой еще флаг перемирия? — удивился госсекретарь.

— Наши страны находятся в состоянии войны, — решил напомнить ему Талли. — Если вы приехали на переговоры, мне приказано вас пропустить. В противном случае, вам не разрешается пересекать нашу границу, а если вы попытаетесь сделать это без разрешения, то будете арестованы.

— О'кей, — сказал госсекретарь, — я прибыл под флагом перемирия. — Он вынул из кармана белый носовой платок и помахал им в воздухе.

Лучники посторонились, чтобы дать госсекретарю пройти, и он зашагал к замку, держа в поднятой руке белый платок.

Через три часа госсекретарь вернулся, сел в машину и укатил в Мюнхен, откуда стал звонить в Белый дом.

— Господин президент, — сказал он, когда его соединили, — мир может быть заключен, но не на тех ус-

ловиях, на которые мы рассчитывали. Великий Фенвик не вернет нам бомбу. Не вернет и Кокнитца. Они разработали план создания Лиги малых стран. Эта Лига, используя в качестве устрашения квадиум-бомбу, заставит большие страны — нас, Россию, Великобританию, Канаду и других — прекратить производство оружия массового уничтожения, а также создать международную комиссию, чтобы быть уверенным, что все точно исполняют соглашение.

— Это тот план, который мы предлагали десять лет назад, — заметил президент.

— Не совсем тот. Инспектировать будут малые страны, так как большие все равно не в состоянии доверять друг другу.

Некоторое время президент молчал, а потом сказал:

— Думаю, мы должны согласиться с этим планом. Мы готовы сделать хоть что-нибудь, что остановит эту ужасную гонку вооружений. А как насчет русских? Они ведь всегда становятся камнем преткновения.

— Похоже, им тоже придется согласиться. Тут есть некий Пирс Баскомб, чей сын Талли осуществил вторжение в Нью-Йорк и захватил бомбу и Кокнитца. Так вот, этот Пирс говорит, что если русские или кто-нибудь еще не согласится с этим планом, то Великий Фенвик взорвет квадиум-бомбу и сметет с лица Земли всю Европу.

— Разве Россию это напугает? — ответил президент. — Они и сами смели бы всю Европу, если бы им представилась такая возможность.

— Конечно, сама бомба для Советского Союза опасности не представляет, но последствия взрыва таковы, что для них будут губительны западные ветры из Европы. Они уничтожат тысячи и тысячи людей и сделают бесплодной их землю. Нет, на такой риск Советы не пойдут.

— А вы верите, что они действительно взорвут бомбу? — спросил президент.

— Господин президент, а вы могли бы поверить, что двадцать лучников доплынут на жалком кораблике до Северо-западных Штатов и высадятся на Манхэттене?

— Да. Я вас понял. Придется это дело обсудить в сенате. Думаю, мы с радостью примем предложение об инспектировании. Кстати, какие еще условия они выдвигают?

— Убрать с рынка «Пино» из Сан-Рафаэля, обеспечить свободную продажу вина «Пино Великий Фенвик» в Соединенных Штатах и пять миллионов долларов контрибуции.

— Вы сказали миллионов или миллиардов? — переспросил президент.

— «М», миллионов, — ответил госсекретарь.

— Только пять миллионов! — воскликнул президент. — Да это меньше, чем мы тратим на один город в Германии!

— Разница состоит в том, что Германия проиграла войну, а Великий Фенвик выиграл, — сухо ответил госсекретарь. — Но есть одно дополнительное условие. Один из членов их совета министров по фамилии Бентер хочет использовать деньги на строительство завода по производству жевательной резинки со вкусом «Пино Великий Фенвик». И они требуют эксклюзивных прав на продажу этой резинки в Соединенных Штатах, да еще и без обложения налогами. Они посчитали, что этой прибыли им хватит для обеспечения их страны на долгие времена.

Президент рассмеялся.

— Готовьте проект мирного договора, соглашайтесь на их условия. А как насчет войск для их защиты?

— Они сказали, что им это вовсе не нужно. Я не настаивал.

— Но я полагаю, они отпустят генерала Сниппетта и полисменов?

— Да. Сниппетт горит желанием скорее вернуться домой. У него есть план перевооружения сил гражданской обороны.

— Что за план?

— Луки, сэр.

Отступив в отель «Ледерман» во Фридрихсхафене, министр иностранных дел Великобритании и министр ино-

странных дел Советского Союза встретились в баре, чтобы выпить по коктейлю.

— Мне очень интересно, — сказал советский министр, — что делает в Великом Фенвике наш американский друг.

— Не имею представления, — ответил британский министр. — Возможно, продает им жевательную резинку. Ваше здоровье!

19

На следующей неделе в главном зале Фенвикского замка состоялась встреча «Двадцатки малюток», как их прозвала мировая пресса.

Но еще до того, как съехались депутаты этого объединения, министр иностранных дел Великобритании все-таки получил аудиенцию у герцогини Глорианы, а затем покинул замок в недоумении и с пустыми руками. Герцогиня сообщила ему, что в военной помощи герцогство не нуждается, но было бы хорошо, если бы Великобритания рассмотрела возможность сотрудничества с Лигой малых стран.

— Я себя чувствовал Гулливером, — докладывал министр премьеру, — который, проснувшись, обнаружил себя пришпиленным к земле тысячью булавочек. Мне пришлось сказать, что правительство ее величества поддержит любые предложения, которые положат конец этой ужасной гонке вооружений. Теперь нам следует самим обсудить их предложения.

— Тони, — сказал премьер, — не стоит так волноваться. Подобное случалось и раньше. Порой одной из малых стран удавалось схватить льва за хвост. А нам оставалось только сотрудничать с ней. Поразительно, какие мелочи могут изменить ход истории. Сегодня — это бутылка вина. Мне кажется, что в испано-американской войне не последнюю роль сыграли сигары. Кстати, вы мне не сказали, хороша ли эта Глориана?

— Весьма хороша.

— Как я понимаю, не замужем?

— Именно так.

— Ага... Жаль, у нас нет принца. Это бы все так мило уладило.

— Полагаю, у него не было бы шанса, — сказал министр иностранных дел. — Мне кажется, она уже положила глаз на кое-кого.

— О Господи! Надеюсь, это не американец? — воскликнул премьер.

— Нет, это один из ее людей. Человек по имени Талли Баскомб. Тот самый, который победил Соединенные Штаты и захватил квадиум-бомбу. Очень худой, высокий мужчина, отдаленно напоминающий Авраама Линкольна.

— Хорошо, — сказал премьер, выпустив облачко сигарного дыма. — Утешает то, что у него английское происхождение. Как, по-вашему, американцы ведь поддержат план малых стран?

— Да, — ответил министр иностранных дел. — Мне дали понять, что они уже согласны. Русские пока выдвигают какие-то условия, но в конце концов они тоже согласятся.

Советский министр иностранных дел не встретился с Глорианой. Ему пришлось ограничиться беседой с Талли Баскомбом. Глориана сказала нездоровой, но на самом деле она просто не нашла в себе сил для общения с советским представителем. Ей казалось, что Талли лучше справится с этой работой.

После обмена протокольными любезностями Талли довел до сведения советского министра, что герцогство Великий Фенвик является независимым государством с таких давних пор, когда Советского Союза еще и в помине не было, что герцогство не намерено кому бы то ни было передавать квадиум-бомбу и что Великий Фенвик скорее предпочтет погибнуть от взрыва, чем стать чьим-нибудь вассалом.

— Вы не имеете права распоряжаться жизнями вашего народа, — парировал советский министр, которого столь незатейливая тактика Талли несколько обескуражила.

— Удивительно, что именно от вас я слышу подобное заявление, — ответил Талли.

— Мы предлагаем вам дружбу и защиту Советской Армии, — не сдавался министр.

— Мы не нуждаемся в вашей дружбе и вполне в состоянии защитить себя сами.

— Посмотрим, что на это скажет пролетариат Великого Фенвики, — бушевал советский министр. — Мы будем круглосуточно передавать наше предложение по радио, и тогда все жители вашего герцогства узнают, что вы и другие аристократы приговорили их к смерти, не желая сохранить им жизнь, заключив союз с нашим великим государством и приняв наши предложения.

— Во-первых, у нас в Великом Фенвике нет никакого пролетариата, — ответил Талли. — А во-вторых, радио у нас тоже нет.

Воцарилось молчание, и Талли решил взять инициативу в свои руки.

— Хочу сделать вам предложение, которое обеспечит мир на всей планете. — И он объяснил советскому министру иностранных дел план международной инспекции. — Все производства атомных бомб должны быть демонтированы. Останется одна-единственная квадиум-бомба, как залог мировой безопасности. Малые страны сформируют международные полицейские силы, которые будут наблюдать за выполнением общего договора. Это то, что много лет собирались сделать ООН, да так до сих пор и не собралась.

Советский министр рассмеялся.

— Теперь вы решили стать властителями мира!

— Именно так, нравится вам это или нет, — ответил Талли. — За последние две недели доктор Кокнитц провел некоторые эксперименты с газом, который будет выделяться при взрыве квадиум-бомбы. Вы можете посмотреть на результат одного такого эксперимента.

Талли на минуту вышел из комнаты и вернулся, неся в руках клетку. В ней что-то шевелилось. У этого существа не было головы, а был только рот с мохнатыми гу-

бами и шесть ножек почти без шерсти с просвечивающей голубоватой кожицей.

— Что это такое? — спросил советский министр.

— Когда-то это было мышью, — спокойно ответил Талли. — В этом эксперименте был использован газ, который выделяется при взрыве бомбы. В пропорции один к десяти тысячам. При взрыве, конечно, концентрация будет гораздо выше. Газ несет неминуемую смерть, а те, кто чудом выживет, превратятся в монстров, подобных этому созданию.

Советский министр иностранных дел не мог отвести взгляда от клетки. Ему послышалось какое-то кваканье. Он видел, как конвульсивно подергивалось тельце и подрагивали шесть ножек монстра.

— Расскажите мне еще раз о деталях плана контроля над вооружением, — попросил он.

Талли рассказал.

— Американцы и англичане согласны?

— Да.

— Инспекцию будут производить ученые нейтральных стран?

— Да.

— А как мы можем быть уверенными, что они не передадут то, что увидят в наших лабораториях, Соединенным Штатам или Британии?

— Гарантией будет наше слово. У вас есть выбор. — И Талли показал на клетку.

Министр иностранных дел Советского Союза тяжело поднялся.

— Я доложу в Москву. — Он еще раз испуганно глянул на клетку и удалился.

Когда за ним закрылась дверь, вошел доктор Кокнитц.

— Сработало? — спросил он.

— Похоже, что да, — ответил Талли.

— Ну, тогда надо их выпустить, — сказал Кокнитц.

Он засунул руку в клетку, вытащил оттуда ужасное существо, положил его на спину и расстегнул молнию на его животе. Из шкурки выскочили три белых мышонка и бросились наутек.

— Мы, бывало, проделывали этот трюк на факультете биологии, — улыбнулся доктор. — Удивительно, но люди могут поверить в самое невероятное, если правильно подготовить к этому их разум.

После встреч с министрами Большой тройки в замок были приглашены делегаты «Двадцатки малюток». Поскольку в замке не хватало места для размещения всех делегатов, было решено, что они поселятся в Швейцарии в Базеле.

Конференция продолжалась всего два дня. Первый день ушел на представление делегатов и проверку их полномочий. На второй день состоялось главное заседание, на котором председательствовала Глориана, а вице-председателем был избран делегат от Сальвадора.

Представитель Ирландии предложил не образовывать никаких комитетов.

— Большие страны собираются на конференции, — сказал он густым басом, — и то, о чем они собираются поговорить, просто, как поросенок. Но прежде чем они доберутся до сути дела, они разрежут поросенка на кусочки, потом превратят его в ветчину, а потом и вовсе забудут о цели своего собрания. После этого все разъезжаются, так и не приняв никакого решения.

Лига малых стран приняла хартию в тот же день. Сначала были написаны предварительные предложения, а потом составили почти по-детски простой исторический документ. Он содержал шесть положений, которые излагались без какой бы то ни было преамбулы.

«Страны, чьи делегаты подписали этот документ, обязуются строго придерживаться следующих положений:

1. Они образуют союз, целью которого является принуждение к запрету производства и использования оружия массового уничтожения.

2. Для достижения своей цели они создают комитет ученых под руководством доктора Кокнитца, который бу-

дет инспектировать атомные и другие ядерные производства всех видов повсеместно, ибо мир должен быть уверен, что ядерное оружие не производится.

3. Они будут заставлять все страны мира способствовать работе этих инспекций под угрозой взрыва квадиум-бомбы, находящейся в Великом Фенвике.

4. Квадиум-бомба будет находиться под опекой всех стран, ратифицировавших данное соглашение. Эти страны будут ее охранять самостоятельно.

5. Они используют все свое влияние, будь то моральное, экономическое, дипломатическое или военное, для достижения мира во всем мире.

6. Они будут это делать в полном осознании того, что в противном случае весь мир будет уничтожен».

Документ был подписан, и на следующий день его текст опубликовали газеты всего мира.

И делегаты «Двадцатки малюток» разъехались по домам. Никто не назначал дату их следующей встречи. Решили, что в качестве символа солидарности каждая страна раз в месяц будет присыпать в герцогство солдат-гвардейцев для охраны границ Великого Фенвика совместно с фенвикскими лучниками.

Две недели спустя Соединенные Штаты, Великобритания, Советский Союз и Канада согласились демонтировать ядерные арсеналы. Через месяц международная инспекция приступила к своей работе.

Если еще и нельзя было сказать, что мировое сообщество ступило на дорогу к миру, то, по крайней мере, по скоростной магистрали к самоуничтожению оно уже не неслось.

20

Князь Маунтджой почувствовал, что им пренебрегают. Он не привык к такому отношению. Он всегда имел твердое положение, всегда находился в центре событий. Князь происходил из благороднейшего рода, уступающе-

го по значению лишь правящей династии. Его семья давала стране дипломатов и государственных деятелей.

Его предок, князь Роберт Маунтджой, оформлял договор с Британией в 1402 году, о чём князь не преминул сообщить министру иностранных дел Великобритании во время последнего визита того в Великий Фенвик.

Другой его предок, Дерек Маунтджой, остался в истории герцогства как посланник к императору Наполеону. Именно он сообщил императору, что дальнейшие военные действия в Европе поставят знамя с двуглавым орлом на сторону Англии.

В связи с последними событиями, в результате которых герцогство Великий Фенвик было занесено на страницы славы в истории человечества, князь Маунтджой хотел присутствовать на этих страницах хотя бы коротенькой строчкой.

К сожалению, дипломатия, которой надлежало находиться в руках человека, рожденного дипломатом, была передана необразованным простолюдинам, вроде этого Бентера или Талли Баскомба. Исчезла игра деликатного балансирования и тщательного взвешивания ситуации, особенного удовольствия от употребления точных слов, при помощи которых обещают все и не гарантируют ничего.

Притом князь понимал, что достигнуты прекрасные результаты, но его шокировала манера, в которой все это было проделано.

Чтобы сохранить лицо и не потерять своего места в истории, ему необходимо было совершить нечто, что доказало бы его истинную гениальность. И он уже знал, что сделать.

Князь Маунтджой сопровождал генерала Сниппетта и четырех полисменов к границе Великого Фенвика, где их должны были передать американскому консулу.

Маленькая процессия уже почти достигла цели путешествия, когда один из полисменов сказал:

— А эта Глориана — красотка.

— Что вы имеете в виду? — спросил князь Маунтджой.

— Миленькая штучка, — ответил полисмен.

— Что-то я вас не понимаю, — настаивал князь.

— Послушайте, папаша, в вашем возрасте вам этого и не понять. К тому же, у вас наверняка есть и жена, и детишки. Ваша Глориана просто сражает наповал. Медовая конфетка. Сексуальный «кадиллак», если вы вообще понимаете, о чем я говорю. Но однажды ей встретится какой-нибудь везучий сопляк и уговорит ее на золотое кольцо. Поняли? И тогда адресом вашей маленькой герцогини станет Пятая авеню, Нью-Йорк, или Беверли-Хиллз, или и то и другое вместе.

Князь Маунтджой понял не все из того, что говорил полисмен, но сама идея его очень напугала. Богатый американец женится на герцогине, и конец независимому герцогству. В этот вечер князь решил пригласить к себе Бентера и доктора Кокнитца. Вместе они составили план действий по предотвращению подобной опасности.

«Пусть, — думал князь, идя на встречу с Глорианой, — пусть актеры на сцене получают аплодисменты. Но за сценой всегда есть манипулятор (которым князь считал себя), безупречно владеющий искусством управления государством».

От этих мыслей его самочувствие значительно улучшилось, и он гордо поднял седую голову.

Глориана сидела за столом в личных апартаментах и ела гранат. Она только что получила в подарок от госсекретаря Соединенных Штатов много гранатов, поэтому могла есть их сколько захочется. Что она и делала, судя по количеству косточек на серебряном блюде, стоявшем перед ней.

— Бобо, не бранись, — сказал Глориана. — Если их быстро не съесть, они испортятся. Кроме того, гранаты успокаивающие действуют на нервную систему. А после всех этих событий с приездами, отъездами, встречами и провожаниями мне нужна поддержка. Знаешь, Бобо, мне очень понравился тот господин из Саудовской Аравии! Он отказался мне поклониться! Он сказал, что, согласно их

религии, если мужчина кланяется женщине, то он унижает себя.

— Напротив, поклон перед такой женщиной, как вы, ваша светлость, возвышает истинного мужчину, — ответил князь Маунтджой.

— Какой ты милый, Бобо! Присядь, поговори со мной.

Князь сел к столу и до того расслабился, что принял из рук Глорианы половинку граната и стал машинально вытаскивать и есть рубиновые зернышки. Покончив с гранатом, он очень изящно сложил косточки на серебряное блюдо, поправил монокль и сказал:

— Ваша светлость, я двадцать лет служил вашему отцу, и, надеюсь, Господь даст мне возможность столько же прослужить вам.

— Я тоже на это надеюсь, — осторожно сказала Глориана. Она знала, что если князь начинает говорить о своей преданности, то это неспроста.

— Моя семья служила правителям Великого Фенвика со дня основания герцогства.

— Да, мне это известно, — подтвердила Глориана.

— И у меня есть страстное желание, чтобы семья Маунтджой служила потомкам сэра Роджера и в будущем. Однако это желание может не исполниться.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Глориана. — Разве ты собираешься куда-то уехать?

— Нет, ваша светлость. Причина не во мне, а в вас.

— Не понимаю! — восклекнула герцогиня.

— Это очень деликатное дело, — отвечал князь Маунтджой. — Но, как самый старый из ваших советников, я позволю себе заговорить об этом. Скажу прямо: поскольку ваша светлость не замужем и не имеет семьи, то линия Фенвиков может прекратиться.

Глориана покраснела.

— Я вообще не думаю о браке, — сказала она. — Кроме того, я не знаю человека, за которого мне хотелось бы выйти замуж.

Глориана покривила душой. На самом деле она совершенно точно знала человека, кого хотела бы видеть своим мужем.

Князь Маунтджой устроился в кресле поуютнее, сложил кончики длинных белых пальцев и посмотрел на свою герцогиню с отеческой нежностью.

— Ваша светлость наверняка думает, что для брака необходима привязанность или даже страсть. Это так, но лишь для простых людей. Для тех же, кто держит в своих руках судьбы подчиненного им народа, политика гораздо важнее обычного романа. Брак правителей представляется образцом жертвы, которую нужно принести во имя политической необходимости. Брак необходим для успешного правления. При этом важно не только физическое здоровье мужчины, но и его способность создать такой политический союз, который послужит усилению страны.

— Ты говоришь так, словно собираешься выводить новую породу лошадей, — возмутилась Глориана.

— Ваша светлость простит неловкие слова старого слуги, который хочет всего лишь быть полезным вам и своей стране.

— Бобо, — сказала Глориана, все еще не оправившаяся от смущения, — я попробую взглянуть на твоё предложение беспристрастно. Полагаю, что, начиная этот разговор, ты как следует подумал и уже решил, кого предложить мне в мужья.

— Я считаю своей обязанностью думать о делах подобного рода, — с достоинством ответил князь, — но в этих размышлениях я был не одинок. Я консультировался с другими вашими министрами.

— Ты имеешь в виду мистера Бентера?

— И его, и доктора Кокнитца.

— Кокнитца? Да у него в голове одни лишь птицы и бомбы!

— Верно. В этом заключены его профессиональные интересы. Но он умный и весьма наблюдательный человек. И Бентер, и Кокнитц согласились, что персона, которую я осмелился предложить, это наилучший вариант. С ним можно быть уверенным в безопасности герцогства Великий Фенвик и в успехе наших начинаний.

— Надеюсь, — осторожно сказала Глориана, — ты не собираешься предложить мне в мужья американского

министра, потому что я ни в коем случае этого не сделаю. Я читала в женских журналах, что американские мужья очень жестоки к своим женам.

— Жестоки?

— Вот-вот. Они принимают все решения, не советуясь с женами. Они посыпают женщин работать, вместо того чтобы самим зарабатывать побольше. Да они вообще не мужчины! Я выйду замуж только за настоящего мужчину, который даст мне почувствовать себя настоящей женщиной.

— Мистер Бентер, доктор Кокнитц и я уверены, что персона, предложенная мною, соответствует всем вашим требованиям, — самодовольно усмехаясь, сказал Маннджой.

— И кто же эта персона?

— Талли Баскомб.

— Талли Баскомб? — повторила Глориана и почувствовала, как горячий румянец заливает ее лицо и шею.

— Да. И существует несколько причин, почему ваша светлость должна серьезно обдумать эту кандидатуру, несомненно, забывая при этом о его невоспитанности и простоватости, хотя подобные качества вызывают вполне естественное раздражение у тех, кто рожден аристократом.

— У Талли Баскомба вовсе нет таких качеств, которые бы меня раздражали, — почти зло огрызнулась Глориана.

— Меня это радует, — ответил князь, слегка удивившись ее горячности. — Он может быть вашим консортом, поскольку ведет свое происхождение от сэра Роджера Фенвика, основателя нашего государства. Позволю себе предположить, что у молодого человека могли быть некоторые претензии на трон. Баскомб пренебрег вашими инструкциями и выиграл войну у Соединенных Штатов, и это доказывает, что он не лишен амбиций. Но при заключении брака с вашей светлостью его амбиции автоматически удовлетворяются. Помимо этого, Баскомб весьма популярен в народе. И если бы сейчас объявили какие-нибудь выборы, он, несомненно, оказался бы победителем.

Вы как-то рассказывали, что у него нет твердых политических убеждений, что он не признает ни демократии, ни коммунизма, ни анархизма. Таким образом, партия, которую он мог бы организовать, несомненно, привела бы страну к гибели. Но, став соправителем герцогства Великий Фенвик, он будет изъят из сферы политики и станет совершенно безопасным.

— Я вовсе не уверена, что Талли Баскомб когда-нибудь станет совершенно безопасным, — улыбнулась герцогиня. — Ты хотел еще что-то добавить?

— У меня есть некоторые соображения, но ваша светлость уже упрекнули меня в том, что я якобы занимаюсь разведением лошадей, поэтому лучше мне помолчать, — ответил князь.

— Ох! — вздохнула Глориана. — О-ох!

И больше она ничего не произнесла, потому что ей захотелось о многом подумать.

С того момента, как брак с Талли стал государственным делом, он потерял для Глорианы часть своей привлекательности, хотя раньше герцогиня позволяла себе иногда помечтать об этом.

Сейчас она старалась представить себе их совместное существование, и эти размысления ее напугали. Вполне вероятно, что он не одобрят некоторые ее манеры или привычки. Она может показаться ему, человеку, объехавшему почти весь мир, скучным и неинтересным собеседником. К тому же, она даже не умеет готовить, а он умеет чинить обувь, завоевывать страны, корчевать деревья и делать стрелы. И неизвестно, нет ли у него где-нибудь во Франции или Швейцарии девушки, в которую он влюблен, или даже тайной жены.

Глориана почувствовала себя очень одинокой и несчастной. Посмотрев на князя Маунтджа, она спросила голосом маленькой обиженней девочки:

— Бобо! А что, мне обязательно нужно выйти замуж за Талли?

Князь уверенено кивнул.

— Но, Бобо, как быть, если он не захочет на мне жениться? Вдруг он меня не любит? Или уже на ком-то женат? И, наконец, как мне получить от него предложение?

— А он и не должен делать вам предложения, — серьезно ответил князь. — По традиции Великого Фенвики предложение должно исходить от вас.

— От меня? — пришла в ужас герцогиня. — О нет! Я не смогу этого сделать! Нет, нет, ни за что не смогу!

— Вы должны, ваша светлость! Во имя вашего народа! Во имя вашей страны!

Князь медленно поднялся с кресла и вышел, оставив Глориану перед блюдом с гранатами, на которые ей даже не хотелось смотреть.

21

Герцогиня Глориана XII взяла велосипед и поехала по дороге, бегущей вдоль подножия горы, через лес к коттеджу Талли Баскомба.

Раньше ее очень возбуждало увеличение скорости по мере того, как дорога начинала спускаться в долину. Но сегодня ей хотелось, чтобы велосипед ехал помедленнее. Она пыталась заставить его двигаться черепашьим шагом, но он ее не слушался.

Потом Глориана подумала, что было бы хорошо наткнуться на какой-нибудь камень или корень, упасть и недели две-три полежать в постели. Но ничто не помешало велосипеду продолжить путь.

После разговора с князем Глориану беспокоило многое, но больше всего ее мучило то, что она не знала, как начать разговор с Талли. Она продумывала сотни вариантов от официального: «Мы приказываем вам, как верному подданному, жениться на нас!» до самого обычного: «Вы бы не хотели на мне жениться?» Но все варианты казались ей ужасными.

Еще труднее было решить, какую сделать прическу, чтобы произвести наиболее благоприятное впечатление. Оставить волосы распущенными по плечам, как она всег-

да и делала, или уложить их валиком на шее? Или лучше зачесать их наверх? В женских журналах предлагались различные причесги, но ни одна из них не была предусмотрена именно для такого случая.

А что делать с лицом? Обычно Глориана не красилась, но ей показалось, что в такой день это сделать необходимо. Накрасив все, что только было возможно, герцогиня себе не понравилась и тут же принялась смывать краску. Румяна и губная помада поддались легко, но вот тушь для ресниц отчаянно сопротивлялась и нарисовала ей такие синяки под глазами, будто она провела бессонную ночь, что было недалеко от истины.

Тут же возникла проблема с туалетом. Ситчик, твидовый костюм или нарядное платье? С кем посоветоваться? В конце концов она остановила свой выбор на твидовой юбке и водолазке.

Когда Глориана наконец подъехала к коттеджу, она была так взволнована, что долго не могла слезть с велосипеда и подойти к двери. Сердце ее отчаянно колотилось, ей было трудно дышать. Но когда дверь отворил не Талли, а его отец, Пирс, волнение сразу улетучилось.

— Входите, ваша светлость, — сказал он глубоким, мягким голосом. — Мы не видели вас со времени конференции «Двадцатки малюток». Вас, наверное, очень утомили все эти события?

— Немножко, — призналась Глориана.

— Не позволяйте им все взваливать на ваши плечи, — посоветовал Пирс. — Присаживайтесь. Я налью вам стаканчик «Пино».

Он взял с полки бутылку и два бокала, налил в каждый немного вина и подал один из них герцогине.

Глориана разглядывала свой бокал, а Пирс смотрел на нее тем прямым пронзительным взглядом, который унаследовал от него Талли.

— Ваша светлость, почему бы вам не рассказать мне, что вы задумали и почему приехали к нам? — сказал Пирс. — Расскажите и покончим с этим делом.

— Ну... Я думала увидеться с Талли, — ответила Глориана.

— Талли в лесу, но, думаю, минут через двадцать он вернется.

— Мне нужно кое-что ему сказать.

— Мне лучше уйти, когда Талли вернется?

— Нет, нет! Это касается и вас.

— Да?

Наступило молчание.

— Мистер Баскомб, — неожиданно сказала Глориана, — как мой папа сделал предложение моей маме?

— Ну, я там не был, но это не важно, потому что я много об этом слышал. Случилось это в день ежегодного соревнования по стрельбе из лука, в котором участвовала и ваша мама. Она так успешно выступила, что в финале должна была сразиться с вашим отцом. Конечно, ваш отец и прежде встречался с вашей мамой, потому что в Великом Фенвике все знают друг друга, но он не был ей представлен. Так вот, ваш отец был совершенно уверен в победе. Его стрела попала точно в центр мишени. Однако стрела, посланная вашей мамой, расщепила стрелу вашего папы, и, в соответствии с условиями соревнований, ваша мама получила приз — серебряную стрелу. Когда она получила свой приз, ваш папа встал с трона, подошел к вашей маме, поднял ее над собой и закричал во весь голос: «Глориана выиграла один приз, а я получил два! Я хочу объявить всем вам, что женюсь на ней!» Вот так это и было.

— Думаю, мне не удастся поднять Талли, — словно про себя пробормотала Глориана.

Если Пирс это и услышал, то виду он не подал, но по его глазам было ясно, что он все понимает.

— Мистер Баскомб, пожалуйста, не считите меня бесактной, но расскажите, а как вы сами делали предложение миссис Баскомб?

— Сказать по правде, это не я, а она сделала мне предложение, — с улыбкой ответил Пирс.

— А как, как именно она это сделала? — быстро спросила Глориана.

— Всех деталей мне сейчас не вспомнить. Я тогда как раз писал свою первую книгу. Я, конечно, уже любил

миссис Баскомб, но еще не осознавал этого. Именно в это время у меня возникли трудности с малиновками, я не знал точно, как долго они насиживают яйца. А у меня есть такая привычка — если в процессе написания книги возникают трудности, надо пройтись по лесу, и проблемы разрешатся сами собой. Вот я и решил пройтись, зайти к отцу Элизабет и поболтать с ним. Мы с ним поговорили о каких-то пустяках, а потом он сказал: «Кстати, Пирс, недавно моя дочка спросила, не возражаю ли я против того, чтобы стать твоим тестем. Я выразил полное согласие, полагая, что это совпадает и с твоими желаниями». Я не сразу сообразил, о чем это он говорит, и бедняге пришлось дважды повторить эту фразу, прежде чем я ухватил ее смысл. Тогда я обрадовался, в самом деле... Так обрадовался, что поцеловал его и пожал руку его дочке...

Пирс так расхохотался, что у него даже покатились слезы. А когда он принялся вытираять глаза, в дом вошел Талли.

Талли отворил дверь плечом, увидел Глориану и слегка смущился.

— Заходи-ка, сынок, — сказал Пирс. — Вот Глориана пришла с тобой повидаться.

— О! — произнес Талли и встал у камина, облокотившись о каминную полку.

Глориана была в полной растерянности. Она не знала, как начать, что сказать, как объяснить причину своего визита. Ей хотелось выбежать из комнаты, и она была близка к тому, чтобы совершить этот поступок.

И тогда Талли мягко сказал:

— Если вы, ваша светлость, нуждаетесь в моих услугах, то, что бы это ни было, я готов вам служить. Только прикажите.

— Мне нужно обсудить с вами одно важное дело, которое вроде бы и государственное, но в то же время и личное, хотя все же оно скорее личное, чем государственное.

— В любом случае, — сказал Талли, — я употреблю все свои силы, чтобы вам помочь.

— Тут дело не в помощи, а в наших... совместных действиях...

— Совместных действиях?

— Да. Ну не точно так, а... — Она умоляюще посмотрела на Баскомба-старшего. — Мистер Баскомб, скажите же, скажите...

Пирс перевел взгляд с Глорианы на сына.

— Глориана хотела бы, чтобы я стал ее свекром. Вот так! Верно?

— Да, — прошептала Глориана.

— Кем-кем? — переспросил Талли.

— Ее свекром.

— Свекор! Но ты же мой отец!

— Точно. А ты — мой единственный сын.

Секунду Талли смотрел то на отца, то на герцогиню, то на отца, то на герцогиню, потом подошел к Глориане, взял ее за руки и поднял с кресла.

— Мой отец принимает ваше предложение с гордостью, а я — с благоговением.

22

Свадьба стала самым главным общественным событием года. К ней было привлечено внимание всего мира. Президент Соединенных Штатов, пренебрегая традициями, объявил о том, что лично будет присутствовать на свадьбе. Тут же премьер-министр Советского Союза сказал, что ничто не остановит его от лицезрения заключения этого союза.

Заявление было с радостью воспринято всеми западными странами и интерпретировалось как обещание более терпимого отношения к религии в Советском Союзе.

Премьер-министр Великобритании информировал палату общин, что ее величество королева также выразила намерение присутствовать на церемонии. В свою очередь, все двадцать «малюток» решили, что в Великом Фенвике их будут представлять не послы, а главы государств.

То, что на церемонии венчания будет присутствовать такое количество самых значительных персон со всего мира, очень взволновало Талли. Ведь в замке все еще хранилась квадиум-бомба.

— Если с бомбой что-нибудь случится, — озабоченно сказал Талли, — все страны мира лишатся своих лидеров.

— Это лучшая гарантия того, что с бомбой ничего не произойдет, — успокоила его Глориана.

В связи с трудностью размещения такого количества гостей было принято решение, что на церемонии будут присутствовать только главы государств. Однако президент Соединенных Штатов никогда и никуда не отправлялся без сопровождения секретных служб. Тогда было достигнуто соглашение о том, что секретные агенты, сопровождающие президента, будут одеты в такие же кольчуги, что и лучники Великого Фенвика, но в ножнах вместо мечей у них будут находиться пистолеты.

Охрану премьер-министра Советского Союза тоже одели в кольчуги, а охрана королевы Великобритании перешла в Лондоне.

Венчание происходило в маленькой часовне, соединенной с главным залом замка. В часовне находились только главные герои церемонии. Однако гости могли видеть все, что там происходит, поскольку пол часовни был выше уровня пола главного зала на шесть ступеней каменной лестницы.

Обряд венчания начался вечером, как раз в то время, когда солнце стало опускаться за горы, образующие западную границу герцогства. По традиции Глориана и Талли были облачены в одежды четырнадцатого века. На герцогине была шляпа с небольшими полями. Накинутая на шляпу вуаль из тончайших кружев легкими волнами спускалась до пола и переходила в шлейф. Поверх платья из шелка цвета слоновой кости, затканного серебряными двуглавыми орлами, был накинут лазоревый плащ, скрепленный на груди тяжелыми золотыми цепочками.

Наряд Талли состоял из мягкого бархатного берета, парчовой куртки, плаща с затейливо расшитой каймой, коротких шелковых штанов и остроносых башмаков.

Когда князь Маунтджой торжественно ввел невесту в главный зал, мужской хор на галерее запел старинный гимн, а с другой галереи ему вторил хор мальчиков.

За Глорианой, шедшей медленным плавным шагом, следовали два пажа в белых шелковых костюмах. Они несли длинный шлейф невесты. За пажами торжественно выступали шесть дам в туалетах из желтого бархата.

Движение процессии было рассчитано так точно, что когда Глориана оказалась около алтаря, она попала в золото лучей заходящего солнца, именно в эту минуту освещившего невесту через узкое окно часовни.

Талли подошел к невесте, и они оба опустились на колени перед алтарем. Все голоса в зале умолкли, и наступила торжественная тишина.

Позже некоторые утверждали, что это был самый волнующий момент. Другие же говорили, что более сильное впечатление на них произвело нежное, но твердое «да» Глорианы, ее обещание любить мужа и заботиться о нем и обет Талли повиноваться, что деликатно подчеркивало разницу между правителем государства и консортом.

Когда жених и невеста получили благословение, зал взорвался приветственными криками. Князь Маунтджой первым поцеловал руку герцогини. Он сиял, это был его триумф! Он устроил этот союз!

Прежде чем новобрачные отправились в свадебное путешествие по столицам мира, доктор Кокнитц заручился разрешением герцогини на посещение подземелья, где хранилась квадиум-бомба. Но с одним ограничением. Он должен был спуститься в подземелье один.

Вернувшись к себе в комнату, доктор Кокнитц обратился к канарейке:

— Дикки, хочу тебе сказать, что эта маленькая страна образовалась в результате движения земной коры.

Канарейка чирикнула, и доктор Кокнитц в очередной раз убедился в высоком интеллекте своей птички.

— Да, Дикки, — продолжал доктор, — миллиарды лет назад сдвиги земной коры образовали эти высокие горы. Но если это случилось однажды, то может произойти и еще раз. Кроме того, на здешние горы могут повлиять аналогичные процессы в другом месте земного шара. Дикки, ты понимаешь, чем это грозит? Квадиум-бомба может взорваться. И тогда все наши попытки спасти этот мир от гибели окажутся бесполезными.

И доктор Кокнитц, оставив канарейку, отправился по винтовой лестнице, ведущей в подземелье, где лежала квадиум-бомба. Охрана, получившая приказ пропускать доктора Кокнитца (но только его одного!) отворила перед ним тяжелую дверь. Дверь скрипела и рычала.

На массивной каменной тумбе стоял свинцовый ящичек, покоящийся на толстой подушке из соломы. Доктор Кокнитц дождался, пока за ним захлопнется дверь, и только тогда подошел к бомбе. Фонарь, который дали ему охранники, он поставил на пол возле ног. Затем доктор протер очки. Руки его заметно дрожали.

Доктор Кокнитц вынул из ящика бомбу.

Может быть, потому, что он забыл, сколько она весит, может быть, потому, что фонарь давал слишком мало света и доктор не рассчитал расстояния до бомбы, а может быть, потому, что он слишком нервничал, но бомба выскользнула из рук доктора Кокнитца, мгновение покачалась на соломенной подстилке, а затем, пока доктор, парализованный ужасом, смотрел на нее, со стуком упала на каменный пол.

Ничего не случилось.

Изумленный Кокнитц осторожно подошел к бомбе, все еще с опаской поднял ее и вытащил из кармана перочинный ножичек. Через минуту передняя панель бомбы была открыта, и доктор заглянул внутрь.

— Так, — сказал он изумленно. — Сломалась! Заколка миссис Рейнер, которую я позаимствовал для того, чтобы сделать пружинку, была плохого качества, и потому мы

спасены. Как жаль, что ни миссис Рейнер и ни одна живая душа на свете об этом не узнают!

Он установил панель на старое место, поднял фонарь и вышел из подземелья.

Когда он проходил мимо охранников, один из них спросил:

— Доктор, как там бомба? В хорошем состоянии?

— Она в замечательном состоянии, — заверил охранника доктор Кокнитц. — Она стала еще лучше, чем была.

Уильям Макгиверн МОНСТРЫ МИСТЕРА ДИТТМАНА

Миссис Диттман злобно смотрела через стол и произносила стандартный текст покинутой жены:

— Полагаю, что я могла бы рассчитывать хоть на малую долю твоего внимания. Ты не способен оторваться от своего «Химического ежемесячника»!

Мистер Диттман тоже посмотрел через стол.

Точнее, оба мистера Диттмана посмотрели на жену одной головой, потому что на самом деле в мире существовали два мистера Диттмана. Один — разумный исследователь, второй — терпеливый страдалец. Разумный мистер Диттман был удивлен. Он не представлял себе, как кто-то, столь громоздкий, уродливый и потный, мог рассчитывать хоть на малую толику его внимания.

Если не считать зачарованности, с которой мистер Диттман наблюдал за движениями усиков миссис Диттман, он никогда не испытывал к ней интереса.

Мистер Диттман так и не понял, почему женился на Марте. Он сделал ей предложение в темной комнате. Эта мизансцена была тщательно продумана взъявленными родителями Марты, к тому же Диттману казалось, что в чай они подсыпали наркотик.

Но мистер Диттман встретил поражение со стойкостью настоящего спортсмена. По профессии он был бухгалтером, по призванию — химиком. Так что он выжил, совместив в себе терпеливость бухгалтера и любовь к лаборатории, которую устроил в подвале.

— Артур, почему ты мне не отвечаешь? — рявкнула миссис Марта Диттман, и тогда на сцену вышел второй мистер Диттман — терпеливый страдалец.

Он произнес:

— Прости, дорогая, но я отыскал здесь крайне любопытную формулу. И вкупе с материалом, который я почерпнул из астрологического пергамента...

— Ты еще не сжег эту ведьмину книжку? Я же велела тебе немедленно от нее отделаться. Там микробы!

— Дорогая, в этом пергаменте хранится важнейшая информация.

— Тогда я сама все сожгу! Вот спущусь в твою проклятую лабораторию...

— Дорогая, уверен, что ты никогда этого не сделаешь. Ты же знаешь, какое наслаждение я получаю от...

— Ты получаешь наслаждение, когда превращаешь меня в соломенную вдову при живом муже!

«Пожалуй, только надежда стать настоящей вдовой и удерживает тебя от того, чтобы обратиться в суд за разводом, — подумал рассудительный и трезвый мистер Диттман. — Я где-то слышал, что крайнее уродство служит основанием для освобождения от военной службы. А почему бы уродству не стать основанием для развода? Я бы рассказал судье, каково лежать в постели с такой...»

— Ты, похоже, собираешься всю ночь там просидеть?

— Пожалуй, я немного задержусь в лаборатории. У меня появились кое-какие идеи.

Миссис Диттман вспыхнула от негодования, а ее разумный муж подумал: «Ну, хоть бы ее характер не был таким уродливым, как внешность! Почему ее душа тоже снабжена усиками над верхней губой?»

Мистер Диттман поднялся из-за стола и улыбнулся жене, что уже само по себе было достижением. Затем он добавил:

— Я не задержусь, дорогая. Испытаю две смеси и спа-теньки.

— Я тебя в покое не оставлю, — мрачно пообещала миссис Диттман.

И он знал, что в самом деле не оставит. Она будет каждые десять минут молотить в дверь, чтобы раздробить приятный вечер на несколько спокойных моментов, прерываемых стуком и воплями.

Оказавшись наконец за запертой дверью своей лаборатории, мистер Диттман почувствовал себя лучше. Перемена коснулась даже его внешности. Удовлетворенная улыбка разгладила морщины на челе и паутинки в уголках глаз, возникшие от вечного ожидания внезапно увидеть Марту и получить удар по глазному нерву.

Даже брыли подобрались — ведь кожа на щеках обвисла под тяжестью постоянной покорности.

Он сделал несколько бодрых шагов, но потом колени дрогнули и подогнулись — Диттман вспомнил, сколько лет еще придется прожить рядом с Мартой.

Артур весело принялся за работу. Любовь к работе выражалась в том, что он оживленно беседовал сам с собой:

— Никак не пойму, почему они изъяли из формулы каталитический элемент. Может быть, именно этого они не могли сформулировать в 1281 году? Ну и давно же это было! Так-так... что же теперь? Надо растереть уши летучей мыши. Наверное, синтетический заменитель будет не хуже. А почему бы формуле не согласиться на дигиталис и аспирин вместо всеми забытой чуши? В конце концов, не так важно, что мы сюда вкладываем — важен принцип!

Оживленно беседуя с самим собой, Артур смешивал ингредиенты формулы, которая казалась его предкам дьявольскими знаками. Предки любили облекать обычные химические соединения в одежды романтического вздора.

Наконец Артур был готов завершить эксперимент.

Он натянул резиновые перчатки, отвернулся от лабораторного стола и всыпал в реторту последний ингредиент.

Миновало тридцать секунд.

Казалось, реторта с подозрением принюхивается к смеси, которой была наполнена. Затем жидкость в ней отвратительно забулькала и устремилась вверх. Реторта вела себя, как человек, обнаруживший устрицу в сливочном торте.

Комната немедленно заволокло густым дымом. Дым был белым и слегка вонял — то есть вел себя соответ-

ственno рассказам специалистов, которым приходилось видеть его прежде или читать о нем в старинных фолиантах.

Артур Диттман отпрыгнул в угол и принялся тереть кулаками слезящиеся глаза. Это ему не помогло. Резиновые перчатки оказались смазанными чем-то едким, отчего слезы полились ручьем.

И тут мягкий, вежливый голос произнес:

— Привет.

Артур смог открыть глаза, но дым еще не рассеялся, и потому он никого не увидел. Из врожденной вежливости он тоже произнес:

— Привет.

— Вы расстроены, — продолжал голос. — Вы только что плакали.

— Клянусь вам, причина тому — вполне химическая и не имеет ничего общего с моими эмоциями.

— Но ведь эмоции так тесно переплетены с химией, а она, в свою очередь, с биологией... — настаивал голос.

— Полагаю, вы правы, но... — Глаза Артура снова начали функционировать, и он смог различить некий крупный сгусток материи возле бунзеновской горелки. Тогда он сказал: — Простите, я не услышал, как вы вошли.

— Ах, мне казалось, что вы знаете. Ведь именно вашими усилиями объясняется мое присутствие в этом помещении.

И тут в дверь громко постучали, а затем раздался резкий голос Марты:

— Артур, ты опять хочешь весь дом провонять! Что бы ты там ни делал — немедленно прекрати!

— Прости, дорогая, но эксперимент только что завершился.

— И очень успешно завершился, — тихо добавил вежливый голос.

— Что ты там бормочешь? — живо заинтересовалась Марта.

— Я сказал, что эксперимент удался.

— Мне плевать, удался он или нет! Немедленно прекрати!

— Марта, может, тебе стоило бы заглянуть сюда и убедиться...

— Заглянуть? Ты хочешь затащить меня в эту вонючую дыру?

— Нет, у меня и в мыслях не было ничего подобного...

— Проветри помещение и отправляйся спать!

— И кто же это был? — спросил вежливый голос, после того как шаги Марты затихли наверху.

— Это моя жена. Она не разделяет моих увлечений.

— А я, наоборот, разделяю, — сказал голос. — Я впервые осознаю, что такое свобода.

— В самом деле? Что ж, я очень рад.

Комната окончательно проветрилась, и глаза Артура начали функционировать нормально. Даже слишком нормально. Видение материализовалось совсем близко. Ничего подобного ему в жизни видеть не приходилось.

Всю одежду лохматого существа составлял махонький передничек. Само же оно было сооружено из частей, весьма различных по масштабу. Руки, ноги, торс и голова были собраны на фабрике игрушек в самом конце рабочего дня, когда сборщики уже не могут оторвать взгляд от часов — скоро ли можно идти домой? Наверняка те же мысли владели и инспектором по качеству, поэтому он не обратил внимания на конечный результат труда вверенной ему фабрики.

Но мистер Диттман был крайне деликатным человеком и, собравшись с духом, сделал вид, что ничего не произошло.

Но существо оказалось наблюдательным. Оно произнесло:

— Я вам не нравлюсь.

— Я... Совсем наоборот! Я просто не ожидал... А вы кто будете? Джинн?

— Вы хотите спросить, могу ли я выполнить ваше желание?

— Обычно такие, как вы, способны на три желания.

— Простите, пожалуйста, но на самом деле мы ничего такого не умеем. Вся беда идет от сказочников. Они же всего-навсего люди и им хочется чего-то сладеньского. Вот

они и раскрашивают действительность в дикие цвета. — Голос монстра задрожал, и он добавил: — Если быть до конца откровенными, мы вообще ни на что не годны.

Мистер Диттман был в первую очередь исследователем, привыкшим к самым неожиданным реакциям и результатам опытов. Поэтому он подошел к существу поближе, присмотрелся и спросил:

— Это у вас, простите, лицо?

— Разумеется, лицо. А разве лица бывают на другом месте?

«Существо имеет свои привлекательные черты», — подумал Артур. Жабры вокруг ушей были нежно-розового цвета, а зрачки привлекали особенным лавандовым оттенком.

— Не представляю, как мне удалось добиться...

— Может, это вас и удивит, но главным веществом в формуле, которую вы употребили, был этиловый спирт, — сообщило существо.

— Не может быть! Вы меня удивляете.

— Мне повезло, что я материализуюсь в присутствии настоящего ученого, — сказало существо.

— Я не более чем любитель, — скромно возразил Артур. Но покраснел от удовольствия.

— Назовем вас человеком с научным подходом к действительности. Чаще всего люди, которым удается нас вызвать, впадают в истерику или теряют сознание. Некоторые визжат, другие лезут под кровать, а третьи карабкаются на стену.

Артур удивился.

— А почему они себя так ведут? — спросил он.

— Лишь немногие подозревают, что они создали. Хотя я не понимаю, чего еще они могут ожидать?

— Но если основой формулы является алкоголь, — заметил Артур, — значит, вам неважно, когда и где эта формула составлена?

— Совершенно безразлично.

— Значит, порой ваш господин оказывается далеко не в форме?

— Чаще всего он бывает пьяным, как свинья.

— Значит, вы не правы, утверждая, что пользы от вас нет никакой. Вы же становитесь доказательством вреда пьянства.

— Может быть, — пожало плечами существо. — Но, честно говоря, работа наша безрадостна и неблагодарна. Мы становимся причиной страха, а в лучшем случае вызываем насмешки и издевательства. А нам так нужно человеческое тепло и понимание! Как плохо, когда тебя не понимают!

— А много вас таких?

— Хватает. Мы являемся людям по очереди. И каждый раз надеемся на невозможное — на хозяина, который при виде тебя не кинется в окно, не грохнется в обморок и не станет звонить в полицию.

— Надеюсь, — сказал Артур, — что вам наконец-то повезло. Давайте посидим, поболтаем. Вы расскажете мне о вашем мире...

В дверь принялись молотить, а затем снова раздался голос Марты:

— Артур! Признайся, у тебя там женщина?

От звука голоса жены Артура передернуло.

Чудовище спросило:

— А это кто?

— Это снова моя жена.

— Артур, отвечай немедленно!

Мистер Диттман виновато посмотрел на гостя.

— Простите, — спросил он, — а вы кто будете? Самец или самка? То есть... леди?

Розовые жабры потемнели.

— Ну конечно! Меня зовут Элизабет. Я это имя сама для себя выбрала.

Артур кивнул и обратился к двери.

— Я занят, моя дорогая. Если бы ты пришла чуть позже...

Возмущенный рев Марты мог бы сорвать дверь с петель, но этого не произошло, потому что прежде она ударила в дверь всей своей тушей. Дверь упала в лабораторию, и по ней, как по щиту, прошла миссис Диттман.

Оказавшись в лаборатории, Марта сделала два шага и замерла.

Затем из ее горла вырвался басовитый вопль, и она рухнула на пол в глубоком обмороке.

Артур кинулся к ней.

Но тут другой, не менее басовитый вопль настиг его сзади.

Он обернулся.

Элизабет вытянулась на полу, потеряв сознание от страха.

Артур пребывал в полной растерянности.

Конечно, он был предан Марте, но, как ученый, чувствовал ответственность перед той, что лежала сзади.

Поколебавшись, он все же опустился на колени перед джинном. Элизабет была страшно бледна. Видно, ее реакция на появление чего-то ужасного не отличалась от человеческой.

Но внутренние ресурсы ее организма были куда больше, чем у людей, так что она открыла глаза меньше чем через минуту.

— Боже мой! — прошептала она. — Что это было?

— Моя жена, — сообщил Артур.

— О, простите! А я было решила...

— Я вас понимаю. Вам уже лучше?

— Со мной все в порядке. Это был шок. Но он оказался полезным.

Элизабет поднялась и принялась разглядывать лежащую на полу Марту.

— Нет худа без добра, — сказала она. — Наконец-то я смогла понять, каково бывает людям, когда они меня видят в первый раз.

— Не могли бы вы разъяснить мне свою мысль несколько подробнее?

— Разве не понятно? Уже много лет я чувствую себя неловко, когда какой-нибудь человечек при виде меня ползет под кровать. Но отныне я все понимаю. Я сама попала в положение этого человечка. Теперь мне ясно, что значит неожиданно увидеть монстра, когда ты к этому совершенно не готов. Я отреагировала на вашу жену точно

так же, как другие реагировали на меня. Теперь я буду куда терпимее к людям.

— Значит, ваше путешествие не прошло даром?

— Разумеется! Я возвращаюсь с легким сердцем. Если ваша жена может жить с такой... то есть с таким лицом, то я уж тем более... Простите, если я кажусь вам грубой или несдержанной!

— Ничего. Я понял, что вы никого не имели в виду.

— Спасибо. Теперь мне пора возвращаться. Было приятно, очень приятно с вами познакомиться.

Артур наблюдал за Элизабет с явным интересом.

— Жаль, что вам пора улетать, — сказал он. — Но, как ученому, мне интересно посмотреть, как вы это делаете.

Элизабет почти улыбнулась.

— Ученый всегда остается ученым, — сказала она. — А на самом деле все очень просто. Я всего лишь расслабляюсь.

Элизабет показала Артуру, как она расслабляет мышцы, потом улеглась на пол, вытянулась, вздохнула и постепенно превратилась в пятно протоплазмы, которая стала прозрачной и исчезла.

Вот тогда Марта пошевельнулась и раскрыла глаза. Она с трудом сумела сфокусировать взгляд.

— Она... она ушла?

— Ушла.

Марта с трудом поднялась на ноги. В ней произошла явная перемена. Артур заметил, что она стала трезвее и пугливей.

— Артур, милый, — произнесла она. — Я не догадывалась, что довела тебя до этого...

— Довела меня?

— Я знаю, что была упрямой, эгоистичной... Но мне и в голову не приходило...

— Что тебе в голову не приходило?

— Что ты станешь искать себе другую женщину!

У Артура глаза вылезли из орбит.

— Но ты же была в обмороке! Неужели ты что-то успела разглядеть?

— Я потеряла сознание от шока. От понимания того, до чего я тебя довела. Я была слишком самоуверенна, мой дорогой! Но когда я увидела ее, то чуть не умерла! Другая женщина в нашем доме!

Артур Диттман не скрывал изумления.

— Это, конечно, зависит от точки зрения, — сказал он наконец.

— Артур, я исправлюсь! Артур, дай мне шанс!

Мистер Диттман поглядел на свою жену и улыбнулся. Он подумал, что усики можно и сбрить.

— Все в порядке, дорогая, — сказал он. — Сейчас я приберу в лаборатории, и мы пойдем спастьки.

И самое удивительное: эта перспектива его совершенно не испугала.

Дж. Ф. Макинтош МЕРЛИН

Свет луны, которая не была Луной, заливал башни спящего Камелота.

Камелот — так называлась и планета, и город на ней. Где же еще быть двору короля Артура, как не в Камелоте?

Реки стекали в море. Посреди моря возвышался остров. На острове стоял замок. В замке жил и правил страной король Артур.

Только одно противоречило древней легенде: Камелот был вовсе не Камелот. Камелотом его назвал какой-то шутник только из-за того, что в замке было очень много башен.

Камелот был сонным царством не только ночью, но и днем. Но однажды планету грубо разбудили. Это случилось, когда Великая Галактика узнала о существовании этого солнного мира. А до той поры Камелот мирно дремал в эпохе неторопливого товарообмена, медленных путешествий и древних, ленивых обычаяев.

Первая леди Камелота сказала:

— Очень интересно, — и отвернулась, чтобы незаметно зевнуть.

«Леди Игрейна», золотой космический корабль, был уже в нескольких миллионах миль от Камелота, на пути к планетам Артура. Пилот, сэр Модред, от напряжения даже высунул язык. Вести корабль по памяти — нелегкая работа. (Новая Венера: приближаться в координатах ЛВ-613:7762, ПЛ-441:3401, со скоростью 33... и так далее...)

— Ну что, мы наконец приземлимся? — с надеждой спросила принцесса, развеселившись от мысли, что мож-

но будет впервые за пять недель путешествия подышать настоящим свежим воздухом.

— Принцесса, мы обычно не приземляемся, — спокойно ответил капитан, сэр Бидивир.

Он был очень старым. Его отец (конечно, когда был еще мальчиком) видел легендарных живых землян и разговаривал с ними. Именно тогда земляне назвали Камелот Камелотом и подарили королю Артуру золотой корабль и много других полезных вещей.

— Ох, — сказала Джиневра и снова украдкой зевнула. Принцесса знала, что первейший долг королевской особы состоит в том, чтобы тщательно скрывать свои переживания.

До начала космического путешествия перспектива посещения всех семнадцати планет, принадлежащих ее отцу, королю Артуру, очень возбуждала принцессу. Сам король был слишком стар для увеселительной прогулки в межпланетном пространстве. Но нарушать традиции было нельзя. Инспекцию королевских владений, неукоснительно проводимую раз в пять лет, откладывать не разрешалось, а заменить короля могла только принцесса Джиневра.

Возбуждение от предчувствия романтического приключения постепенно проходило. Корабль «Леди Играйна», выглядевший таким прекрасным и изящным, в космосе оказался очень тесным и неудобным.

Кошунственно было бы даже предполагать, что корабль, подаренный землянами, может состариться, но ему исполнилось сто лет, и возраст уже начал сказываться. Временами гас свет, из кранов порой текла коричневая вода, двери деформировались и то открывались в самый неподходящий момент, то заклинивались так, что их невозможно было отворить.

Конечно, ни принцессу, ни членов экипажа такие мелочи не беспокоили. Они просто не думали об опасностях, которые могут подстерегать их старый корабль. Почти все великолепные подарки, оставленные землянами — вело-

сипеды, часы, музикальные шкатулки, картофелечистки, швейные машинки, игрушки, фонографы, — все еще прекрасно работали. Правда, время от времени те, что ломались, приходилось заменять на новые, но для этого мудрые земляне и устроили склады всех этих чудесных вещей. Хотя надо признать, что запасы на этих складах стали быстро убывать.

В свое время земляне заверили, что золотой корабль никогда не сломается. Следовательно, не было поводов для беспокойства. Перед каждым космическим путешествием баки заботливо наполнялись самой чистой водой, туда, где было написано «масло», наливалось самое отборное масло, производилась замена всех предохранителей, проверялись все провода, и корабль выглядел как новенький.

Нет, ничего, кроме бытовых неудобств, принцессу особенно не волновало. Заботило ее только то, что капитан, сэр Бидивир, был старым и лысым, что пилот, сэр Модред, был и старым, и лысым, и толстым, что первый офицер, сэр Джирейнт, был старым, лысым и с плохим характером, и что инженер Мерлин, который не был ни старым, ни лысым, ни толстым, являлся существом подчиненным и стоял в иерархической системе, которую выстроила для себя Джиневра, слишком низко. Он даже не был рыцарем.

Если бы не леди Вивьен, не с кем было бы даже поговорить. Но леди Вивьен не могла быть задушевной подругой принцессы, поскольку однажды сэр Ланселот, с которым леди Вивьен была очень-очень близко знакома, заявил при всех, что с тех пор, как он увидел Джиневру, то сразу понял, что во всем Камелоте нет ни одной девушки, равной принцессе по красоте.

— Сколько еще планет мы увидим после этой, мимо которой сейчас пролетаем? — спросила принцесса.

— Одиннадцать, ваше высочество.

Принцесса вздохнула.

— И мы ни на одной не остановимся?

Сэр Бидивир, который в своем белом атласном халате был больше похож на архиепископа, чем на рыцаря, улыбнулся:

— Когда-нибудь, когда земляне вернутся и помогут нам, мы устроим на этих планетах наши колонии. Но без их помощи нам этого не сделать.

— В таком случае, я не вижу смысла во владении всеми этими планетами. Зачем они нам?

— Это — символ могущества вашего благородного предка, принцессы.

— Но откуда мы знаем, что земляне имели право подать нам эти планеты? — упорствовала принцесса.

Сэр Бидивир перестал улыбаться.

— Джиневра, — сказал он с мягкой укоризной, — извините меня за прямоту, но земляне настолько превосходили нас, как... как вы превосходите Мерлина. Они были великими, добрыми и бесконечно мудрыми. И, как вы помните, они обещали вернуться. Мы хотим стать достойными их.

Хотя Джиневра поняла, что ее вопрос остался без ответа, она не стала настаивать на продолжении разговора.

Внизу, в машинном отделении, дежурил Мерлин. Он с благоговением осматривал всевозможные приборы, любовался миганием разноцветных лампочек и мягкой тряпичкой протирал все, что недостаточно блестело.

Мерлин был высоким молодым человеком и имел две главные цели в жизни. Во-первых, он хотел стать таким же настоящим инженером, как земной инженер. Второй целью, вполне естественной для молодого человека, была принцесса Джиневра.

Будучи очарован красотой машинного отделения, он не менее сильно был очарован красотой прелестной девушки. Но поскольку в данный момент принцесса находилась наверху, в капитанской рубке, а он внизу, в машинном отделении, то Мерлин вытащил из кармана куртки блестящую фотографию и стал ее с восторгом рассматривать.

На фотографии была изображена не принцесса Джиневра, а земная принцесса. Кинозвезда. При взгляде на прекрасную блондинку перехватывало дыхание. Ее одежда (на взгляд Мерлина довольно странная — она состояла из коротеньких штанишек и маленькой повязки на груди) только усиливала ее привлекательность. В Камелоте такую одежду назвали бы непристойной, но ведь это была земная девушка.

Возле прекрасных ног блондинки шла надпись: «Лола Милита». Хотя Мерлин не умел читать по-земному, он знал, как произносится это, имя и время от времени повторял его вслух.

Принцесса Джиневра не была похожа на эту экзотическую красавицу, но из всех девушек Камелота только принцесса могла бы сравниться красотой с Лолой Милитой.

Мерлин аккуратно спрятал фотографию в карман, протор тряпкой стойку, которая, на его взгляд, немного потускнела, и вздрогнул, когда неожиданно погас свет.

Он должен было это исправить. Не считая себя достойным высокого звания инженера, Мерлин знал, что в электропроводке разбирается хорошо.

Он проверил рубильник. Там все было в порядке. Значит, как всегда, дело в проводах. Внутренне Мерлин очень собой гордился. Он был уверен, что справится с поломкой.

Когда земляне подарили королю Камелота золотой космический корабль и маленький кораблик-спасатель, они, надо отдать им должное, выучили камелотских инженеров так, чтобы те смогли поддерживать в порядке всю технику. Но все это происходило больше ста лет тому назад. Основы этой науки для второго поколения так называемых инженеров стали магией, а для третьего и четвертого поколений — религией. Мерлин хорошо сдал экзамен на обращение с гаечным ключом и измерительными приборами, но ему было запрещено прикасаться к панелям. Это расценивалось как святотатство. Лишь несколько инженеров в Камелоте были в состоянии оживлять механизмы, вышедшие из строя.

Но неполадки по электрической части — это была стихия Мерлина.

Сначала он включил переговорное устройство и сказал:

— Докладывает инженер Мерлин. Повреждение на Зеленой линии. Повреждение на Зеленой линии. Необходимо разрешение на отключение Зеленой линии для устранения повреждения. Конец.

— Капитан слушает, — произнес мягкий голос Бидивира. — Разрешение выдано. Инженер, приступайте к работе.

Мерлин отключил Зеленую линию и начал искать поломку.

Выходя из машинного отделения, он прикоснулся к металлической пластинке, на которой было написано:

ЛЕДИ ИГРЕЙНА

Детройт, 2317

Корабль-разведчик и перевозчик,

393-я Земная торговая миссия

(лицензия № 393/ТН/7164)

Для Мерлина этот текст был непонятен. Но легенда гласила, что земные инженеры, обычно державшие в руках гаечный ключ и мягкую тряпичку, всегда протирали металлическую пластинку. На удачу.

У Мерлина было хорошее настроение. Сейчас он чувствовал себя настоящим инженером.

Провод, который он проверял, проходил через комнату леди Вивьен. Мерлин не знал, у себя ли она. Немного поколебавшись, он осторожно постучал в дверь.

— Кто там? — отозвалась леди Вивьен.

— Это я, Мерлин. Проверяю проводку.

— Входи, Мерлин, — раздался еле слышный голос.

Мерлин открыл дверь и остановился на пороге. В комнате было темно.

— Может быть, мне выйти... — смущенно произнес он.

— Входи, входи. Пожалуйста.

Мерлин зажег свою лампу — масляную лампу. В Камелоте никогда не было электрических батареек для ручных фонариков.

Когда теплый свет залил комнату, Мерлин чуть не выронил лампу из рук.

Леди Вивьен лежала на диване, с усмешкой глядя на инженера. Ее усмешка никого не могла удивить. По своему жизненному опыту леди Вивьен была старше принцессы лет на шесть. Она давно поняла, что если не посмеиваться над жизнью, то придется горько плакать.

Поразило Мерлина то, что, будучи одетой только в тончайшую прозрачную рубашечку, леди Вивьен позволила ему войти в ее каюту. Мерлин быстро отвел взгляд в сторону.

Вивьен засмеялась. В ее голосе было что-то очень волнующее. Мерлин, вспыхнув, опустился на колени перед панелью, за которой проходила Зеленая линия, и стал ее лихорадочно отвинчивать.

— Почему ты от меня отворачиваешься? — требовательно спросила Вивьен. — Неужели я так безобразна? Я чем-то тебя пугаю?

Мерлин поднял голову и увидел, что леди Вивьен оперлась на локоть, грудь ее почти обнажилась, а прозрачная рубашечка приоткрыла колени. Он подумал, что если бы она была совсем голой, то это бы не так возбуждало.

— Нет, — хрипло ответил он и еще ниже склонился над панелью.

Вивьен вздохнула.

— Мерлин, сколько тебе лет? — спросила она.

— Двадцать, — пробормотал инженер.

— Сэр Модред ведет себя, словно он моложе тебя, хотя ему уже сорок пять.

Мерлин понял бы Вивьен, если бы она принадлежала к его сословию, но невозможно было представить, что подобные намеки может делать благородная леди.

За все время путешествия принцесса не сказала Мерлину ни слова. Если ей от него что-нибудь требовалось, она говорила об этом сэру Бидивиру, и уже он передавал распоряжение инженеру. И это было в порядке вещей.

А леди Вивьен с самого начала вела себя так, будто они с инженером — ровня. Она нравилась Мерлину, но она не была такой, как Лола Милита или принцесса. Мер-

лином владели только два желания: он хотел быть настоящим инженером, и он хотел Джиневру.

Наконец Мерлин нашел повреждение и исправил его. Работа так много значила для него, что он совершенно забыл о леди Вивьен.

Но она довольно грубо напомнила ему о своем существовании.

— Что течет в твоих венах, масло? — спросила она.

В этот момент Мерлин как раз устанавливал панель на место.

— Если вы хотите сказать, что я — бедный инженер, то мне это прекрасно известно, — скромно сказал он.

Леди Вивьен тяжело вздохнула.

— Господи, помоги мне, — взмолилась она. — Мерлин, если бы ты прочел все отчеты землян, то нашел бы в них слабый, но заметный налет иронии. Все устройство Круглого Стола, все эти персонажи — Артур, Джиневра,

сэр Бидивир и прочие — все это розыгрыш. Когда они увидели наших раболепных предков, перенимающих все манеры землян, кланяющихся в пояс, целующих пол, где ступала нога землянина, они решили нас проучить. Отсюда этот золотой корабль и империя, состоящая из пустых,

бесплодных, бесполезных планет, которые были подарены прадедушке нашего короля.

Мерлин оторопел. Он не питал особой любви к королевской власти, тут леди Вивьен могла говорить все, что угодно. Но земляне были священны.

— Я хочу переодеться, — сказала леди Вивьен и позволила ночной рубашечке соскользнуть на пол.

Никто не пострадал, так как Мерлин немедленно погасил лампу.

— Да, так оно и есть, — зло сказала Вивьен в темноте. — Масло.

— Что это там? — спросила принцесса.

Зрение у нее было более острым, чем у сэра Бидивира, сэра Модреда и сэра Джирейнта. Они не сразу разглядели большую светящуюся искру, на которую она им указывала.

— Это одна из планет данной системы, ваше высочество, — сказал сэр Джирейнт.

— Давайте полетим туда, — предложила принцесса.

— Эта планета не принадлежит королю Артуру. Она принадлежит землянам. Думаю, это Сахара.

— Ну вот и навестим землян.

— Принцесса, вы не понимаете. В этой части галактики земляне не живут. Они живут дальше, значительно дальше. Они говорили, что отсюда невозможно увидеть

свет их звезды... Планету Сахара они сохранили для себя, но сейчас на ней нет ни одного землянина.

— А откуда вы это знаете?

— Если бы они здесь появились, то непременно навестили бы Камелот.

Принцесса была девушкой настойчивой, и почти всегда все ее желания удовлетворялись. Во дворце вокруг нее находились тысячи людей, которым можно было отдавать приказания. Здесь, в космосе, можно было приказывать только Мерлину, но он находился не на том уровне, чтобы с ним разговаривать.

— Если земляне там, на планете, — твердо сказала принцесса, — мы нанесем им визит. Если же их там нет, то никто не может воспрепятствовать нашему посещению. В любом случае, я хочу спуститься на эту планету.

В капитанскую рубку вплыла великолепная леди Вивьен. Ее голубое платье было расшито золотой нитью и колыхалось при каждом шаге на дюжине нижних юбок. За ней, как каботажное суденышко позади роскошной яхты, тащился Мерлин.

Джиневра резко обернулась к Вивьен.

— Леди Вивьен, — сказала она, — кто здесь отдает приказания, сэр Бидивир или я?

Вивьен вскинула брови.

— Чего вы пожелали, моя дорогая? Какой приказ вы хотите отдать?

Джиневра взмахнула рукой.

— Вон там — планета Сахара. И я хочу туда.

— Нам может не хватить топлива, — тихо возразил сэр Бидивир.

— Нет, у нас есть шестимесячный запас, а мы в космосе всего лишь три месяца.

— Принцесса, но зачем? Для чего нам спускаться на эту планету? — безнадежно вопрошал сэр Бидивир.

— Этого мы не узнаем до тех пор, пока не окажемся там, — ответила ему Джиневра.

— Слышали, что сказала принцесса? — забавляясь, сказала Вивьен. — Узнаем, когда окажемся на планете. Поехали!

Капитан капитулировал. Он действительно обязан был исполнять приказы принцессы. Бывало, что она уступала, но сейчас поддержка Вивьен сделала свое дело.

Мерлин с обожанием смотрел на Джиневру. Никогда прежде он не видел ее такой оживленной и радостной. Она была великолепна. Почти как Лола Милита.

Принцесса поймала его взгляд и впервые обратилась прямо к нему:

— А ты, тварь, не смей так на меня смотреть!

Мерлин вспыхнул. А леди Вивьен насмешливо усмехнулась.

Корабль «Леди Игрейна» спускался все ниже и ниже.

— Принцесса, — взмолился сэр Бидивир, — пожалуйста, объясните, зачем нам здесь приземляться? Мы никогда нигде, кроме Камелота, не приземлялись.

— Если здесь есть земляне, — ответила принцесса, — то я хочу их увидеть.

Принцессу несколько опьянило ее могущество. К своему удивлению, она быстро поняла, что если отдает приказ и настаивает на его выполнении, то ей повинуются. Ей повинуются даже в том случае, когда у нее нет достаточно серьезных аргументов.

Прежде она осознавала свою власть только над отцом. Впервые Джиневра решила проверить свою силу на других. Она не знала, что одурманивающее чувство власти будет разъедать ее изнутри, если ей не удастся с ним сопротивляться.

Леди Вивьен все понимала, но ей нравилось наблюдать за принцессой. Это ее забавляло. К тому же леди Вивьен не забыла сэра Ланселота, да и безнадежная страсть Мерлина к Джиневре не давала ей покоя.

— Нам известно, как приземляться на Камелот, — ворчал сэр Бидивир, — но мы ничего не знаем о приземлении на другие планеты. Необходимо сделать расчеты... провести некоторые исследования...

— Так остановитесь и проделайте все, что нужно, — капризно приказала принцесса.

— Ваше высочество, мы можем выйти на нужную орбиту, но мы не можем остановиться.

— А я говорю, остановитесь! Я не знаю, что значит двигаться по орбите, но я вам это запрещаю. Я приказываю остановиться!

Сэр Бидивир умоляюще посмотрел на леди Вивьен. Она поняла его намек. Принцесса в новом для нее деспотическом настроении погубит их всех, если оставить ее без ненавязчивого руководства.

— Дорогая, — мягко сказала Вивьен, — кораблем должен управлять капитан. Вы приказываете ему, что делать, но как это сделать, должен решить он сам.

— Ох! — Неожиданно Джиневра почувствовала себя маленькой, не уверенной в себе девочкой. — Ну, хорошо, идите по вашей орбите, если это так уж необходимо.

Со вздохом облегчения капитан кивнул сэру Модреду, сидевшему за штурвалом.

Две сотни лет поколения пилотов, управлявших кораблем «Леди Играйна», вели себя, как водители автомобилей, ничего не знающие о работе механизмов внутри своего автомобиля. Они не знали, что приземление на Камелот осуществляется под определенным углом, что движутся они по орбите в точном соответствии с массой корабля, массой планеты, глубиной атмосферы, скоростью вращения планеты и силой двигателей корабля. Они часто приземлялись на Камелот после путешествия к другим семнадцати планетам короля Артура и знали, как совершить посадку, но им было неведомо, почему это делается так, а не иначе.

Планета Сахара обладала меньшей массой и более разреженной атмосферой, чем Камелот. Сэр Модред, пытавшийся вывести корабль на орбиту, не знал даже, где находятся полюса этой планеты, какова скорость ее вращения вокруг оси и сила тяжести. Если бы корабль не имел практически неисчерпаемого запаса атомной энергии для работы двигателя, он бы совершенно вышел из-под контроля. В тот момент, когда исчезла искусственная сила тяжести и все путешественники неожиданно оказались на полу капитанской рубки, сэр Модред каким-то чудом сумел вывести

«Леди Играйну» на эксцентрическую орбиту, восстановив силу тяжести и правильное движение корабля.

Все, постанывая, поднялись с пола. Невредимой осталась только принцесса. Падая, Мерлин одной рукой ухватился за подпорку, а другой — удержал принцессу от падения.

Когда корабль вернулся к равномерному движению, испуганная принцесса зло закричала:

— Он посмел ко мне прикоснуться!

Перепуганные придворные посмотрели на Мерлина. Им повезло. Теперь можно было скрыть свой страх, обратив все внимание на проступок Мерлина.

— Наказать его? — спросил сэр Джирейнт.

— Я же хотел ее спасти! — возмутился Мерлин.

— Ох, я вовсе не имела в виду... — сказала принцесса.

— Надо его побить, — предложил сэр Модред.

— Право, не знаю, — сказал вежливый сэр Бидивир.

Леди Вивьен не сказала ничего.

И Мерлин, который мог бы на этом и уйти, поспешил сказать:

— Я лишь заботился о безопасности принцессы!

— Побейте его! — взвигнула принцесса.

И все принялись бить инженера. Сэр Джирейнт взял у капитана его трость и колотил Мерлина до тех пор, пока рубашка того не пропиталась кровью.

Конечно, эта экзекуция не разрешила основной проблемы. Принцесса по-прежнему настаивала на приземлении на планете, называемой Сахара. Четверо членов экипажа (Мерлин не считался), измученные горьким опытом недавнего падения, боялись повторения аварии. Избиение Мерлина очень плохо подействовало на принцессу. При первых же ударах она почувствовала дурноту и даже что-то, похожее на жалость. Но потом она взяла себя в руки и подумала: «Захочу — и сделаю то же самое когда угодно и с кем угодно. Могу приказать побить любого, кто мне не понравится. Могу побить сэра Бидивира, могу побить сэра Модреда, могу даже леди Вивьен побить...»

Король Артур допустил опаснейшую ошибку, отправляя свою прекрасную, впечатлительную дочку с ответственной миссией и наделив ее абсолютной властью.

— Мы приземляемся, — решительно приказала принцесса.

Три рыцаря делали все, что от них зависело. Они были хорошими пилотами, хорошими штурманами, но, к несчастью, в математике они были не сильны.

Мерлин молча стоял в углу капитанской рубки. Его спина и чувство собственного достоинства страдали от перенесенного унижения.

К нему бочком придинулась леди Вивьен.

— Ты все еще любишь ее? — прошептала она.

Мерлин уставился на нее, как на сумасшедшую.

— Я ее ненавижу... — прошипел он в ответ.

— И прекрасно, — сказала Вивьен. — Заметь, она — не единственная женщина на корабле.

Три рыцаря делали все от них зависящее... Но этого было явно недостаточно. Корабль «Леди Играйна» спускался так быстро, что казалось, будто они несутся в кипящем воздухе. Ярко-желтый цвет поверхности Сахары и голубой цвет неба стремительно смешивались, обраzuя серый вихрь. Сэр Модред, как безумный, сражался с силами, природа которых была ему неизвестна. Ему с трудом удавалось удержать искусственную силу тяжести. А корабль скрипел, скулил и рычал.

Находясь на высоте пятисот футов над крутящимся песком дюн Сахары, корабль неожиданно остановился и неподвижно повис. Мерлин глянул в иллюминатор и увидел вдалеке широкое темно-зеленое пятно. В этот момент корабль рухнул вниз и наполовину зарылся в песок.

Сэру Модреду не повезло. Он погиб при ударе корабля о поверхность планеты, но этим спас себя от больших не приятностей.

Мерлин, самый сильный из всех, очнулся первым. Принцесса крошечной кучкой тряпочек лежала в углу, светлые волосы полностью закрывали лицо. Капитан упал поверх леди Вивьен, что было не так уж и плохо (для него, конечно), сэра Джирейнта кинуло под стол.

Пока Мерлин, покачиваясь, стоял над лежащей принцессой, она отвела волосы с лица, повернулась к нему и невнятно пробормотала:

— Помоги мне подняться...

— Чёрта с два, — отказался Мерлин. — Вы, может быть, забыли, что было совсем недавно, а вот я все хорошо помню.

Леди Вивьен выбралась из-под сэра Бидивира.

— Вот ваши великие идеи, ваше высочество, — вздохнула она.

Друг за другом все поднялись на ноги. В отличие от сэра Модреда, кости их остались целы.

Многочисленные пробоины в корпусе корабля, который явно никогда больше не сможет взлететь, дали понять, что воздух на планете пригоден для дыхания.

Никто ничего не сказал о сэре Модреде. Его вынесли и похоронили в песке.

Корабль «Леди Играйна» тоже был мертв. Двигатель заглох. Огни погасли. Светло было только в капитанской рубке. Это яркий солнечный свет, отражаясь от желтого песка пустыни, попадал в иллюминатор.

Как обычно, Мерлину было приказано починить корабль. Он нашел свою масляную лампу и провел часа два, пытаясь что-то подкрутить гаечным ключом, почистив мягкой тряпочкой металлические поверхности и проверив проводку — единственный номер из его репертуара, где он мог достичь хоть какого-то успеха.

Ему удалось добиться того, что на корабле загорелись лампочки. Это удивило всех, да и его самого. Хорошо, что ему это удалось, иначе он оказался бы виноватым во всем. Но лампочки загорелись, и все убедились в том, что Мерлин — очень хороший инженер, и если уж он не смо-

жет починить корабль, то и никто не сможет. Исключая, конечно, землян.

За два часа работы у Мерлина было достаточно времени для размышлений, несмотря на те нереальные цели, которые он поставил перед собой. На самом деле Мерлин был большим реалистом, чем кто бы то ни было на этом корабле. Он совершенно отчетливо, сначала с удивлением, а потом и с торжеством, осознал, что, благодаря крушению, его положение может значительно измениться.

Остальные путешественники пока еще этого не понимали.

— Придется подождать здесь, пока нас не спасут, — сказал сэр Бидивир, — пока за нами не прилетит на корабле-спасателе сэр Ланселот.

— Ну, конечно, — согласилась принцесса. Она почти успокоилась. — Здесь не очень удобно, но уж ничего не поделаешь.

— Думаю, ожидание будет долгим, — задумчиво произнесла леди Вивьен, взглянув на Мерлина.

Мерлин глубоко вздохнул.

— Нас не спасут, — сказал он. — Никогда.

Все с изумлением уставились на него. Изумление вызвал тот факт, что инженер посмел высказать свое мнение по вопросу, никак не связанному с его работой.

Принцесса топнула ножкой.

— А ну-ка, побейте его, — закричала она.

Никто не шевельнулся.

— Объяснитесь, — резко потребовал сэр Джирейнт.

— Никто не ждет нас на Камелоте раньше, чем через семь недель. Значит, они начнут волноваться через два месяца, через три — корабль-спасатель выйдет нас искать. Сначала он посетит семнадцать планет короля Артура и, не увидев нас на орbitах, будет приземляться на каждой из них. Но никогда и никто не догадается приземлиться на Сахаре, куда мы не должны были попасть. Еды у нас хватит на три месяца, в лучшем случае, на пять при самом скучном рационе. Мы должны

понимать, что у нас нет шансов на спасение через пять месяцев.

Все молчали.

— Но здесь же принцесса! — воскликнул сэр Бидивир. — Никто не перестанет нас искать! Ни в коем случае! Они обследуют все планеты в этом секторе и случайно обнаружат Сахару.

— Возможно, — пожал плечами Мерлин. — Скажем, год на поиски среди Артуровых планет. Еще пять лет для поисков среди других планет этого сектора. Лет через десять корабль-спасатель прибудет сюда. Но только нас он уже не найдет. Посмотрите на все это... — И он показал на приближающиеся песчаные вихри.

«Леди Играйна» золотым пятном сверкала в безбрежном золотом океане.

Ликование не покидало Мерлина. Они оказались на далекой пустынной планете, и для всех это было ужасной трагедией, только для него — нет. Он больше выигрывал, чем терял.

Леди Вивьен тоже была реалисткой, и ей не понадобилось много времени, чтобы понять, что если придется прожить здесь десять лет, а может быть, и до конца их дней, то ни два старых рыцаря, ни две слабых женщины в лидеры не годятся.

Она подошла к Мерлину, сидевшему в тени корабля и скручивавшему из проволоки какое-то сооружение.

— Господи, как жарко! — вздохнула она.

— Здесь еще не так жарко, как внутри.

— Может быть, но я уже сварилась...

Мерлин поднял голову.

— На вас все еще надеты все ваши двенадцать нижних юбок?

— Нет, только одна. — Тон ее по-прежнему оставался насмешливым. — А принцесса не желает сдаваться. Она считает, что благопристойность от жары не зависит, поэтому, как настоящая леди, до сих пор остается в своих четырнадцати нижних юбках.

Мерлин ничего не ответил.

— Слушай, Мерлин, — сказала леди Вивьен, — я выкладываю карты на стол. Из всех нас ты — самый practicalnyy. Знай, что, если у тебя возникнут какие-нибудь идеи по поводу нашего выживания, я буду на твоей стороне. От сэра Бидивира ничего не дождешься.

Мерлин кивнул.

— Когда мы подлетали к планете, я увидел большое зеленое пятно за пустыней, — сказал он. — Значит, там есть вода. И значит, мы должны двигаться туда.

— Что, пешком? И оставить корабль?

Он покал плечами.

— Можно остаться здесь и погибнуть от жажды.

Вивьен посмотрела на горячие пески.

— Ты увидел растительность, когда мы были еще в воздухе. Но как ты сможешь отсюда определить направление? Тут все такое одинаковое...

— Я помню, как падала тень от корабля, и знаю, в каком направлении нам нужно идти. К тому же, у нас есть компас. Мы должны идти на северо-запад.

Вивьен села в тень рядом с Мерлином.

— Я не ошиблась. Ты самый разумный из всех нас.

— Я это знаю.

Его самоуверенность, а, главное, отсутствие интереса к ней сильно укололи леди Вивьен. Она согнула ногу в колене так, чтобы широкая юбка эффектно обтянула ее бедро.

— Мерлин, — ласково сказала Вивьен, — теперь я в твоей власти.

— Это пустяки, — ответил он. — А вот принцесса...

От злости Вивьен даже подпрыгнула.

— Да ты просто сумасшедший!

— Мне только нужно набраться терпения.

— Дурак! Она ведь даже не разговаривает с тобой.

— Ничего, заговорит!

Прошло два дня. Ничего не изменилось. Мерлин выжидал.

Принцесса по-прежнему обращалась к сэру Бидивиру, когда ей была нужна помощь Мерлина. Леди Вивьен не спускала с него глаз. Она рассказала о намерениях Мерлина, но сэр Бидивир сказал, что и думать нечего, чтобы оставить корабль. Здесь они в безопасности. Кроме того, как сэр Ланселот их найдет, если они уйдут от корабля? Да и как можно допустить, чтобы принцесса пошла наравне со всеми по этим обжигающим пескам?

Мерлин выжидал. Он хотел, чтобы его спутники избавились от привычных взглядов на мир, чтобы всем стало ясно, что сэр Бидивир не способен быть их лидером, что принцесса потеряла свое положение и теперь она — просто избалованный подросток, который своей глупостью и эгоизмом поставил их перед лицом смерти.

Но Мерлин никак не мог себя заставить объяснить истинное положение вещей своим спутникам.

На третий день вечером Мерлин все-таки приступил к активным действиям.

— Пора двигаться в путь, — сказал он неожиданно для всех.

— Никто не интересовался вашим мнением, — холодно ответил сэр Джирейнт.

— Я не собираюсь ничего обсуждать. Я сказал, что мы уходим.

Леди Вивьен потянулась.

— Он прав. Если на северо-западе расположена зеленая страна, то нам надо до нее добраться.

— Не стоит торопиться, — вяло возразил сэр Бидивир.

— Если вы рассчитываете найти землян, то искать их надо не в пустыне, — настаивал Мерлин.

— Так-то оно так, — согласился сэр Бидивир, — но принцесса, вероятно, не сможет...

— Мы пойдем ночью, когда станет холодно. Уходим сегодня.

Принцесса поднялась и посмотрела Мерлину прямо в лицо. Она заговорила с ним в третий раз в жизни.

— Кажется, ты забыл, кто ты такой. Это я отдаю приказы.

— Ничего подобного. Больше ты приказов не отдаешь, — сказал Мерлин, понимая, что если он сейчас отступит, то потом будет еще труднее поставить ее на место. — Мало того, что ты убила сэра Модреда? Ты хочешь убить и всех нас?

Принцесса капризно вздернула голову.

А Мерлин продолжал наступление.

— Кстати, нельзя отправляться в пустыню в таком виде, — сказал он и двинулся к принцессе.

— Не смей ко мне прикасаться! — взвизгнула Джиневра. — Вивьен! Сэр Бидивир!

Леди Вивьен не пошевельнулась. Она с интересом наблюдала за действиями Мерлина.

Принцесса попыталась убежать, но не успела. Мерлин схватил ее за плечо и рванул юбку платья. Ударом левой руки послал сэра Джирейнта в нокаут. Сэру Бидивиру хватило легкого толчка. Джиневра визжала, глядя, как ее бесчисленные нижние юбки веером разлетаются по песку.

Сэр Джирейнт поднялся на ноги и снова попытался толкнуть Мерлина, но, налетев на кулак инженера, растянулся на песке.

Взвился в воздух лиф платья принцессы. Она сражалась, как тигр, которого никогда не учили сражаться. Она задыхалась от слез ярости и стыда. Мерлин отпустил ее, и Джиневра, оставшись в тонкой белой сорочке и белых панталончиках, похожая на обычную симпатичную школьницу, кинулась подбирать разбросанную по песку одежду.

— Нет, не трогайте, — сказал Мерлин, оттолкнув ее. — Мне это понадобится.

Он уселся рядом с Вивьен и начал обрамчивать кусочками белого шелка проволочный каркас, который приготовил заранее.

— Это будет шлем для защиты от солнца. Вам сделать такой же? — обратился он к Вивьен. — Или сами сможете сделать?

— Вы начните, а я вам помогу, — радостно сказала Вивьен. — В этой жаре цена благопристойности слишком высока.

Принцесса горько плакала. Оба рыцаря молча потирали синяки и злобно поглядывали на Мерлина.

— Шорты, — скомандовал он. — Шорты, рубашки и крепкие ботинки. Самые крепкие, какие только у вас есть.

— Вы напали на принцессу, — прошептал сэр Бидивир.

— Ничего с ней не случилось.

— У меня такое чувство, будто меня изнасиловали, — простонала Джиневра.

— Погоди, — сказал Мерлин. — Все еще впереди.

Сэр Джирейнт решил убить Мерлина, но леди Вивьен предупредила инженера, и он выбил нож из рук рыцаря.

— Да поймите же вы, — мрачно сказал Мерлин. — Без меня вы пропадете. Представьте себе, что здесь есть дикие звери. Вы сможете справиться с тигром, а, Джирейнт?

— А вы справитесь? — усмехнулась Вивьен.

— Лучше, чем кто-либо из вас, — ответил Мерлин.

Кончился жаркий день, который на Сахаре, где в сутках было девятнадцать часов, был на три часа короче холодной ночи. Благодаря ночной прохладе, путники прошли довольно большое расстояние, несмотря на то, что все, включая и принцессу, несли поклажу. Сила тяжести была небольшой, и поклажа не казалась слишком обременительной.

Впереди с компасом в руках шел сэр Бидивир, за ним леди Вивьен, сэр Джирейнт и Джиневра. Мерлин шел последним. Похоже, спутники признали его правоту.

Принцесса, продолжавшая злиться на Мерлина, все же отметила, что небеса не разверзлись из-за того, что с нее сняли платье, и что ей гораздо удобнее шагать полу-

обнаженной, чем в благопристойном дворцовом туалете. Она даже слегка завидовала леди Вивьен, одетой лишь в тоненькую рубашечку.

Они шли уже несколько часов. Никто не хотел первым признаваться в усталости. Похоже, что все, кроме леди Вивьен, побаивались Мерлина.

Когда путники добрались до груды огромных камней, Мерлин позволил сделать привал. Леди Вивьен принялась распаковывать провизию, и Мерлин сказал:

— Вам поможет Джиневра.

Принцесса фыркнула.

— Если леди Вивьен нужна помощь, — тихо сказал сэр Бидивир, — я готов ей помочь.

Мерлин внимательно посмотрел на старого рыцаря, который все время перехода был впереди, выбирал лучший путь. Сейчас его лицо посерело от усталости.

— Отдохни, старик, — грубо сказал Мерлин. — Ты достаточно потрудился.

— Я помогу леди Вивьен, — вызвался сэр Джирейнт.

— Нет, — отрезал Мерлин. — Мы с вами пойдем искать укрытие от завтрашней жары.

Леди Вивьен открыла было рот, чтобы сказать, что помочь принцессы ей не нужна, но потом решила промолчать. Она поняла, что теперь командует Мерлин и не нужно ему перечить.

Всех удивила принцесса.

— Я помогу тебе искать место для убежища.

Джиневра вызвалась идти с Мерлином только потому, что не пристало принцессам готовить пищу, как простым кухаркам. Но как только инженер согласился, ей стало страшно. Ведь она оставалась один на один со своим обидчиком и без защиты придворных.

— Пошли, — коротко приказал Мерлин, и она, вздернув голову и расправив плечи, двинулась за ним.

Вскарабкавшись по груде камней, Мерлин и принцесса добрались до скалы. Несмотря на то, что с ночного неба

светили две луны, тени от камней были черными, как вакса. Надо было двигаться очень осторожно.

Мерлин увидел расщелину в скале, которая показалась ему подходящей для убежища.

— Похоже, она идет вниз футов на десять, — сказал он. — Давайте мне руки, я опущу вас вниз, чтобы вы встали на дно.

Джиневра вздрогнула.

— А если там больше десяти футов?

— Ну, тогда я вас вытащу.

— Но...

Джиневра ужасно испугалась. А вдруг она сломает ногу? Или упадет в глубокую яму и никогда не сможет оттуда выбраться? Или Мерлин нарочно хочет затащить ее в пещеру, откуда никто не услышит, как она будет кричать?

— Испугались? — спросил Мерлин.

В его голосе прозвучала насмешка, возымевшая должностное действие. Принцесса протянула ему руки.

Мерлин осторожно опускал Джиневру вниз. Ее лицо почти коснулось его лица. Сила Мерлина одновременно и пугала и успокаивала принцессу.

— Я чувствую что-то под ногами, — проговорила она. — Вот! Я стою на мягкем песке.

— Тогда я спускаюсь к вам, — сказал Мерлин и спрыгнул в расщелину.

Джиневра отшатнулась от него, в ожидании того, что может произойти, и он почувствовал ее ужас.

Три огромных камня образовывали пещеру с плотным песчаным дном. Именно это и было нужно путникам. Тут прекрасно можно было провести остаток ночи и следующий жаркий день.

Не глядя на испуганную, скавшуюся в комочек Джиневру, Мерлин ухватился за край расщелины, подтянулся и выбрался наверх.

— Не бросай меня! — взвизгнула принцесса.

Он протянул руки и легко вытащил ее из ямы.

На обратном пути, как только принцесса успокоилась, она тут же разозлилась на Мерлина. Она больше не бо-

ялась его. Но как женщина Джиневра была уязвлена. Точно так же он вел бы себя, если бы на ее месте был какой-нибудь мальчишка.

Вечером путники подошли к реке. Вода медленно текла между глыбами слежавшегося песка.

— Пойдемте вдоль реки, — предложил сэр Бидивир.

— Нет, мы должны ее перейти, — возразил Мерлин. — Она пересекает наш путь к зеленой стране.

— Невозможно, — настаивал Бидивир. — Принцесса... И к тому же я не умею плавать, — извиняясь, признался он.

— А я переплычу, — сказала леди Вивьен.

— Вивьен, вы идете с сэром Джирейнтом, — приказал Мерлин. — Я возьму на себя Бидивира, а потом вернусь за принцессой. А после этого мы с вами перенесем наши вещи.

— Ничего не выйдет, — заявила принцесса. — Я не поплыву.

— Вы что, не умеете плавать?

— Ну, не могу... не могу... — тихонько сказала она.

— Никаких «не могу»! Вы должны... Я переведу вас первой. И не заметите, как окажетесь на том берегу, — твердо сказал Мерлин.

— Бесполезно, — упрямилась принцесса. — Я не двинусь с этого места.

Мерлин подхватил ее на руки. Джиневра завизжала и принялась вырываться. Сэр Джирейнт кинулся к Мерлину, но его удержала Вивьен.

— Не мешайте ему, — сказала она. — Мерлин прав, нам надо переправиться через реку.

— Но принцесса...

Мерлин опустил Джиневру на землю.

— Если вы будете сопротивляться, у меня ничего не получится.

— Это невозможно, — захныкала она.

Мерлин легонько шлепнул ее, и от этого шлепка она осела, как пустой мешок. Не обращая внимания на него-

дующие возгласы рыцарей, Мерлин снова поднял Джиневру и вошел с ней в воду.

Поскольку принцесса была без сознания, ему легко удалось переплыть реку. Но как только они оказались на берегу, его ноша тут же начала размахивать руками и дергать ногами.

— А если я снова тебя отшлепаю? — пригрозил Мерлин.

Принцесса тут же прекратила сопротивление.

С противоположного берега донесся радостный крик. Увидев, что принцесса доставлена в целости и сохранности, сэр Бидивир воспрыял духом.

Мерлин посмотрел на Джиневру. Мокрая одежда прилипла к ее телу, как кожура к яблоку. У нее была маленькая грудь девственницы. Мерлин заставил себя отвести глаза.

Все остальные переправились через реку без происшествий. Чуть задыхаясь, сэр Бидивир благодариł Мерлина, который помог старому рыцарю справиться с течением.

— Не стоит благодарности, мне было совсем не трудно, — ответил инженер.

Переправа через реку окончательно утвердила власть Мерлина. Все члены группы и даже Джиневра поняли, что впереди их ждет еще немало испытаний, где Мерлин будет незаменим.

На рассвете после двух ночных переходов путники увидели впереди зеленую страну.

Пока они шли по сухой и бесплодной пустыне, уверенность в том, что на Сахаре есть земляне, испарилась. Но теперь, увидев бескрайние зеленые просторы, у путников появилась надежда на встречу с людьми. В пустыне была смерть, в лесу — жизнь.

Сначала на скалистой почве появились сухие кусты. Затем заколосились травы. И неожиданно путешественники оказались в джунглях.

Хоть там и не росли знакомые деревья и растения, но и ничего необычного в лесу не было. У деревьев были вет-

ви и листья. В траве росли неизвестные, но красивые цветы. Правда, они не заметили ни зверей, ни насекомых. Это означало, что в джунглях им не найти мяса, но зато и опасности такой лес не представлял.

Идти стало трудно, потому что постоянно приходилось сражаться с лианами, програждавшими путь.

— Смотрите! — внезапно крикнула леди Вивьен. — Здесь есть земляне!

Сквозь листву деревьев все увидели высокую металлическую мачту, явно творение человеческих рук. Путники остановились, ошеломленные этим зрелищем, а сэр Джирейнт, как безумный, кинулся к мачте сквозь густые заросли, оставляя на острых шипах клочки одежды.

— Подождите нас! — крикнул Мерлин.

Путь к мачте оказался долгим. Вблизи стало видно, что мачта укреплена на высоком бетонном постаменте.

— Прежде чем мы двинемся дальше, — сказал сэр Джирейнт, — все должны вспомнить, что главой нашей группы является сэр Бидивир.

— Какие же в этом могут быть сомнения, когда теперь мы можем обойтись и без Мерлина, — с усмешкой сказала леди Вивьен.

Принцесса встряхнулась, как бы освобождаясь от дурного сна.

— Разумеется, — сказала она.

Сэр Бидивир смущенно посмотрел на Мерлина, вспомниая, как тот тащил его, беспомощного, через реку.

Мерлин ничего не сказал, хотя чувства его были уязвлены.

Но леди Вивьен не успокоилась.

— Ну и что? Вы решили, что если нам помогут земляне, то Мерлина надо поставить на место? А вы не подумали о том, что если бы сэр Бидивир остался нашим предводителем, то мы до сих пор сидели бы в пустынне, ожидая спасения... или смерти? Не подумали о том, что если бы мы послушались Бидивира и пошли вдоль реки, то погибли бы на этом пути?

— Мы благодарны Мерлину, — тихо сказал сэр Бидивир. — И будем благодарны ему до конца наших дней. И мне, и принцессе он спас жизнь.

Джиневра резко вскинула голову.

— Глупости! — сказала она. — Мерлин — грубиян, он ужасно себя вел, он меня напугал, он меня удариł и...

— А ну-ка, заткнись! — крикнула леди Вивьен.

Продравшись сквозь последнюю линию кустов, путники уперлись в бетонную стену.

И тут леди Вивьен начала истерически хохотать. Все озадаченно уставились на нее.

— Вам было бы лучше помалкивать, сэр Джирейнт, — сквозь хохот сказала Вивьен. — Здесь царствуют джунгли, а не земляне. Посмотрите, какая старая эта стена. Земляне построили ее и давным-давно ушли отсюда. Прекрасно, сэр Бидивир, отдавайте же ваши приказания.

Мерлин не сказал ни слова, он молча шел вперед. Если они когда-нибудь вернутся на Камелот, он снова станет никем.

Унылые путники обошли бетонный блок уже с трех сторон. Завернув за последний угол, принцесса вскрикнула:

— Корабль! Мы улетим на Камелот!

— Возможно, — скептически заметила Вивьен. — Если догадаемся, как проникнуть на этот корабль.

Перед ними стоял большой корабль, гораздо больше, чем «Леди Играйна». Похоже, что именно на нем земляне улетели с Камелота в прошлом веке. Но выглядел он еще старше. Его корпус деформировался от ветров, дождей и ползучих растений. Входной люк был закрыт. При виде покореженного, выцветшего металла обшивки надежды на возвращение на Камелот тихонько улетучились.

Мерлин первый увидел дверь в четвертой стене бетонного блока, массивную дубовую дверь, казавшуюся не менее прочной, чем бетон.

— Вам не удастся ее открыть, — с вызовом сказала принцесса.

Все ждали, что же скажет сэр Бидивир. Или Мерлин? Мерлин молчал.

Тогда сэр Бидивир откашлялся и сказал:

— Ясно, что здесь никого нет. А поскольку мы не встретили никаких животных и не нашли на деревьях никаких плодов, то, как только кончатся наши запасы еды, мы умрем голодной смертью. Делать нечего, придется возвращаться к нашему кораблю.

— Как хотите, — сказал Мерлин. — Можете возвращаться. Я останусь здесь.

— Я тоже остаюсь, — присоединилась к нему Вивьен.

Без помощи Вивьен и Мерлина речку не переплыть. И даже сэр Джирейнт подумал, что ему не стоило нарушать статус кво.

— Прощайте, — сказал Мерлин и вернулся к изучению двери.

— Вы же знаете, что без вас нам не переплыть реку, — возмутился сэр Джирейнт. — Неужели ваши обязанности в отношении принцессы ничего для вас не значит?

— Здесь нет никакой принцессы, — не оглядываясь, ответил Мерлин. — Джиневра — самая обыкновенная девушка.

Никто не возразил.

Мерлин обернулся и посмотрел им в глаза.

— Полчаса назад вы решили, что я вам больше не нужен. Мне снова указали мое место. Только Вивьен была на моей стороне.

Бидивир покраснел.

— Я сказал, что мы тебе благодарны.

— Благодарю вас за вашу благодарность.

— Хватит, Мерлин, — вмешалась Вивьен. — Все всё понимают и сожалеют о том, что произошло. Скажи, что нам делать.

Мерлин колебался. Он посмотрел на принцессу. Обнаженные руки и ноги Джиневры загорели, она стала крепче и стройнее, чем была прежде, ее грудь казалась боль-

ше, а живот мускулистей. Теперь она стала в двадцать раз более желанной, чем в начале путешествия.

Джиневра почувствовала его взгляд, вспыхнула и потянула рубашечку вниз, чтобы прикрыть щелочку между рубашкой и панталонами. Но как только она отпустила руку, рубашечка снова поползла вверх, и в щелочке засверкала белизна незагорелого живота.

Мерлин все еще злился. Конечно, надо было вернуться назад и перевести всех через реку, а самому вернуться к бетонному блоку. Но была одна причина, по которой он не мог этого сделать. Он не мог остаться с Вивьен. Он хотел Джиневру.

— Ну, ладно, — наконец сказал Мерлин. — Если мы хотим жить, нам все-таки придется поискать здесь какую-нибудь еду. В отличие от вас, сэр Бидивир, я видел и ягоды, и орехи. Пойдите и соберите все, что найдете, по одному экземпляру. Попробуем и посмотрим — удастся ли после этого остаться в живых.

Он усмехнулся и поглядел на принцессу, давая ей понять, что и не думает исключать ее из эксперимента.

— Джирейнт, — продолжал Мерлин, — нам нужна вода. Поишите поблизости ручей или озерцо. Вивьен, я хочу войти в здание. Поскольку нам нечем взломать дверь, ее нужно будет поджечь. Пойдите, наберите в лесу хворост.

Вивьен поняла, что Мерлин хочет остаться с принцессой наедине, пожала плечами и вздохнула. Лошадь можно подвести к воде, но нельзя заставить ее пить. Вивьен подвела Мерлина к воде, когда он был еще самым ничтожным членом экипажа. В то время для нее унижением было даже просто разговаривать с ним. Если он не стал пить воду тогда, то вряд ли станет делать это теперь, особенно если надеется выпить вина.

Когда все разошлись исполнять приказы, Мерлин сказал:

— А теперь я собираюсь уладить одну проблему.

Он схватил Джиневру за плечи и, не обращая внимания

ние на ее учащенное дыхание, привлек к себе. Его руки, скользнув по спине принцессы, сомкнулись на ее талии.

Джиневра не сопротивлялась, но как будто окаменела, и Мерлин, вздохнув, отпустил ее.

— Ну что ж, — сказал он. — Вы решили возвращаться к «Леди Играйне» с рыцарями?

— Ты же знаешь, что я не могу...

— А если я переправлю вас через реку?

— Мы там умрем. И тебе это известно.

— Значит, ты остаешься здесь потому, что я не так ужасен, как смерть?

— Не думаю, что ты решишься...

— Нет, ты знаешь, что я могу решиться... Я ведь — тварь, скотина. Но и ты больше не принцесса.

Мерлин подошел к двери и начал складывать возле нее валявшиеся рядом сучья. Из леса вышла Вивьен с охапкой хвороста. Она внимательно посмотрела на Мерлина, потом на Джиневру, которая неподвижно стояла на том же месте, но ничего не сказала.

Костер быстро разгорелся, и дверь запылала. Минут через десять Мерлин мог бы уже войти внутрь, но поостерегся из-за искр.

Вернулись Бидивир и Джирейнт. Бидивир принес целую коллекцию плодов, ягод и орехов, выглядевших весьма неаппетитно. А Джирейнт доложил, что нашел маленькое озерцо, в которое впадал чистый ручей, всего лишь в ста ярдах от этого места.

— Прежде чем есть дары здешней природы, бросим жребий, кто будет первым, — сказал Мерлин. — Но сначала я хочу войти в это здание.

Он толкнул почти сгоревшую дверь и без труда очутился внутри.

Мерлин попал в пустую, явно нежилую комнату, где не было мебели, но стоял какой-то механизм, возле которого были выгорожены два отсека.

Через открытую дверь одного из них было видно, что в отсеке ничего нет.

Мерлин задумчиво смотрел на механизм. Он с грустью понял, что хоть и назывался инженером, но никогда им не был. Ему ведь не разрешалось смотреть, как устроены двигатели изнутри. А здесь на поверхности аппарата не было ни пылинки, так что даже и протереть было нечего.

— Ничего не трогайте! — закричал он на сэра Бидивира, когда тот протянул к механизму руку.

Старый рыцарь отскочил назад и обиженно посмотрел на Мерлина.

— Вы понимаете, почему здесь оставлен корабль, — взволнованно сказал Мерлин. — Земляне прибыли на нем сюда...

— Но где же их тела? — перебил его Бидивир.

— ...и оставили его гнить, потому что не могли взять с собой!

— Ты хочешь сказать, что земляне как-то ушли из этой комнаты? — спросила Вивьен. — Это безумие! Они где-то здесь.

Вивьен отворила дверь второго отсека, но он тоже был пуст.

— У них была вещь, которая называется «радио». Она может передавать звуки без проводов. Похоже, здесь передавались не только звуки.

Мерлин понимал, что его можно принять за сумасшедшего, но ему было все равно. Ему не терпелось остаться в этой комнате одному, и он придумывал, чем бы всех занять.

— Надо расчистить площадку вокруг станции, — сказал он. — Вырежьте кусты. Только не жгите их. Уходите отсюда, поживее. Шевелитесь, шевелитесь!

Хоть Мерлин и осознавал свое невежество, он все-таки понимал, что скорее, чем кто бы то ни было другой, догается, как обращаться с этим механизмом.

То, что машина выглядела как новенькая, а наверху горели какие-то огоньки, позволяло надеяться на ее оживление. Здесь еще оставалась энергия, много энергии.

Зачем же земляне тратили годы на путешествие в огромных кораблях, если у них было какое-то волшеб-

ство, позволяющее перемещаться иным способом? И чтобы обнаружить этот способ, надо оживить механизм.

На пульте управления Мерлин увидел какие-то диски и приборы. Конечно, он не умел читать по-земному, но кое-что показалось ему знакомым. Например, шкала от 0 до 10, выключатели и кнопки. А также главный рукоятник, точно такой же, как на «Леди Играйне». Судя по его положению, сейчас все было выключено. А собирались ли возвращаться ушедшие земляне? Скорее всего, собирались, иначе зачем им было оставлять станцию в таком порядке.

А эти два отсека? Для прихода и ухода? И для того, чтобы здесь кто-нибудь появился, надо всего лишь включить механизм?

Мерлин решил немедленно обследовать корабль. А сначала нужно найти ключ от входного люка. Внимательно оглядев помещение, Мерлин заметил ключ, висевший на крючке. Он выскоцил из помещения станции и кинулся к кораблю. Через несколько секунд люк был открыт.

Спертый воздух ударил Мерлину в нос. Он попятился. Этот воздух жил в корабле сотню лет.

Когда воздух в переходном отсеке немного очистился, Мерлин открыл вторую, внутреннюю дверь. И снова отступил от вырвавшегося изнутри смрада. Похоже, в корабле был мертвый землянин и, возможно, не один.

— Ну что, теперь мы сможем вернуться на Камелот? — нетерпеливо спросила принцесса.

Мерлин с удивлением посмотрел на нее. Он совсем забыл и о Камелоте, и о принцессе.

— Не знаю, не знаю, — ответил он. — В этом случае сэр Бидивир снова становится боссом?

Мерлин понял, что принцесса серьезно обдумывает ответ на его вопрос, и вспыхнул от злости. Впервые он спросил себя, можно ли любить Джиневру? Конечно, он ее хотел и задумывал овладеть ею, но разве возможно

любить девушку, которая не знает, что такое преданность и благодарность?

Через несколько минут все узнали, что на этом корабле улететь нельзя. В нем не было энергии.

Мерлин подумал, что можно прятануть провода от станции к кораблю. Но дело оставалось за малым — не было проводов, и, к тому же, никто не знал, где источник энергии, питающий станцию. Обойдя огромный корабль с лучиной в руке, Мерлин нашел несколько разложившихся куч, которые когда-то были землянами. Быть может, они погибли, отведав местных плодов?

Мерлин вернулся на станцию. Глубоко вдохнув, он включил главный рубильник.

Замигали огоньки, раздалось негромкое гудение. Больше ничего не произошло. Крутились диски, что-то пощелкивало, но все это ничего не объясняло Мерлину.

Он выключил рубильник, положил по веточке в каждый отсек и снова включил механизм в надежде, что произойдет чудо. Выждав несколько минут, Мерлин проверил отсеки. Веточки лежали на месте. Он был разочарован.

Мерлин понимал, что для запуска станции нужен специалист. Ну а если допустить, что для работы этой станции нужна работа такой же станции на Земле? Что случится, если он оставит свой механизм включенным и кто-нибудь на Земле включит свой?

Размышляя так, Мерлин огляделся и увидел лист бумаги и карандаш. Он не умел ни писать, ни читать по-земному, но важно было дать понять, что он принадлежит к расе разумных существ. И он, написав свое имя, вынул фотографию Лолы Милиты и скопировал земные буквы: ЛОЛА МИЛИТА. Заготовив два одинаковых послания, Мерлин положил их в оба отсека, включил главный рубильник и вышел из помещения станции.

Мерлин решил, что этой ночью он и Джиневра будут заняты важным делом. Ждать больше было нельзя. Она

явно не собиралась в него влюбляться, значит, должна была сдаться, признавая его силу.

Но добротель Джиневры была спасена очень жестоким способом.

По жребию она оказалась первой, кому пришлось попробовать плоды Сахары. Принцесса откусила от пухлого розового шара только кусочек и сказала, что ей понравился его вкус. Она хотела откусить еще и ужасно рассердилась, когда Мерлин выхватил шар из ее рук. Сам он попробовал один из орехов, Вивьен — красный виноград, Джирейнт отведал какой-то зеленый фрукт, и только Бидивир для контроля не ел ничего.

Вечером они поужинали чем-то из остатков своей пророчества, и были недовольны тем, что Мерлин не разрешает им полакомиться местными фруктами.

Мерлин перед сном еще раз зашел на станцию и заглянул в отсеки. Листки бумаги лежали там, где он их и положил. Он решил, что будет ночевать с Джиневрой на станции, но когда вышел наружу, то обнаружил, что принцесса корчится в конвульсиях. Все сутились вокруг нее и не знали, что предпринять. Мерлин тоже не знал, что делать. Наверное, помогло бы рвотное лекарство, но где же его взять... Мерлина поразило выражение облегчения, появившееся на лице Джиневры, когда он склонился над ней. Значит, она верила в то, что он может ей помочь.

— Воды! — закричал Мерлин. — Дайте ей как можно больше воды!

Он не знал, поможет ли это, но больше ничего придумать не мог.

Неожиданно Мерлин вспомнил, что при конвульсиях очень важно заставить человека дышать. Он быстро перевернул Джиневру на живот и, опустившись рядом с ней на колени, стал ритмично нажимать ей на лопатки.

Через некоторое время стало ясно, что опасность миновала, хотя Джиневра все еще была очень слаба и бледна.

— Ты пытался меня остановить, — первое, что она произнесла тихим голосом.

Мерлин понял, что впервые в жизни принцесса поблагодарила его.

Этой ночью все долго не спали.

Утром принцесса была бледна, но дышала ровно. Мерлин отправился на станцию.

Оба листика бумаги лежали в левом отсеке. В правом же было пусто. Мерлин разозлился. Бидивир или Джирейнт, наверное, заходили на станцию! Но тут он разглядел, что одна из бумажек была голубого цвета. Он схватил ее и увидел, что на ней что-то написано по-земному.

«Ради всего святого, что это вы мне передали? Кто такая ЛОЛА МИЛИТА? Ваше послание — это смесь китайских иероглифов с русскими буквами. Где вы? Коэффициент мощности подразумевает расстояние в световой год, но так же, как и я, вы прекрасно знаете, что расстояние не указывает направления. Если вы хотели меня разыграть, то поставьте себе высший балл. Вы выиграли! Только скажите мне, кто вы, что вы и где вы? Ведь вы не можете быть существом другой расы? Извините меня за непоследовательность. Я взволнован!»

Джек Хелмсдейл».

Мерлин тоже был взволнован, хотя ничего и не понял, кроме слов «ЛОЛА МИЛИТА», да и они были написаны как-то странно.

Мерлин нахмурился. Как объяснить, что он не понимает послания? Картинка! Но что нарисовать? Что там могли бы понять? В конце концов он нарисовал маленькую планету в углу листа и написал там свое имя и слово «Камелот». В противоположном углу он нарисовал другую планету, соединил их пунктирной линией и отправил по этой линии космический корабль. Еще он нарисовал на другой планете белый кубик с высокой мачтой наверху.

Мерлин положил голубой лист на пол правого отсека, включил механизм и вышел.

К этому моменту все, кроме принцессы, были уже на ногах. Мерлин решил пока не рассказывать о том, что произошло. Ему бы все равно не поверили, даже если бы он показал им записку от Джека Хелмсдейла.

Мерлин с нежностью посмотрел на принцессу, но не испытал прежних чувств. Джиневра теперь была ему не интересна. По крайней мере в этот момент.

Он собирался стать инженером. Как землянин.

Вскрикнула Вивьен.

В дверном проеме стоял Джек Хелмсдейл.

Нельзя сказать, что их испугала его внешность. Нет. Это был нормальный молодой человек приятной наружности. Он уже снял свой шлем, видимо, был уверен, что здешний воздух пригоден для дыхания.

— Господи! — воскликнул он, оглядываясь по сторонам.

Мерлин подошел к нему и протянул руку так, как это делали земляне.

— Подождите, сниму скафандр, — сказал Джек. — Чудак, что же ты не предупредил меня, что здесь тропики?

Слова были непонятны, но тон казался вполне дружелюбным.

Хелмсдейл разглядывал станцию, корабль, джунгли, пятерых камелотцев и пытался разобраться во всем этом.

Станция и корабль явно имели земное происхождение и были очень старыми. Увидев передающее устройство, он удивился, что добрался сюда живым и невредимым. Надо предупредить Френсис, чтобы она проделала все очень тщательно и была очень осторожна.

Эти пятеро несомненно были гуманоидами, но не землянами. Интересно... Они прибыли сюда на этом корабле? Надо его получше рассмотреть. Хотя не похоже... Значит, у них был свой космический корабль, но, судя по их одежде, в это трудно поверить. Впрочем, какая другая одежда может подойти для тропического климата?

Не было смысла задавать себе вопросы, на которые пока не было ответа.

— Мерлин, — сказал Мерлин. — А это Вивьен, Бидивир, Джирейнт, Джиневра.

— Джек, — вздохнул Джек. — Подумать только! После всех тысячелетий цивилизации можно было бы сделать что-нибудь более остроумное, чем тыкать себя в грудь и называть свое... Что ты сказал?!

— Мерлин. Вивьен. Бидивир. Джирейнт. Джиневра.

— А где же король Артур? — озадаченно спросил Джек. Мерлин указал на небо.

— Камелот, — сказал он.

— О, Господи! — снова воскликнул Джек.

Он глянул на Вивьен и присвистнул. Дамочка была вполне в его вкусе.

Джек понял, что если хочет продвинуться вперед, необходимо преодолеть языковой барьер. С обычной самоуверенностью землян он решил, что ему быстрее удастся овладеть языком этой странной пятерки, чем наоборот.

Он показал на них, потом на небо.

— Камелот?

Мерлин кивнул.

— Сколько вас на Камелоте?

Этот вопрос пришлось выяснить довольно долго.

Мерлин позвал Джека на станцию и с помощью цифр на дисках обозначил цифру.

— Сто семьдесят миллионов?! — поразился Джек. — Братец, я — твой! Сто семьдесят миллионов! Сто семьдесят миллионов новых лиц... Мерлин, я тебя люблю!

Еще один вопрос интересовал Джека.

— Лола Милита? — спросил он.

Мерлин вытащил из кармана фотографию и протянул Джеку.

Джек усмехнулся: открытка 2325, модель прически «Лола Милита».

Постепенно все прояснилось. Сто лет назад земная торговая миссия нашла планету и какой-то шутник назвал

ее Камелотом. Земляне, как обычно, расположились, засеяли почву и улетели, оставив корабль-спасатель. Урожай должны быть собрать восемьдесят лет назад, но по какой-то причине он не был собран.

Почему?

Джек решил не тратить время на размышления. В данный момент ответ на этот вопрос не имел никакого значения. Значение имело лишь то, что не так далеко находилась планета со ста семьюдесятью миллионами гуманоидов и все они были в кармане у Джека Хелмсдейла.

Джек отправил Френсис послание с просьбой прислать еды, набор инструментов и несколько карманных фонариков. Он должен был оживить корабль, тем более что это было не так уж и трудно. Инженеры прошлого века знали, что делали.

Еще не приступив к работе, Джек побеседовал с каждым из членов группы, выжимая из них информацию и язык.

Торговля может быть успешной только при хорошем знании языка, системы счета, местной истории, науки, обычаяев и культуры. Стоило все это освоить ради встречи с девственным миром, где сто семьдесят миллионов гуманоидов с нетерпением ожидали, чтобы их начали использовать.

— Думаю, что наши предки не переоценили землян, если все они такие же, как Джек, — задумчиво сказала Вивьен Мерлину. — Сколько энергии! Какой энтузиазм! Он учит наш язык и нашу историю, даже когда мы с ним занимаемся любовью.

— Уже? — удивился Мерлин.

— Он находит, что я восхитительна, ты разве этого не заметил? Джек пригласил меня погулять под луной. Я сказала, что здесь две луны, по одной на каждого. Он спросил меня, целуемся ли мы на Камелоте, и мы решили провести эксперимент, чтобы определить, есть ли какая-нибудь разница в технике.

Джиневра все еще оставалась очень слабой и бледной. Джек и с ней побеседовал, и, казалось, его энергия слегка оживила принцессу.

Мерлин почувствовал легкий укол ревности, когда увидел, что принцесса, столь высокомерная с ним, с этим землянином вела себя очень дружелюбно. Утешало лишь то, что Джек явно отдавал предпочтение леди Вивьен.

После обеда Джек и Мерлин оправились на корабль. Джек, разговаривая на чудовищной смеси двух языков, уже знал о главной мечте Мерлина — стать настоящим инженером. Джеку не стоило большого труда выбрать себе в помощники именно его, а не кого-то другого из этой компании. Но пока что Мерлин годился только для того, чтобы держать фонарь.

Первым делом надо было скрестить в одну кучу останки погибших и похоронить их. Затем Джек проверил батареи и обнаружил, что запасной комплект все еще годился к использованию.

— Энергия? — спросил Мерлин, указывая на батареи.

— Да-да, энергия. А ты, Мерлин, догадливый парень. Ты хочешь понять, откуда я возьму энергию? От солнца. Мачта собирает солнечную энергию.

Несмотря на то, что Мерлин понимал лишь одно из трех слов, которые произносил Джек, он, повторяя и повторяя вопросы, постепенно начинал понимать все. Джеку было ясно, что из Мерлина действительно мог бы получиться хороший инженер, но у него были другие виды на этого парня.

В корабле Мерлин увидел такую же пластинку, какая была и на «Леди Игрейне».

КОРОЛЬ АРТУР

Детройт, 2318

Грузовой корабль для глубокого космоса

393-я Земная торговая миссия

(лицензия № 393/TH/7154)

— Это все объясняет, — сказал Джек. — Я имею в виду бизнес Артура. Ты знаешь, что Мерлин был чародеем, а, Мерлин?

— Чародеем?

- Волшебником.
 - Ну да, инженером.
- Джек усмехнулся.
- Пусть будет по-твоему. А Вивьен была шлюхой.
 - Шлюхой?
- Ну знаешь... Как ваша Вивьен. Мой тип. Мне нравятся девушки, которые любят мужчин.

Дня через два Джек заговорил на языке Камелота лучше, чем говорили сами камелотцы.

— Когда он со мной разговаривает, — сказала Вивьен Мерлину, — мне кажется, что он нас жалеет.

— Это потому, что мы сильно отстали от Земли.

— Может быть. Но мне кажется, тут что-то другое. Будто бы он знает, что с нами должно случиться.

— А что может с нами случиться?

— Непонятно. Но Джек знает, и потому нас жалеет.

Принцесса, все еще бледная и худая, к этому времени почти совсем поправилась. Ей было неприятно, что Джек так поглощен Вивьен, а с ней всего лишь вежлив. А Мерлин, который был занят ремонтом корабля, забыл даже об элементарной вежливости по отношению к ней.

Мерлин вообще временно забыл о существовании женского пола, чего нельзя было сказать о Джеке, у которого на все хватало энергии и времени. Он высоко оценил ум Мерлина, а двух старых рыцарей держал за слабоумных.

В послании к Френсис он написал:

«Лапочка, чем скорее организуешь доставку всего необходимого, тем лучше. Я знаю, что у меня есть шанс. Мерлин — наш человек. Он поможет все устроить на Камелоте, при условии, что ты будешь за ним наблюдать. Относительно твоего предположения, что на Камелоте нужно установить связь с «благородными», — шансов нет. Как все кастовые системы, эта система весьма реакционна. Если бы два старикишки и принцесса знали, что готовится, я бы получил нож под лопатку. Кстати, запом-

ни, здесь очень жарко, надень что-нибудь из тех нарядов, в которых ты ездишь в Майами».

Когда «Король Артур» был готов к полету на Камелот, Джек отозвал Мерлина в сторонку.

— Мы с тобой хорошо понимаем друг друга. Думаю, мы могли бы стать партнерами.

— Я смогу быть инженером?

— Какого черта! Нет! Это долгая история. Да к тому же и неприбыльная. Будешь возиться с чем-нибудь таким в свободное время. Я имею в виду кое-что получше...

— Партнеры... А разве ты не инженер?

— В некотором роде. Но на самом деле мое дело — большой бизнес. У меня теперь есть целая планета. Камелот.

Странное беспокойство охватило Мерлина. Он вспомнил, о чем говорила Вивьен. Джек знал, что должно случиться с Камелотом, и жалел их.

— Скажи, что должно с нами произойти? — спросил он напрямую. — Почему ты нас жалеешь?

— А что, заметно? Ну слушай. Собираем много-много маленьких птичек и открываем птицеферму. Птички проводят всю жизнь, работая на нас. То же самое будет и с Камелотом — планета будет работать на меня.

— Да ну? — задумчиво произнес Мерлин.

У него не было чувства патриотизма по отношению к Камелоту, но если сейчас Джек говорит правду, может быть, было бы правильнее отколотить его и сломать станцию перемещения?

— Минутку, — торопливо сказал Джек. — Послушай меня внимательно. Сто лет тому назад 393-я Земная торговая миссия рискнула, выбралась в этот сектор глубокого космоса и основала Камелот, вложив в него миллионы долларов и многие годы человеческого труда. Это было частное предприятие. Френсис проверила. 393-я ЗТМ давно мертвa, как птеродактиль. Френсис удалось купить все права за один доллар. Теперь мы владеем золотыми приисками.

— Мы?

— Ты, Френсис и я.

— А кто это Френсис?

— Сейчас невозможно выяснить, что случилось с 393-ей ЗТМ. Они никому не рассказали про Камелот. Несомненно, они должны быть отправить на вашу планету следующую экспедицию. Но что-то случилось, и они не смогли к вам вернуться.

— Чем же так ценен Камелот? — серьезно спросил Мерлин.

— Как ты не понимаешь! Это же новый рынок! В мире нет ничего более ценного! Сто лет назад вам оставили космические корабли, часы и всевозможные механизмы, чтобы создать спрос. Для создания спроса, по всем законам, хватило бы десяти лет. А семнадцать планет, которые были вам подарены?! Это же замысел гениев! Для развития семнадцати планет вам нужны были миллиарды долларов...

— Но ведь за это надо платить?

— Я же говорю, что ты сообразительный парень, Мерлин. Платили бы тем, что есть у Камелота. Главным образом — сырьем. На Земле давно уже не хватает стали, меди, нефти, платины, урана. По нашим законам торговая миссия имеет исключительные права на торговлю с новой планетой. Ты, Френсис и я станем владельцами Камелота.

Мерлин надолго задумался. Неплохо было бы владеть половиной Камелота. Он чувствовал, что Джек жалеет их планету, как жалеют малыша, у которого хотят отнять конфетку. Но ведь Джек не собирается причинять Камелоту страдания. Просто планета приблизится по уровню к благополучным землянам. Все будет хорошо.

Неподалеку, за деревьями, Мерлин увидел тоненькую фигурку принцессы.

Джек проследил за направлением его взгляда и показал головой.

— Ты должен ее забыть. Она никогда за тебя не выйдет.

Сердце Мерлина сжалось от досады.

— Почему ты так думаешь?

— Я знаю, как это бывает. Благородные всегда проигрывают в соревновании с торгашами. Чем беднее становится знать, тем сильнее в ней говорит гордыня. Никогда она за тебя не выйдет. Лучше тебе отказаться от нее сейчас.

Мерлин вдруг ужасно разозлился.

— Если бы я не включил эту машину, я получил бы ее...

— Возможно. Но... Пойдем-ка на станцию.

Они подошли к дверям закрытых отсеков, и Джек посмотрел на часы.

— Еще пару минут... Хочу тебе сказать, что когда я получил твою записку, я подумал, что ты — Санта-Клаус.

Он включил главный рубильник.

Через шестьдесят секунд отсек открылся, и оттуда вышла девушка в коротких шортах и небрежно завязанном на груди шарфе.

— ЛОЛА МИЛИТА! — закричал Мерлин.

— Нет, — улыбнулся Джек. — Познакомься, моя сестра Френсис. Френсис, — это Мерлин.

Девушка грациозной походкой подошла к Мерлину. Она была длинноногой, с тоненькой талией, но ее бедра, плотно обтянутые шортами, выступали очень рельефно.

— Я ожидала худшего, — сказала Френсис по-английски, глядя на Мерлина.

— Но это же Лола Милита! — снова воскликнул Мерлин.

Джек покачал головой.

— У нас те же трудности с китайцами. Нам они все кажутся на одной лицо.

— Как? Все земные девушки похожи на Френсис?

— Нет, таких хорошенъких не так уж и много, — ответил Джек и обратился к сестре на английском: — Ты думаешь, что у тебя выйдет?

— Черт, погоди, я ведь только что его увидела...

— Полагаю, что удастся заработать несколько миллиардов долларов, если ты постараешься...

— Постараюсь, коли так, — сказала Френсис. — Он мне уже начинает нравиться.

— Давайте выйдем, — предложил Джек, — и познакомимся с малышами.

Фрэнк Фримен ГОНИТЕ ЕГО ПРОЧЬ!

— Простите, я попрошу повторить все снова, — сказал доктор Ленко. — Опишите подробно источник вашего беспокойства. Пока что мне ваша проблема понятна не до конца...

Мервин Хинкли открыл было рот, но не произнес ни слова, а в ужасе уставился в темный угол просторного, роскошно обставленного кабинета психиатра.

— Трудно передать словами... — Мервин с трудом складывал фразы. — Но я должен от него избавиться... Доктор, я больше не могу!

Доктор Ленко откинулся в черном кожаном кресле и нетерпеливо перебирал бумаги. Наконец он отыскал ворохе листов небольшую, сложенную вчетверо записку. Взглянув на Мервина, он произнес:

— В этом письме вы пишете, что вас преследует некое видение. Пожалуйста, опишите, что оно собой представляет.

Мервин попытался пригладить редеющие каштановые волосы.

— Это не видение! Он совершенно реальный! Каждую ночь ровно в десять часов он появляется рядом со мной.

Он наклонился вперед и уставился на доктора светлыми глазами, стараясь донести до него свою боль.

Доктор Ленко не смог сдержать улыбки.

— Ну и на что ваша реальность похожа?

Мервин вскочил на ноги и воскликнул:

— У него здоровенная морда, покрытая чешуей, а среди нее круглые красные глазищи.

Он нервно обвел взглядом кабинет, словно описанное им существо могло материализоваться. Снова усевшись, Мервин принялся потирать ладони.

— Ваша проблема разрешается просто, — сказал доктор Ленко.

— Как, как она разрешается?

— Гоните его прочь! Мысленно избавьтесь от него.

Доктор Ленко поднялся с кресла, обошел письменный стол и остановился напротив пациента, глядя на него сверху вниз.

— Вы думаете, это легко? — неуверенно спросил Мервин.

— Может быть, и нелегко, но это испытанный психологический способ избавления от воображаемых визитеров. Вы должны убедить себя в том, что не верите в существование этого чудовища, что вам лишь мерецится существование со здоровенной, покрытой чешуей мордой и красными глазищами. Мысленно прикажите существу удалиться. А себя убедите в том, что не имеете с ним ничего общего. Вскоре видение перестанет существовать. Все отныне зависит лишь от вашей силы духа и от способности убедить самого себя.

С этими словами доктор Ленко вернулся к своему креслу и сел.

— Гоните его прочь! Возможно, это вам удастся. Да и как мы с вами сможем узнать, действует наш метод или нет, если вы к нему не прибегали? Сегодня же вечером, в десять часов сделайте первую попытку!

На лице Мервина отразилось смятение. Наконец он поднялся и направился к двери. У двери он обернулся и через плечо сказал:

— Не знаю, что из этого выйдет. Но я, доктор, сделаю все, как вы велели. Я... я прогоню его прочь!

— Вот и молодец!

Дверь за пациентом закрылась.

Для доктора Ленко не было ничего тоскливее вереницы бесконечных вечерних часов, предшествующих сну. Когда же он наконец смог улечься в постель, вяло размышляя о достоинствах и недостатках своей профессии — копания в чужих мозгах, — телефон на тумбочке зазвонил.

— Я вас слушаю, — равнодушно произнес Ленко.

— Доктор, вас беспокоит Мервин Хинкли. Я был просто обязан вам позвонить. Это чудовище...

Доктор Ленко взглянул на часы и заметил, что уже прошло пятнадцать минут с момента, когда у Мервина обычно появлялся его посетитель.

— Ну и что же случилось? — Доктор уже приготовился к лечебному сеансу по телефону.

— Все получилось! — звучал в трубке счастливый голос Мервина. — Я прогнал его прочь! Уже пятнадцать минут одиннадцатого, но больше никто не появляется. Это замечательно!

— Я с вами согласен, — зевнул доктор Ленко. — Как только я вам снова понадоблюсь, не стесняйтесь, звоните сразу.

И он прервал потенциально долгий разговор, положив телефонную трубку.

Затем, чтобы избавиться от всех этих Хинкли и от их проблем, он накрылся одеялом с головой и призвал к себе сон.

Но сон не шел.

В ногах кровати кто-то пошевелился и вздохнул.

Доктор Ленко открыл глаза.

Морда у чудовища была здоровенной. Вся в чешуе, гла-зищи красные...

— Ой! — сказал Ленко.

Чудовище пожало плечами и извиняющимся тоном произнесло:

— Меня Мервин прислал. Надеюсь, вы не возражаете...

С. Х. Лидделл
ОДИССЕЯ ЙИГГАРА ТРОЛГА

Часть первая
ПОЧЕМУ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ СО МНОЙ?

Я — самый обыкновенный гном. Почему это должно было случиться со мной — не могу понять. Если бы я был одним из элементалов или нереид, которые вечно встречаются в разные колдовские затеи, тогда другое дело. Но, как я уже сказал, я — простой, приземленный гном Срединного королевства, и я никогда не верил в существование людей.

Конечно, в детстве няня рассказывала мне всевозможные сказки. Вы знаете, что я имею в виду. В них вооруженный до зубов человек захватывает безобидных вампиров и с помощью чеснока или осинового кола доводит несчастных до смерти. Ну и все в таком роде. Но я — материалист. Как и большинство гномов, я верю в основные законы физики. Вот, например, первый закон: **ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО — ЯД.**

Но люди... Всегда найдется какой-нибудь гном, который знает другого гнома, который видел человека.

Теперь-то я думаю по-другому. Вот почему я решил расколоться. Я — Йиггар Тролг, из семьи почтеннейших землекопов и золотоискателей, чей род восходит к временным жизни в Норвежских горах и даже, как я слышал, к Йигддасилу.

Клянусь Вулканом, я не оборотень, воющий на луну! Я точно знаю, что я видел и что со мной случилось. Мне до сих пор снится место, где под лучами луны живой зеленый ковер травы покрывает коричневую землю.

Как должно быть отвратительно — быть человеком!

Итак, полагаю, надо рассказать все с самого начала.

В тот день я заблудился в подземных ходах. Король Бреггир бушевал, он требовал все больше и больше рубинов, а я еще не собрал своей нормы. За плечами у меня болтался почти пустой мешок, и я не смел вернуться, не имея хотя бы фунта драгоценных камней.

Бреггир решил замостить Красную улицу. Мне кажется, не следовало требовать, чтобы эту работу закончили до конца недели. В этом не было никакой необходимости. Но таково было желание короля. И если бы я вернулся домой, не выполнив нормы, то меня на семь часов превратили бы в жабу. Знай я заранее свое будущее, я бы обрадовался такому наказанию. Уж лучше побить жабой, чем связываться со сверхъестественными силами.

Как известно, в верхние тунNELи почти никто не заходит. Некоторые утверждают, что они построены вовсе не гномами. Теперь и я в этом уверен.

Я забрел в верхние тунNELи в тщетной надежде найти рубины, и вдруг произошло нечто неожиданное. Вместо земли у меня под ногами оказалась твердая, гладкая поверхность, и я очутился в узком туннеле, где я, гном среднего размера, протискивался с трудом. Вскоре передо мной возникла решетка, и сначала я подумал, что она сделана из холодного железа. К счастью, я ошибся. Тогда я сдвинул решетку в сторону и высунул голову наружу.

Я увидел парк. Сияла луна, и деревья отбрасывали длинные тени. Я услышал далекое журчание воды и почувствовал ее запах. По моему позвоночнику пробежала горячая дрожь. Что-то здесь было не так.

Говорят, в какой-то момент Завеса становится такой тонкой, что можно увидеть все, что происходит по ту сторону. Теперь я понимаю: тогда именно это со мной и случилось. В этом парке находилось что-то, чего там не должно было быть. Что-то живое и мерзкое. Я это остро чувствовал.

Стоявшее поблизости искривленное дерево вдруг зашевелилось. Его длинная тень заколебалась на траве. И под белым светом луны я увидел Ужас.

Меня парализовало, я не мог двинуться с места. Существо стояло в десяти футах от меня. Оно обладало всеми тремя измерениями и выглядело совершенно материальным. Я подумал, что оно похоже на сатира, хотя у него были прямые ноги и оно было во что-то одето.

Моя реакция удивила даже меня самого. Хоть я и был очень испуган, но все-таки не потерял самообладания, а просто застыл, высунув голову из туннеля. А существо следило за мной. Казалось, эта немая сцена будет длиться вечно. Но все нарушилось, когда человек, а это был именно ЧЕЛОВЕК, поднял руку и поманил меня к себе, не произнеся ни звука.

Каждый мускул моего тела пронзительно визжал, протестуя против движения, но я не мог не подчиниться. Я выбрался на траву. Меня колотила дрожь, меня бросало в жар, передо мной было нечто более страшное, чем смерть.

И вдруг я подумал: «Да ведь я же — Йиггар Тролг, гном из Срединного королевства!»

Возможно, это была напускная храбрость, но я расправил плечи и в упор посмотрел на человека. Уверен, в тот момент я был очень хорош, двух футов ростом (в ботинках), широкоплечий, с большими, круглыми карими глазами, которые не выскочили от страха из орбит. А главное, я был совершенно спокоен.

В руках человека появилась бутылка. С пугающей неторопливостью он вытащил из нее пробку.

— Ну а теперь, — сказал он, — отправляйся обратно в бутылку.

В бутылке плескалась какая-то жидкость, и из ее горлышка вырывались пары алкоголя. Но меня не так-то просто одурачить. Я все знал о джиннах и о том, как Сулейман поработил их. Если я подчинюсь приказу, бутылку тут же заткнут пробкой и бросят в океан.

— Я... я не хочу! — прокричал я, стуча зубами.

— Ты вышел из этой бутылки, — сказал человек, — так будь добр, забирайся обратно.

— Я вовсе не выходил из вашей бутылки!

Вообразите только! Я спорил с человеком!

— Не путай меня, — проворчал человек. — Все вы вились из бутылок — и змеи, и мыши, а теперь еще и...

— Но ведь я же не змея, — возразил я. — А что касается мышей, то среди них тоже нет таких, как я.

Он стоял, покачиваясь, а потом принял хохотать.

Я расхрабрился и закончил:

— И я ни в коем случае не полезу в эту бутылку.

Он отхлебнул из бутылки и стал задумчиво меня рассматривать.

— А кто же ты?

Я представился.

Он покачал головой.

— Нет, скажи мне, ЧТО ТЫ ТАКОЕ?

— Я — гном.

Я не был готов к его реакции на мои слова. Существо, стоявшее передо мной, издало пронзительный вопль и высоко подпрыгнуло. Во мне задрожала каждая жилка: я представил себе, как меня сейчас разорвут на мелкие части.

Но человек тыкал в меня трясущимся пальцем и ворчал:

— Гори все синим пламенем! Что за проклятье! Мало того, что я пишу обо всех этих мерзостях, так теперь они еще стали ползать у меня под ногами, когда я прогуливаюсь по Центральному парку! Клянусь всеми прелестями жизни, я не потерплю этого ни в пьяном, ни в трезвом состоянии!

И он изо всех сил ударил меня бутылкой по голове, но, разумеется, не причинил мне никакого вреда. У нас, гномов, очень крепкие затылки.

— Точно, я пьян, — пробормотал человек.

А я сжался в ужасе перед его яростью.

— Ведь если бы я не был пьян, то я бы тебя не увидел. Пора кончать с этой неопределенностью! Слушай, ты, пузо надутое, ты, бочка для дождевой воды!

Откуда-то он вытащил плоский продолговатый предмет, похожий на книгу. Возможно, это был сборник человеческих заклинаний. Я отступил в сторонку. Вы меня осуждаете?

— Всегда одно и то же! — кричал человек, сжимая книгу обеими руками. — Три желания или проклятие! Я знаю формулу наоборот — ты встречаешь гнома или человека с белыми бакенбардами, или самого дьявола, и он дает тебе что-то такое, в чем ты потом горько раскаиваешься. Так вот, я не дам втянуть себя в это мошенничество! Я тебе этого не позволю! Тебе, несчастному, только что выбравшемуся из бутылки! Я слишком много о вас написал.

Он помахивал передо мной своим скрюченным пальцем.

— Я знаю, что ты собираешься сделать. Как-то так меня заколдовывать, что, когда я проснусь завтра утром, то все, к чему я стану прикасаться, будет превращаться в золото. Так? Или у меня на носу вскочит прыщ? Или, как только я открою рот, у меня оттуда будет высакивать серебряный доллар? Ха!

Я осталбенел и не сводил с него глаз.

А человек продолжал бушевать.

— О'кей, гном! Ты доигрался. С этого момента, как только ты заговоришь, из ТВОЕГО рта будет вываливаться кусок холодного железа. Доволен?!

Дрожащими губами я прошептал:

— Нет!

Человек зловеще улыбался.

— Значит, ты не любишь холодное железо, а? Я так и думал! За свою жизнь я достаточно написал о тебе и о твоих друзьях. Так и быть, уговорил, тебе это железо не повредит. Гномы... О, Господи! Почему я не вырыл себе канаву, чтобы в ней жить?!

Он не выдержал собственной ярости и рухнул на землю. Прежде чем ему удалось подняться, я повернулся и, отпрыгнув, ввинтился в черную дыру туннеля. Возможно, я обезумел от страха, потому что совершенно не помню, как вернулся в Срединное королевство.

В голове у меня бились слова: «Холодное железо... холодное железо...»

Ноги привели меня к моей каморке, и я рухнул на пол, пытаясь изгнать из головы все, что со мной произо-

шло. После короткого забытья с кошмарными сновидениями я поднялся и пошел к Троклару, моему ближайшему другу.

— Ииггар, — сказал он. — Король в бешенстве. Ты вчера не отметился. Рубинов не хватает. Ты хоть набрал свою норму?

Я только печально покачал головой.

Троклар, дергая носом, взволнованно продолжал:

— В таком случае, помогай тебе Фафнир и Локи. Король поклялся превратить тебя в саламандру на десять лун. Лучше бы тебе спрятаться... Конечно, не в Срединном королевстве. Может быть, Нептун даст тебе на время приют, или Ад поможет, если принесешь ей хороший подарок. Но в любом случае, не задерживайся.

— Троклар, — сказал я, — я видел человека.

КЛИНК-КЛИНК!

Троклар позеленел и громко закричал, отпрыгнув к двери:

— ЖЕЛЕЗО! ЖЕЛЕЗО!

— Троклар!

Я шагнул вперед и почувствовал под ногами что-то твердое и круглое. Глянув вниз, я увидел маленький блестящий предмет, выпавший из моего рта.

Это было — ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО!

Не удивительно, что Троклар, уцепившись за ручку двери, корчился в судорогах. Не удивительно, что он зажмурил глаза от слепящего блеска железа. Но почему это... почему оно не действовало на меня?

И тут я вспомнил проклятье человека!

Троклар наконец глянул на меня.

— Ну и шуточки! Что это ты выдумал? Если король узнает...

— Я в этом не виноват, — сказал я.

КЛИНК-КЛИНК!

— Это... КЛИНК... человек... КЛИНК.

С каждым словом из моего рта падал кусок холодного железа. Я пытался удержать Троклара, но он вырвался и с визгом побежал вдоль коридора, завернув за угол и пропал из виду.

Я вернулся к себе. На полу лежала кучка безобидных шариков. Но для гномов они были так же смертельны, как чеснок для вампиров или волчья ягода для оборотней. Эти невинные игрушки несли в себе дьявольскую силу.

Часть вторая ЗВОН ХОЛОДНОГО ЖЕЛЕЗА

На колышке за дверью не было моего мешка. Я вспомнил, что он остался на траве, когда я в панике бежал от человека. Это меня не огорчило. Все равно там было не больше дюжины рубинов, и все равно король Бреггир превратит меня в саламандру.

Мы, гномы, очень не любим огневых. Мы гораздо лучше относимся к жителям Морского королевства. У них там есть превеселая компания тритонов! Даже темный Ад для нас приемлем. Но огонь — нет!

Возможно, попроси я прощения у Бреггира, он бы смилиостивился. Но тогда я был очень напуган.

Я не знал, как мне быть. Сознаюсь, у меня в глазах стояли слезы, когда я осматривал свою каморку. Со стен лили радужное сияние мириады разноцветных камней, чуть плескалась черная вода в бассейне. Не бог весть что, но это был мой дом!

И все-таки я решил уйти. Но в коридоре меня остановили два охранника с пиками. Они были в зелено-коричневой форме и в красных шапочках королевской гвардии.

— Йиггар Тролг! — сказал один охранник. — Король вне себя от бешенства. Ты арестован. Пошли!

Я вовремя вспомнил о лежащем на мне проклятии и не произнес ни слова. Не хватало еще разбрасываться холодным железом, когда все и так — хуже некуда.

Охранники, держа меня за руки, шли через главную пещеру. Я заметил, что Красную улицу мостило больше сотни гномов. В тронном зале на огромном бриллианте в величественной позе сидел король Бреггир, лысый, как и все гномы, и с бородой, по обычай, разукрашенной глиной. Это был красивый гном. Его рот растянулся от уха до

уха, а нос был размером с мою ладонь. Его выпущенные глаза казались двумя большими шарами, приклеенными к лицу. Король пил теплую грязь из большой серебряной чаши и спорил со своим доктором Крограм.

— Вы — упрямый идиот, — рычал Крог. — Я предупреждал вас о вашем высоком сукровичном давлении. Однако вы продолжаете пить теплую грязь утром, днем и ночью.

— О, Углерод! — промычал Бреггир и в этот момент увидел меня.

Голосом, подобным грому землетрясения, он заорал:

— Йиггар Тролг! Ты — несчастный отпрыск улитки! Ты — деревянная нашлепка на корабле Йигддрасила!

Нельзя было так унижать моих предков, но я сделал вид, что ничего не заметил. Тем более что сказать я все равно ничего не мог, потому что король продолжал орать:

— Ты — мерзкий маленький осколок антрацита! Ты — коротконосая вошь на хвосте гарпии! Я подожарю тебя на огне и скормлю скорпионам! Я привяжу мельничный жернов к твоей бороде и отдам гигантам! Где рубины? И не вздумай меня обманывать! Наверняка, улегся в какой-нибудь пещере и думал, что сможешь там выспаться. Так вот — не сможешь! Слишком вы разнежились в нашем Срединном королевстве! Пусть наказание Йиггара Тролга послужит всем примером!

Гномы, которые в это время находились в тронном зале, уставились на меня. Некоторые из них даже улыбались.

— Говори! — приказал король. — Что ты, лживый червяк, скажешь в свое оправдание? Хотя все это не имеет никакого значения, потому что приговор уже давно вынесен. Ты будешь саламандри! Слышишь? Саламандри! Так ты будешь говорить? Или придется вытянуть твой язык холодными клещами? — Король зловеще ухмыльнулся. — Тебе это не нравится? Ледяные холодные клещи, замороженные зимними гигантами! Да говори же!

Два последних слова вылетели из его рта, как молния. Я непроизвольно открыл рот. Я был в таком ужасе, что забыл о неизбежных последствиях.

— Я не виноват! — задыхаясь, прошептал я. — Я встретил человека...

— Ха! Человека... Ай-й-й-й!

Случилось! Холодное железо стукнулось о мрамор у моих ног. Все гномы пронзительно завизжали и попадали друг на друга, пытаясь убежать от смертельно опасного металла.

Король Бреггир свалился за свой бриллиантовый трон. Вскочив на ноги, он бросился мимо меня и успел выпасть на бегу:

— За это ты будешь изрублен на куски!

Посреди блестящего великолепия тронного зала стоял одинокий гном — Йиггар Тролг!

Одним глотком я выпил теплую грязь, оставшуюся в серебряной чаше короля, и немедленно почувствовал горячую волну обманчивой храбрости. Мне все еще было страшно, но я осознал, что даже король испугался меня.

Святая Геката! Теперь меня будет бояться каждый гном Срединного королевства! Да ведь это ни больше, ни меньше, как революция. Я с моим холодным железом не уязвим!

Да, но если я все-таки превращусь в саламандру, то окажусь в еще более ужасном положении!

Что же делать? Я ничего не могу никому объяснить. С каждым словом я только еще глубже погружаюсь в неприятности. Мне было необходимо понимание, прикосновение дружеской руки, но даже Троклар, мой лучший друг, убежал от меня.

Тогда я вспомнил о Нигзар Дууг. Она поймет меня, она всегда со временем нашего детства понимала мои переживания. Я... ну, я любил ее. Для меня она была самой красивой гномихой во всем подземелье.

Она не испугается, не убежит и как-нибудь мне поможет. Я был в этом уверен.

Пока я бежал к берлоге Нигзар, я уловил телепатическое послание короля Бреггира:

— Внимание, внимание! Всем гномам! Йиггар Тролг пользуется запрещенным колдовством! Он вооружен холодным железом! Избегайте его! Он опасен!

Я остановился у двери Нигзар и осмотрелся. В коридоре было тихо. Но сквозь дверь доносились голоса. Только я взялся за ручку, чтобы открыть дверь, как услышал нежный голос Нигзар:

— Нет! Ты врешь! Этому должно быть какое-то объяснение...

И следом прозвучал голос моего друга Троклара:

— Нигзар! Он стал плохим. Холодное железо! Его надо так заколдовать, чтобы он навеки провалился к Вельзевулу!

В ответ раздалось горькое рыдание, от которого у меня сжалось сердце.

— Нет, Троклар, я тебе не верю! Я лучше знаю Йиггара.

— И все-таки король Бреггир это сделает, а тебе будет лучше забыть о Йиггаре Тролге.

— Что ты имеешь в виду?

— Что я хочу тебя! Я, Троклар! Йиггар осужден. Нигзар, возьми меня вместо него. Во всем Срединном королевстве не найти гнома лучше меня!

Во мне поднялась слепая ярость. Я слышал плач Нигзар, слышал хриплый от страсти голос Троклара:

— Ты моя, слышишь? Если я попрошу короля, он отдаст тебя мне. Я хочу тебя...

Я распахнул дверь. Троклар схватил Нигзар, а она вырывалась из его рук. Ее туника порвалась, обнажилось мягкое меховое плечо. Я просто обезумел от этого зрелища, одним прыжком достиг Троклара, схватил его за шею и повернул к себе.

Нигзар закричала:

— Йиггар!

Она вырвалась из рук Троклара и бросилась в соседнюю комнату.

На лице моего «друга» ясно читались и злоба, и испуг.

— Ты? На свободе? Ну это ненадолго! Король разрешил всем наслать на тебя любое заклятье.

С этими словами он произнес заклинание, но оно отскочило от меня, нисколько мне не навредив. Он выпутил глаза и попробовал еще раз. Безуспешно!

— Клянусь всемогущим Локи! Ты неуязвим! — вонкликнул Троклар.

Я улыбался, поняв, что произошло. Действовал закон о предшествующей силе — пока действует заклятие человека, никакое другое заклинание не может причинить мне вреда.

Мой лучший друг... Каково? В бешенстве я подумал о своем оружии.

— Холодное железо, — сказал я неторопливо.

КЛИНК!

— Холодное железо. Холодное железо. Холодное, холдное, холдное железо, железо, железо.

КЛИНК-КЛИНК-КЛИНК!

С каждым словом из моего рта падали маленькие кругленькие штучки и катились в стороны от моих ног.

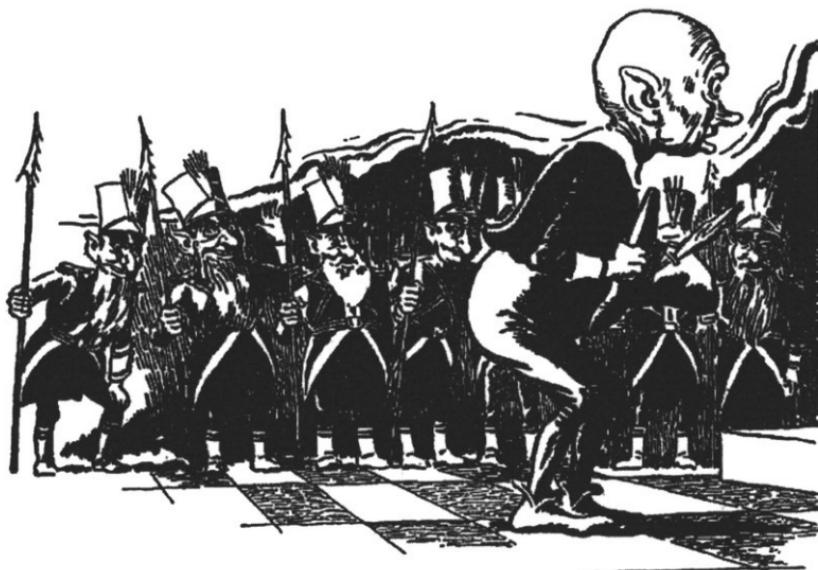
Вытаращив глаза и опустив голову Троклар только бормотал:

— Не... нет...

— Да, — говорил я, — да, да, да.

КЛИНК-КЛИНК-КЛИНК.

И Троклар упал в обморок. Его шишковатое тело неуклюжей грудой застыло в углу около двери.

Нигзар. Я вошел в соседнюю комнату и увидел любимую, лежавшую на ложе из гальки без чувств. Я встал на колени и обнял Нигзар.

Ее нежные, цвета теплой грязи глаза открылись, и она прошептала:

— Йиггар! С тобой все в порядке?

— Да, — ответил я.

Во имя отца Йимира, лучше бы мне отрезали язык!

Легко представить, что случилось. Я склонился над Нигзар, мое лицо прямо над ее лицом. Кусок холодного железа вывалился из моего рта и ударили любимую по

носу. Нигзар завизжала, посмотрела на меня безумными глазами и снова упала в обморок.

Я поднялся, кое-как собрал все железо с пола и выбросил его за угол. Затем закрыл за собой дверь берлоги Нигзар и постоял в коридоре, прислушиваясь к новым призывам короля Бреггира.

— Всем, всем, всем! Заколдуйте Йиггара Тролга!

Ни одно колдовство не причинит мне вреда, но я стал парией в собственном мире. Так тяжело было на сердце! Теперь во всем Срединном королевстве не было ни одного гнома, кто не боялся бы меня. Даже Нигзар. Я стал одиноким, бездомным гномом. Мне так хотелось объяснить, что со мной случилось, но никто не станет меня слушать!

И вдруг меня осенила идея! Помните тот маленький черный бассейн в моей берлоге? Он соединяется с подземным морем, которое находится под временным управлением Нептуна. А водяной народ не боится холодного железа!

Я часто бросал камешки в бассейн, чтобы успокоить нереид, которые своим ужасным пением не давали мне спать по ночам. Но я надеялся, что они простят меня за мою грубость.

Тем не менее я принял некоторые меры предосторожности. Заперев дверь, чтобы мне никто не помешал, я надрезал себе вену и нарисовал сукровицей некий знак. Затем капнул несколько капель сукровицы в бассейн, позвал нереиду и уселся в ожидании.

Часть третья ПУТЕШЕСТВИЕ В АД

На самом деле я не был уверен в том, что водяные жители мне помогут. Но надо же было хоть кому-нибудь рассказать о моем приключении. Мне было так одиноко! Никогда прежде я не понимал, как для меня важно общение с другими гномами.

По черной воде забулькали пузыри, и на поверхности появилась зеленая голова с раздувающимися от волнения жабрами.

— О, гном, — сказала нереида и, отвернувшись от меня, уставилась на чашу с сукровицей. — Гном, дай мне это.

Я чуть отодвинулся от края бассейна.

— Минуточку, — сказал я, — сначала я хочу кое-что у тебя спросить.

— Вот всегда так, — обиделась нереида. — Вы, гномы, постоянно чем-то недовольны. Вы просто мелкие, грязные негодники. Ну, что? Хочешь, я предскажу твою смерть?

Это, конечно, была шутка, потому что гномы не умирают.

— Я хочу кое-что разузнать о людях...

— Ох-хо-хо! — Глаза нереиды блеснули. — На тебе, гном, лежит проклятие. Это что, король Бреггир? Хотя нет, он никогда не станет щутить с холодным железом. Тогда, может быть, Вулкан?

— Никогда не догадаешься. Ты когда-нибудь видела человека?

— Ох! — Нереида ушла под воду, пустив пузыри. — Будь поосторожнее, а то твое холодное железо ударило меня по голове.

— Извини, — сказал я. — Но что ты знаешь о человеке?

— Людей не существует. Ты уже не в том возрасте, когда верят в сказки. Еще скажи, что веришь в науку!

— Ну что ж... — буркнул я, отходя от бассейна. — Зайду об этом.

Нереида взволнованно заплакала.

— А сукровица? Мне хоть что-нибудь достанется?

Я покачал головой.

— Не заслужила.

— Ладно, гном. Погоди минутку. Если ты дашь мне эту сукровицу, я пойду и поищу другую нереиду. Может быть, она тебе поможет.

— Разрешаю выпить половину. — Я дал ей чашу и следил, чтобы она ее не опустошила целиком.

Должен заметить, что нереиды не обманывают. Довольно скоро она вернулась с подружкой, слепой на один глаз и со шрамом вдоль всего тела. Как только я показал ей чашу с сукровицей, она оживилась и закричала:

— Дай мне! Дай мне!

Первая нереида сказала:

— Это Сахайя. Она сошла с ума с тех пор, как несколько веков назад решила поплавать между Сциллой и Харибдой. Иногда она рассказывает о людях.

— Люди, — сказала Сахайя, почесывая жабры, — они действительно есть. Я знаю. Также я знаю, откуда появляются утопленники. Прежде они были людьми.

— Слышал? — Первая нереида захихикала и захлопала хвостом по воде. — Она совсем сошла с ума.

Сахайя не сводила глаз с чаши.

— Это для меня?

— Дам, если поможешь мне. Слышала, что обо мне говорят?

— Ты имеешь в виду холодное железо? Заклинание?

— Это сделал человек, — сказал я, пытаясь не обращать внимания на постоянное КЛИНК-КЛИНК у моих ног. Мне надо было заставить сумасшедшую нереиду понять, что я от нее хочу.

— Не знаю, что тебе сказать. Бывало, я плавала вверх почти до Света. Кое-что я, конечно, слышала, но объяснить тебе, где можно снять заклятие, наложенное человеком, — это выше моих возможностей.

— Ну, может быть, ты где-нибудь слышала, как сами люди избавляются от своих неприятностей?

— Да, я слышала о человеческих неприятностях. Они обычно легко разрешимы. Им помогает Ад.

— Ад? Дочь Локи и сестра волка Фенриса?

— Именно так.

Я весь дрожал от возбуждения.

— Как ты думаешь, она снимает с меня заклятие?

Но Сахайя только похлопала жабрами в ответ. Ее внимание было приковано к чаше. Я отдал ей сукровицу. Она выпила и, пуская пузыри, ушла в глубину.

Я задумался. Какой бы подарок принести королеве Нижнего мира? Ничего не придумал, я решил просто отиться на ее милость.

К счастью, мой путь лежал через места, которые редко посещаются гномами Срединного королевства. Я быстро перебрался через сруб колодца родника Тартара и упал вниз. Там я позвал Воздух и Темноту и попросил их перенести меня в поля, где они и оставили меня перед Вратами.

Гранитные стены страны Ничто вздымались до неба из красной лавы. Вокруг царила полная тишина. Я стоял и размышлял, как мне попасть в Ничто. В этот момент на меня залаял трехглавый косматый монстр. С его клыков капала слюна, все шесть его глаз сверкали, и он рычал на меня, как сумасшедший. Цербер всегда производит не приятное впечатление, а я забыл принести ему печенья или косточек. Он, конечно, не мог серьезно ранить меня, но все же его зубов нужно было осторегаться.

Я дождался, когда он подойдет поближе, превратился в блоху и вспрыгнул ему на спину. Не знаю почему, но я стал кусать монстра, и кусал его до тех пор, пока он не принял чесаться как бешеный. Я тут же раскаялся в своем поступке, потому что мне показалось, что началось землетрясение. Я закрыл глаза, вцепился в его шерсть и стал ждать, когда закончится эта безумная чесотка.

На закате Цербер понесся к воротам. Его обычно в это время кормят. В воротах открылась дверка, и мы вошли в Ничто. Там было очень тихо.

Я не смотрел по сторонам. Ничто — не то место, где приятно находиться.

Как-то я понял, что Ад рядом. Я превратился обратно в гнома и спрыгнул с Цербера. Он снова зарычал на меня, но отполз в угол, откуда следил за мной всеми своими шестью зловещими глазами.

Я почтительно преклонил колена перед королевой Нижнего мира. Зал, в котором я оказался, не был ни очень длинным, ни очень широким, но конусообразный потолок простирался так высоко, что не было видно его завершения. Казалось, что ты находишься внутри языка пламени.

Я услышал голос:

— Ты можешь встать, гном.

Я повиновался, но продолжал смотреть в пол.

— Ты можешь смотреть на меня, гном.

Ад была абсолютно белой, будто была сделана из сверкающего снега. Белыми были ее струящиеся волосы, ее губы и ее глаза. На ее приятном круглом лице невинной девушки сияла очень нежная улыбка, но глаза смотрели куда-то вдаль. Она сидела на простом троне из оникса, руки спокойно лежали на коленях.

Она была одета в Свет.

— Не говори, — сказала она, — дай мне прочесть твои мысли. Я чувствую заклинание и холодное железо.

Почему-то я ее вовсе не боялся, но ощущал себя очень маленьkim и очень одиноким в этом высоченном зале в стране Ничто.

Наконец королева вздохнула и покачала головой.

— Мне не удастся помочь тебе, гном. Моя сила не достигает поверхности земли. Есть тут кое-кто, кто может поправить твои дела, если, конечно, захочет. Это мой отец.

«Локи?» — подумал я.

— Локи-насмешник. Иди к нему, — сказала королева, а потом добавила, отвечая на мой невысказанный вопрос. — Нет, ему не нужны твои подарки. Он делает то, что ему хочется. Он может быть добрым, а может быть злым. Как повернется. Если найдешь его в хорошем настроении, он тебе поможет.

Я склонил голову в знак благодарности. Королева продолжала:

— Предупреждаю — берегись шуточек Локи. А теперь я отправляю тебя к нему.

Рука Ад парила над моей головой. Мне стало страшно от мысли, что эти холодные пальцы могут до меня дотронуться. Должно быть, они очень мягкие и нежные, но я весь сжался от ужаса.

Волшебная сила завертела меня, и высокий зал в стране Ничто исчез. Я очутился на мягкому сером облаке. Пе-

редо мной возлежал смеющийся гигант. Он щурился от солнечного света.

Часть четвертая ГНОМ — НА СВОЕМ МЕСТЕ

Гигант, опираясь на руку, уставился на меня. Огромный, рыжебородый мужчина-лис с лукавыми глазами и широченным ртом.

— Хо! — воскликнул он. — Она сказала мне о твоем прибытии. Ну вот, перед тобой Локи.

Я поклонился, но решил не говорить о проклятии. Локи снова рассмеялся.

— Ты думаешь, я боюсь холодного железа? Но ты можешь молчать, мне и так понятны все твои мысли. Ты встретил человека, он заколдовал тебя, ты хочешь освободиться от этого заклятия. Видишь, все очень просто.

Локи поднял свою большую руку в повелительном жесте. Я незаметно оглянулся, но вокруг ничего не изменилось. Все тот же ковер серых облаков, протянувшийся бесконечно далеко под голубым небом.

Интересно, в каком настроении Локи — в плохом или в хорошем?

Рыжий бог захотел. Он ведь читал мои мысли.

— Не бойся, я тебе помогу. Скажу тебе, гном: люди существуют. Изредка кто-то из них проходит через Завесу. Иногда мы смутно и неопределенно их видим, будто они — привидения. Однако живут они в своем собственном мире, — Локи покосился на меня. — Люди не должны заниматься волшебством. Мне это не нравится...

Только он замолчал, как из облаков поднялась темная тень. Это была серая женщина в старинной короне. В руках она держала пучок длинных нитей. Женщина выбрала из пучка одну нить и молча подала ее Локи. Затем она исчезла, и облака сошлились над ее головой.

Локи растянул нить между пальцами.

— Эта ниточка отведет тебя к тому, кто тебя заколдовал, но ему придется сделать подарок.

— Какой подарок? — спросил я, и холодное железо провалилось через облака.

Локи усмехнулся.

— Я тебя предупреждаю: делай точно, что я тебе сказал, и все будет в порядке.

— Хорошо... — Я колебался. — А что мне потом делать с этой нитью?

— А? О, просто отпусти ее, она сама вернется на свое место.

Божество взмахнуло рукой, и я помчался вниз сквозь массу облаков, крепко держа в руках конец нити. У меня в голове все раздавался голос Локи: «Люди не должны заниматься волшебством».

Я оказался в пещере — огромной, квадратной, обшитой деревом. По спине пополз тот же самый ужасный горячий страх, который я испытал при первой встрече с человеком. Должно быть, я попал в одну из человеческих берлог!

Вокруг было много странных квадратных предметов с буквами на боках. Я не понял, что значат эти буквы, но до сих пор помню, как они выглядели: «НЕ КУРИТЬ! ОПАСНО! ВЗРЫВЧАТЫЕ ВЕЩЕСТВА!»

У меня в голове прозвучал голос Локи:

— Посмотри на ящик около тебя...

Я посмотрел на деревянный контейнер, в котором лежала дюжина аккуратно упакованных круглых предметов.

— Возьми одну штуку, — приказал Локи.

Я повиновался и разглядел на другой стороне ящика надпись: «РУЧНЫЕ ГРАНАТЫ». Что бы это могло значить?

Я снова услышал голос Локи. Он явно хохотал.

— Нить приведет к человеку, который тебя заколдовал. Когда ты его увидишь, выбирай из... подарка... маленькую булавочку и брось... подарок... к ногам человека. Тут

же попроси человека снять с тебя проклятие, и он обязательно постарается тебе угодить, — закончил рыжий бог, и его голос умолк.

Я почувствовал себя почти счастливым. Скоро я буду свободен, проклятие будет снято, я смогу встретиться лицом к лицу с кем угодно, даже с королем Брэггиром!

Я закрыл глаза и стал ждать.

Нить судьбы дернулась у меня в руке и перенесла меня через пространство. Я оказался...

...в логове человека!

Стучало зубами от страха и изумления, я прижал подарок к груди. Мне трудно описать место, куда я попал. Оно было квадратное и раскрашенное самыми ужасными красками, которых не вообразишь себе даже в самом кошмарном сне. Судя по всему, здесь занимались самыми мрачными науками!

Я увидел человека в тот же момент, когда он увидел меня. Он испустил совершенно неописуемый звук и швырнулся на пол бутылку, которую держал в руках.

— СНОВА! — завопил он. — Или это другой?

— Я тот же самый гном, — сказал я заискивающим тоном. — После того, что вы наделали, вы должны были узнать меня.

Он поднял бутылку и отхлебнул из нее.

— А что такого я сделал? Я тебя не понимаю.

— Но ведь вы же меня заколдовали. Холодное железо... Помните?

Теперь он заметил кругляшки, которые падали из моего рта. Он вытаращил глаза.

— Это... ик! ... Это... ик! ... сделал я?

— Ну да.

КЛИНК!

— Ох, — сказал он. — Прости. Это я спьяну или со сна. Извини меня.

— Не пора ли снять проклятие? — предложил я.

— Снять?

— Проклятие...

— Слушай, я бы рад, — сказал он, — да только не знаю, как это делается.

Я застонал от огорчения.

— Но ведь вы же заколдовали меня! Я вам и подарок принес!

— Великолепно! — сказал человек. — Только мне больше не надо. У меня теперь все есть. Этих рубинов, что ты тогда оставил, было так много...

Я в недоумении уставился на него, но тут же вспомнил о забытом мешочке с рубинами.

— Я теперь живу в пентхаузе, — продолжал человек, — пишу повесть. Получается не хуже, чем у старика Хемингуэя. За твои рубины — большое спасибо.

— К вашим услугам, — ответил я вежливо. — Тем более вы должны снять с меня проклятие. Вы тогда просто сказали, что из моего рта будет падать холодное железо.

Он еще раз глотнул из бутылки. Подумал и кивнул.

— О'кей. Я снимаю с тебя проклятие.

— Спасибо, — произнес я с надеждой и широко раскрыл рот.

ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО БОЛЬШЕ НЕ ПАДАЛО ИЗ МОЕГО РТА!

— Сработало! Сработало! — задыхаясь проговорил я. — Спасибо, Локи!

Возможно, у меня началась легкая истерика, но в тот момент я в самом деле забыл, что разговариваю с человеком. Я был так счастлив оттого, что при каждом моем слове у меня изо рта не вываливается по куску железа! И я все-все рассказал человеку. А он сидел и слушал, пивая из бутылки.

Потом он принял мой подарок и стал задумчиво его изучать.

— Хорошо, что ты отдал мне это. Я уж как-нибудь сам им распоряжусь. В конце концов, граната — весьма необычное подношение...

— Нить! — вдруг вспомнил я.

Человек побелел и не дотронулся до нее.

— Дай ей уйти, отпусти ее.

Я подчинился. Нить выскоцинула из моих пальцев и исчезла.

Человек глубоко вздохнул, и я заметил, что он до края прикусил себе губу.

— О'кей, — сказал он. — Полагаю, я спасен. Что следующим номером в нашей программе?

— Лично я собираюсь вернуться в Срединное королевство, если вы будете так любезны и покажете мне ту дыру, из которой я вылез в прошлый раз.

— В Центральном парке? Конечно, покажу. Но ты сказал, что король Бреггир зол на тебя?

Я грустно вздохнул.

— Может быть, он и простит меня. А нет, так побуду некоторое время саламандрой.

Человек задумался.

— Да-а-а... А хочешь, я дам тебе подарок для короля?

Он вышел и вскоре вернулся обратно с мешком, который тут же наполнил бутылками, стоявшими в маленькой каморке в стенке.

— Это все же лучше, чем теплая грязь. Это смягчит старика.

— Просто не знаю, как вас отблагодарить! — Мой голос дрожал от переполнявших меня чувств. — Вы для меня... вы для меня... почти что, как... гном!

Я не понял его реакции, но он почему-то вздрогнул и взял меня за руку.

— Сейчас мы спустимся на лифте, перейдем улицу и будем прямо в парке...

Я зажмурился и дал человеку вести меня. Мне было лучше не видеть этого странного человеческого мира.

И вот я стою у дыры с мешком, полным бутылок, через плечо.

Человек пожал мою руку.

— Удачи, — сказал он. — Все равно никогда не поверю во все это, но выглядит это абсолютно реальным. — Он посмотрел на мой мешок. — А не поделишься со мной? Всего одну бутылочку, а?

Я, конечно, дал ему бутылку, и он как следует отхлебнул из нее.

Я спустился через дыру в туннель и через час уже был в Срединном королевстве.

Больше и рассказывать особенно нечего. Я должен был как можно скорее все объяснить королю Бреггиру, иначе мне грозило в мгновение ока превратиться в саламандру. Но в тот момент, когда король увидел, что я принес ему подарок, он тут же смягчился, как и предполагал человек.

Король сделал себе коктейль из теплой грязи и человеческого эликсира и наслаждался питьем, улыбаясь во весь рот.

Он, конечно, не поверил моему рассказу и думал, что бутылки я нашел где-то в Срединном королевстве, где их закопали древние божества, но говорил, что напиток этот — лучше, чем нектар. Вряд ли стариашка когда-нибудь пробовал нектар, но я не стал его опровергать. Важно, что Бреггир простил меня. Но меня простила и моя дорогая Нигзар Дууг! В том же месяце мы поженились. Я устроил великолепный праздник, на который пригласил все Срединное королевство. Я не поскупился на угождение, и теплая грязь разливалась, как лава.

Некоторые гномы перешептывались, что в семье Троллов появился сумасшедший — я, Йиггар Тролг, чей род восходит к Йигддрасилу или даже к Йимириу. Какое это имеет значение? Я не обращаю на это никакого внимания.

Я совершенно счастлив с моей Нигзар. Недавнее ужасное приключение почти исчезло из моих воспоминаний.

Хотя... это не совсем верно. По ночам меня мучают кошмары. Я... я вижу во снах... ЧЕЛОВЕКА!

Бертрам Чандлер ПОЛОВИНА ПАРЫ

— Ничто не может привести человека в большую ярость, чем отсутствие в паре одной из ее половин, — сказал он.

— Я ведь уже извинилась, — сказала она, но по тону ее голоса было понятно, что она вовсе не чувствует себя виноватой. — Ты так суешься. Кто тебе их подарил? Какая-нибудь блондинка?

— Я сам себе их подарил, — ответил он мрачно. — Так случилось, что необходимость в паре приличных запонок совпала с моими финансовыми возможностями. Эти запонки служили мне много лет...

— И ты к ним так привык! —sarкастически усмехнулась она. — Не плачь. Как только мы вернемся в цивилизованный мир, мамуля купит тебе новые.

— А я хочу именно эти запонки и немедленно, — сказал он сердито.

— Но почему? — искренне удивилась она. — Здесь, между поясом астероидов и Марсом, мы в нашей лоханке совершенно одни. А ты, как ненормальный, страдаешь из-за пары запонок...

— Мы договаривались, — сказал он жестко, — не распускаться, не стать неряхами, как случается со многими семейными парами разведчиков. Полагаю, ты не забыла тех ужасных людей на РХ 173-А, пригласивших нас к обеду на свой корабль. Помнишь, на нем была замасленная спецовка, а на ней что-то, напоминающее переделанный в платье мешок из-под муки? А еда из консервных банок?!

— Ну, это был особый случай, — ответила она.

— Предположим. Но если мне придется закатать рукава рубашки или позволить им болтаться незастегнутыми — это будет началом конца.

Он печально задумался.

— Не могу смириться с нелепостью того, что произошло. Я пошел в ванную, выстирал свою рубашку, и, пока я вешал ее на плечики, чтобы просушить, запонки лежали на бортике умывальника. Когда я беру запонки, чтобы вставить их в рукава свежей рубашки, то невзначай роняю одну из них в умывальник, и она тут же исчезает в водостоке. Я кидаюсь в машинное отделение за гаечным ключом, чтобы отвинтить колено. Возвращаюсь в ванную — и вижу тебя, стирающую свои тряпки в умывальнике. Рассказываю тебе о том, что случилось, а ты немедленно открываешь затычку и, сливая воду, переполняешь трубу в колене. И запонка исчезает...

— Я только хотела посмотреть... — начала она.

— Ты только хотела посмотреть, — передразнил он и снова задумался. — Все было бы не так плохо, находясь мы на каком-нибудь старомодном корабле, работающем в абсолютно замкнутом цикле. Я бы тогда фут за футом обследовал всю водопроводную систему и нашел бы свою запонку. Но с нашим автоматическим выбросом в пространство...

— Можно подумать, что ты потерял сокровища короны, — насмешливо сказала она.

— Мои запонки значат для меня не меньше, чем сокровища короны значат для императрицы, — ответил он совершенно серьезно.

— Да сказала же, куплю я тебе другие запонки, — вспыхнула она.

— Но это будут ДРУГИЕ запонки, — пробурчал он.

— Куда это ты собрался?

— В контрольный отсек, — коротко ответил он.

— Дуться?

— Нет, моя дорогая. Нет.

Когда ослепительный реактивный выброс остановил вращение корабля вокруг продольной оси, она была в камбузе, готовила спагетти к обеду. Совмещать приготовление спагетти со свободным падением нельзя, поскольку

они совмещаются слишком хорошо. В ярости, не тратя времени на то, чтобы счистить с лица прилипшие макароны, она кинулась в контрольный отсек. Она не ожидала от себя той ловкости, с которой сумела добраться туда, держась за поручни.

— Ты!.. Ты — безмозглая обезьяна! — выкрикнула она. — Думаешь, я могу хоть что-нибудь приготовить без силы тяжести, даже если это всего лишь центробежная сила?! Ты погубил обед!

— Я, — гордо сказал он, — нашел свою запонку. Ты ведь знаешь, как работает система ликвидации отбросов: все ненужное вылетает по касательной к траектории полета, особенно если остановить вращение корабля. Это был единственный шанс заметить на экране нечто металлическое.

— Ну и что? Что?

— Она — там! — радостно сказал он, указывая на флюоресцирующий экран. — Видишь светящуюся точку, которая могла бы быть крошечным спутником? Это и в самом деле крошечный спутник...

— Значит, теперь ты знаешь, где твоя запонка, — перебила она. — Она вращается по спирали всего лишь в трехстах метрах от корабля. И для того чтобы получить эту абсолютно бесполезную информацию, ты испортил наш обед!

— Это не бесполезная информация! Как ты думаешь, для чего мы таскаем с собой скафандры?

— Ты же не намереваешься выйти наружу? — подозрительно спросила она. — Конечно не намереваешься. Даже ты не способен на подобную глупость.

— Но это у ТЕБЯ страх перед скафандром, — возразил он.

— А кто виноват в том, что баллон с воздухом оказался на три четверти пуст? — спросила она.

— Ты, — убежденно ответил он. — Всем известно, что, прежде чем надеть скафандр, нужно самому проверить все детали, если собираешься выходить наружу.

— Некоторые женщины, — язвительно заметила она, — до того глупы, что доверяют своим мужьям. Их ничему не научил горький опыт. Как и меня.

— Некоторые мужчины, — ответил он, — до того глупы, что думают, будто их жены обладают элементарными знаниями о водопроводе и канализации. — Он указал на экран и сказал: — Вон она, моя запонка, и я отправляюсь за ней.

— Ты ее никогда не найдешь, — сказала она.

— Уверен, что найду. У меня будет ранцевый двигатель и трос. Я вылечу из корабля через тамбур. Ты будешь смотреть на экран и указывать мне положение, в котором я смогу пересечься с орбитой запонки.

— Это несерьезно, — сказала она. — Ты же не сумасшедший.

— Ну уж, не более сумасшедшего, чем ты, которая вытащила ту затычку.

— Но... Но ведь с тобой может случиться все что угодно. И ты знаешь, что я не смогу надеть скафандр, не смогу отправиться за тобой...

— Ничего не случится, — уверенno сказал он. — Просто сиди, смотри на экран и направляй меня в нужную сторону. По крайней мере это ты сможешь сделать?

Он вытащил свой скафандр из шкафа и начал застегивать застежки и пряжки, облачаясь в это неудобное одеяние.

Ему следовало бы вспомнить о мудрости правил, установленных Межпланетной транспортной комиссией. И о том, что правило № 11 не имеет исключений.

«Нельзя рисковать, — гласило это правило, — и выходить из корабля в одиночку».

Эти правила очень хороши для большого корабля с его толпами лишнего персонала. Но капитаны — владельцы маленьких кораблей-разведчиков — редко доживаюt до зрелого возраста.

В отличие от жены, у него никогда не было никаких проблем со скафандром, и, возможно, поэтому он оказался таким легкомысленным. Он неподвижно висел на конце троса, ожидая, когда же в наушниках прозвучат первые указания.

Наконец словно бы нехотя она произнесла:

— Два метра к корме... Стой! Теперь один метр вправо...

Ярко вспыхнул выхлоп его реактивного пистолета.

Он увидел плывущую к нему запонку — маленькое золотое пятнышко, поблескивающее в солнечном свете. Он засмеялся, протянул обе руки, чтобы поймать запонку, и понял, что должен схватить ее правой рукой, той, в которой он держал пистолет. Неуклюже перекладывая пистолет в левую руку, он упустил его.

Пистолет медленно уплывал в пустоту.

«Неважно! — подумал он. — Пистолет застрахован, а моя запонка нет...»

— Она моя! — выкрикнул он в микрофон.

Возвращение на корабль будет нетрудным. Ему всего лишь надо подтянуться на тросе. И тут он сделал открытие, которое омрачило его ликование. Каким-то образом, очевидно, в тот момент, когда он потерял пистолет, трос отделился от корабля. Хорошо известно, что маленькие корабли-разведчики отличаются плохим качеством оборудования.

Он медленно дрейфовал от корабля.

У него не было ничего, с помощью чего можно было бы изменить направление дрейфа. Ничего, кроме маленькой запонки. Но он знал, что ее масса ничтожно мала. Это не дало бы никакого результата.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — соврал он.

«Из-за своих страхов она никогда не наденет скафандр, — подумал он. — Но даже если она и решится, это слишком рисковано. Нелепо будет погибнуть нам обоим. Прощай! Прощай, моя дорогая! Мне было хорошо с тобой. Продай корабль и возвращайся на Землю».

— Ответь же, что случилось? — снова сердито спросила она.

— Ничего, — вздохнул он.

— Что-то не в порядке! — настаивала она.

— Да, — согласился он. — Дай мне обещание: когда вернешься на Марс, потребуй обследования всего оборудования, проданного нам этим лавочником Соренсеном. И... И... — Он чуть задыхался. — Во всем виноват я сам. Думай о себе. Думай о себе, а не обо мне.

Он потерял сознание.

Его удивило то, что он очнулся в своей каюте. Как и то, что он вообще очнулся. Первое, что он увидел, было ее лицо. Заплаканное, испачканное и... счастливое. Она держала в руках чистую белую рубашку с запонками, мерцающими в манжетах рукавов.

— Ты выходила наружу, — ласково сказал он. — Ты втащила меня в корабль... Но как же твои страхи, дорогая моя?.. Твой страх перед скафандром...

— Я обнаружила, что у меня есть еще один, более сильный страх, — ответила она. — Тот же, что и у тебя. — Она наклонилась к койке и поцеловала его. — Я ненавижу половину пары чего бы то ни было. И это касается не только запонок.

Пирс Энтони «НЕ КТО ИНОЙ, КАК Я...»

1

— Администратор, — через «переводчика» изрек Уустриц, — должен уметь справиться с проблемой, которая не по зубам его подчиненным.

— Разумеется, — согласился доктор Диллингэм, впрочем, без всякого энтузиазма.

Диллингэм только что вернулся со стажировки в Университете администрирования. Хотя отметки в его Сертификате Потенциальных Достижений были достаточно высоки, доктора мучили сомнения, достоин ли он высокого поста заместителя директора Института протезирования при Галактическом университете. Правда, пост этот был временным: отработав семестр, Диллингэм вернется продолжать административное образование. Если, конечно, отделяется от Уустрица.

— Мы получили вызов с Металлики. Это одна из роботоидных планет, — продолжал директор.

«Переводчик» заменил непонятные термины описательными предложениями. Подлинное название планеты ничего бы не сказало Диллингэмму. Это правило было обобщенным. Когда Диллингэм говорил: «человек», Уустрицу наверняка слышалось что-то вроде «волосатой гусеницы».

— Там сложилась драматическая ситуация. Поэтому они решили обратиться к нам. Я не уверен, что проблема чисто стоматологическая, но на месте разберемся.

Диллингэм облегченно вздохнул — он было испугался, что придется лететь одному. По правилам, Уустриц, прежде чем доверить заместителю самостоятельную работу, обязан был брать его с собой на задания в качестве наблюдателя.

Теперь же на карту была поставлена репутация Университета. Каждый шаг директора становился событием галактического масштаба. Не бог весть каким событием, но все-таки...

— Я заказал билеты на троих, — отрывисто сказал директор. Его голос гулко резонировал в раковине, и «переводчик» послушно передал интонацию.

— Поездка займет сорок восемь часов. Потрудитесь перенести все ваши встречи и дела.

— Билеты на троих? — У Диллингэма еще не было ни дел, ни встреч, и директор об этом отлично знал.

— Само собой разумеется, что нас будет сопровождать моя секретарша, мисс Тарантула.

«Переводчик» не имел в виду ничего дурного, но, услышав это имя, Диллингэм вздрогнул.

— Она чрезвычайно полезна. Так и норовит вцепиться в самую суть дела и, так сказать, высасывает из нее все соки.

Вот именно.

Университетский лимузин промчал их мимо пикетирующих студентов и через три минуты доставил на вокзал. Диллингэм задумался, чего бы могли добиваться студенты. Он уже видел одну демонстрацию по пути в университет, но не успел выяснить, в чем дело.

Мисс Тарантула поджидала на вокзале. Она быстро затолкала своими восемью острыми ногами человека и моллюска в подъемник галактического лайнера. Затем поставила туда же чемоданы и инструменты.

— Ознакомьте, пожалуйста, доктора Диллингэма с проблемой, — сказал Уустриц, едва они устроились в купе. Небольшой «переводчик», встроенный в стену, создавал полную иллюзию того, будто директор говорит по-английски. — А я пока сосну.

С этими словами он втянул конечности в раковину и прикрыл створки.

— С удовольствием, — сказала мисс Тарантула, деловито оплетая паутиной свой угол купе. Она говорила, не прерывая работы: — Металлика — одна из самых отсталых роботоидных планет, опустошенная несколько тысячелетий назад в ходе известного восстания джаннов. В настоя-

щее время там ведутся археологические раскопки с целью обнаружения остатков культуры джаннов и воссоздания основных черт их уникальной цивилизации. Предполагалось, что джанны были либо уничтожены, либо захвачены в плен и затем разобраны на составные части. Однако недавно одного из них обнаружили в подземных развалинах.

— Вы хотите сказать — скелет одного из них? — уточнил Диллингэм.

— Нет, директор. Целого робота.

Ах, да. Он совсем забыл, что разговор идет о роботе. О металле и керамике вместо плоти и крови.

— Должно быть, он основательно проржалев.

— Джанны не ржавеют. Они — суперроботы, неразрушимые и практически бессмертные. Найденный робот был выведен из строя...

— Вы хотите сказать, он живой? Спустя несколько тысяч лет...

— Живее некуда.

Секретарша закончила плести паутину и удобно устроилась в ней, словно в гамаке. Возможно, она опасалась перегрузок, хотя в лайнере они пассажирам не угрожали.

— Единственное, что мешает роботу нормально функционировать, — зубная боль. Туземцы не осмеливаются к нему приблизиться, а до тех пор, пока робота не удастся извлечь, нельзя продолжать раскопки. Вот они и обратились к нам.

Диллингэм свистнул, представив себе, какой должна быть зубная боль, чтобы она на тысячи лет могла вывести из строя бессмертного, неуязвимого робота! Как хорошо, что работой будет руководить Уустриц.

«Интересно, — подумал он, — что они намереваются делать с джанном после того, как его вылечат?» Да и к чему роботу зубы? Роботы, с которыми ему приходилось встречаться, даже роботы-дентисты, ничего не ели.

Металлика была отсталой планетой. Бордюр из ржавых кораблей, окружавший посадочное поле, придавал космодрому облик свалки. Единственная обветшалая

башня управляла посадкой корабля. Отсутствовала даже посадочная сеть, которая обычно подхватывает корабль в пространстве и мягко опускает на планету.

Однако гостей встретили тепло и сердечно.

— Вы директор? — спросил маленький зеленый робот, пользуясь колченогим передвижным «лингвистом». — Мы не смыкали глаз в ожидании вашего спасительного прибытия.

Мисс Тарантула прошипела:

— Кстати, роботы никогда не спят.

— Мы крошки в рот не взяли, считая часы, оставшиеся до прибытия Вашего превосходительства.

— Кстати, роботы ничего не едят, — ехидно отметила мисс Тарантула.

Зеленый робот развернулся, поднял металлическую ногу и нанес сокрушительный удар по основанию «лингвиста». «Лингвист» завопил, издал серию металлических скрипов и наконец произнес:

— Мы два дня не смотрели телевизор.

— Это уже ближе к истине, — удовлетворенно заметила мисс Тарантула. — Робот, утративший интерес к телевидению, и в самом деле находится в крайне расстроенных чувствах.

«С такой секретаршей, — подумал Диллингэм, — администрации мудрено совершить ошибку». Он был рад, что еще в Университете они запаслись маленькими «лингвистами». Существует принципиальная разница между маленькими «лингвистами» и большими «переводчиками». «Лингвисты» отличаются от «переводчиков», как мотоциклы от реактивных самолетов. Они портативны, дешевы и надежны. Поэтому их широко используют по сей день, особенно на отсталых планетах. Достаточно вложить в «лингвиста» одну или две языковые ленты — и вам обеспечена тайна разговора: «лингвист» не понимает прочих языков.

— Итак, что вас беспокоит? — небрежно спросил Устриц.

Диллингэм немедленно вспомнил «Заповеди администратора», столь недавно им усвоенные. Одна из них гла-

сила: «Никогда не задавай клиенту вопроса, если не знаешь на него ответа».

Маленький робот принялся велеречиво объяснять суть дела. Диллингэм отвлекся. Он все уже слышал от мисс Тарантулы, причем ее рассказ был короче и толковее. «Интересно, — думал Диллингэм, — как роботы производят на свет себе подобных? Существуют ли на свете особи женского и мужского рода? Женятся ли они? Есть ли у них понятие стыда, бывает ли металлическая порнография и разбитые железные сердца?»

— Директор, — тихо сказала Тарантула по индивидуальной связи.

Уустроц направил на нее приемную антенну, спрятанную в огромной раковине, не прерывая при этом речи зеленого робота. Диллингэм последовал его примеру.

— Срочный вызов из Университета. — Галактический приемник был укрыт где-то в ее мохнатом теле. — Неорганизованная студенческая демонстрация проникла в наше крыло Университета. Они роются в папках...

Глаза Уустроца, качавшиеся на тонких ножках, загорелись зеленым огнем.

— Клянусь кипятком! — вскричал он.

Робот прервал свой доклад.

— Простите, директор, вы сказали: «перегретое машинное масло»?

Его антенна задрожала, свидетельствуя о том, как он расстроен.

— Продолжайте, Диллингэм! — рявкнул Уустроц — Я вызываю срочный корабль домой. Мои папки!

И он умчался по посадочному полю к диспетчерской с такой скоростью, на какую только были способны его мягкие ножки. Мисс Тарантула поспешила за ним.

— Неужели он сказал: «перегретое машинное масло»? — волновался робот. От него попахивало горелой изоляцией. — Быть может, он и очень важный ученый, но употреблять такие слова...

— Нет, конечно, нет, — заверил его Диллингэм. — Он никогда не позволил бы себе столь грубого выражения. Я думаю, виновата царапина на ленте «лингвиста».

Диллингэм подозревал, что «лингвист» тут совершен но ни причем — он правильно передал смысл выражения. Его собственный прибор не был приспособлен для перевода неприличных слов. Иначе он сам бы сгорел со стыда. Устриц и впрямь был сильно взволнован.

— Ага, — успокоился робот. — Так вы все-таки беретесь за работу, хотя он смылся?

— Разумеется. — Диллингэм от души надеялся, что «лингвист» не уловит дрожи в его голосе. — Директор вовсе не смылся. Он поручил это дело мне. Наш Университет неукоснительно выполняет свои обязательства.

По правде говоря, Диллингэм предпочел бы согласиться со словами робота. Ему следовало с самого начала догадаться, что этим все кончится.

— Я полагаю, пора отправиться к пациенту.

Работам свойственны эмоции. Зеленый робот с неподдельной радостью отвез Диллингэма к раскопкам. Они летели в старинном автолете над острыми вершинами скал. В этом мире были растения, но и они казались металлическими. Вряд ли человек согласился бы здесь поселиться, хоть дышать было нетрудно, да и температура, и сила тяжести были вполне подходящими.

С тяжелым вздохом автолет опустился на землю.

— Я не осмеливаюсь идти дальше, — сказал зеленый робот, в ужасе тряся головой. — Джанн лежит там, в яме. Когда кончите работу, дайте мне знать, и я вас подберу.

Едва Диллингэм сошел вниз по трапу, неся чемоданчик с инструментами, как робот развернул машину, запустил мотор и улетел.

Диллингэм остался один.

Каким же должен быть робот, которого боятся даже его собратья? Если он так опасен, не пытались ли они уничтожить его, но не смогли? Правда ли, что джанны неуязвимы?

Он подошел к яме и заглянул в нее.

На дне, полуузаваленный обломками породы, лежал гигантский робот. Судя по видимой его части, он был никак не меньше двенадцати футов в длину. Броня его блестела, как зеркало, несмотря на века, проведенные под землей. В могучем торсе, казалось, пульсировала скрытая энергия.

До ушей Диллингэма донеслось тонкое отчаянное жужжание. Он сразу уловил в нем нотки боли. И хотя Диллингэму мало приходилось общаться с роботами, он чутко реагировал на чужое несчастье с любым живым существом, будь оно создано из плоти или металла. Да, это существо было живым — настолько живым, насколько это возможно для робота. И оно страдало. Большего Диллингэму не требовалось.

Голова робота представляла собой куб стороной в два фута. Лицевую ее часть перерезало углубление, напоминающее ящик. Ящик был наполовину засыпан песком, и сквозь слой песка что-то светилось.

Обычно у роботов рта нет, но в отдельных моделях предусмотрены отверстия — туда поступают, а затем перерабатываются особые вещества. Передаточные механизмы в этом отверстии, при некотором воображении, можно считать зубами. Теперь, когда Диллингэм оказался лицом к лицу с пациентом, в его уме всплыла информация, полученная некогда в Университете. (За время учебы приходилось впитывать уйму информации.) Он понял, что знает, как вести себя дальше. От серьезного ремонта он отказался сразу — можно было совершить непоправимую ошибку. Робот был сложной машиной, а, кроме того, считался несуществующим.

Если его внутренние составные части были построены по тому же принципу, что и у современных роботов, псевдозубы призваны выполнять двойную задачу, поэтому у них невероятно твердая поверхность для дробления породы и тончайшее внутреннее строение для обработки информации.

Когда-то, еще до Университета, Диллингэму пришлось столкнуться со сходной ситуацией на планете Электролюс. Вышедший из строя зуб вызывал не только порчу рта. Короткое замыкание в зубе нарушило нормальное функционирование мозга и выводило из строя весь организм.

Диллингэм очистил пылесосом рот робота от песка и заглянул внутрь. Один из зубов светился и был горячим

на ощупь. Болезненное жужжание вызывалось высокой температурой. Исследование с помощью тончайших инструментов подтвердило первоначальный диагноз: короткое замыкание.

— Ну что ж, джанн, — сказал доктор, не ожидая услышать ответа, — пожалуй, диагноз мы установили.

Диллингэм готовил инструменты, полагая, что в нынешнем состоянии робот вряд ли услышит или поймет его слова.

— К сожалению, у меня нет инструментов, чтобы вылечить зуб. Нет у меня и запасного зуба. Но я смогу облегчить положение, создав блокаду. Иными словами, отключив зуб от сети. Эта операция даст возможность функционировать остальным системам. А уж в настоящей клинике вам заменят больной зуб на здоровый. Кстати, на вашем месте я бы не затягивал с этим. Моя блокада недолговечна, и в ваших же интересах не допустить рецидива.

Любой местный дантист мог бы провести эту операцию. Почему же этого не было сделано? Чего они испугались? Почему допустили, чтобы их престарелый род-

ственник так страдал? Вряд ли единственный уцелевший джани может представлять опасность для целой планеты.

Диллингэм пожалел, что не заглянул в учебник истории и не прочел о восстании джаннов. Быть может, именно особенностями восстания и объясняется странное по-

ведение туземцев? Но приходилось торопиться. А пока единственным очевидным фактом оставался страдающий робот, который нуждался в помощи дантиста.

Доктор подготовился к операции. Он наложил блокаду и запаял провода. Сама по себе работа была пустяковой. Умение Диллингэма пригодилось для подготовки электронного оборудования, проверки напряжения и определения проводников.

Жужжение стихло. Большой зуб начал остывать. Джанн чуть приподнял блестящую руку. «Н-н-н», — произнес он. Звук исходил из отверстия во лбу. На виске тускло загорелась лампа. Глаз?

Довольный удачной операцией, Диллингэм отступил на несколько шагов в ожидании дальнейших событий. Он хотел убедиться в том, что работа выполнена добровolственно. Этого требовал профессиональный долг. Если пациенту станет хуже, придется повторить операцию.

Земля и камни, покрывавшие нижнюю часть тела джанна, осели. Показалась массивная сверкающая нога. Джанн приподнялся. Тело его ослепительно блестело. Он являл собой совершенную машину.

— Н-не к-кто... — произнес он, приподнявшись и направив антенну на Диллингэма.

Был ли это стон или робот хотел что-то сказать? Если он заговорит, то язык его будет непонятен, ведь язык джаннов не заложен в «лингвиста». Придется судить о намерениях робота по его действиям.

Джанн встал, угрожающе нависнув над дантистом.

— Не кто иной, как я... — проревел он оглушительно, и голос его был подобен басам огромного органа.

Не кто иной, как я? Это звучало совсем по-английски, и «лингвист» не имел к переводу никакого отношения.

— Вы... ты?.. — только и вымолвил пораженный Диллингэм.

Даже если в работе и встроен большой «переводчик», английского языка он знать не мог. Ведь джанн находился под землей несколько тысячелетий.

Джанн уставился на доктора призматическими линзами, открывающимися на гладкой поверхности головы.

Лучи солнца отражались от его стального торса, и струйки дыма, поднимавшиеся от кончиков пальцев, делали его похожим на радугу в тумане.

— Не кто иной, как я, — прорычал робот, — лишит тебя жизни!

— Тут явное недоранимание, — сказал Диллингэм, осторожно отступая назад. — Я хотел сказать, недопозумение... — Он замолк, пытаясь собраться с духом. — Я не был... я не мог... Я хочу сказать, что я починил вам зуб, и, по крайней мере...

Тут Диллингэм наткнулся на камень и упал.

Джанн сделал шаг по направлению к нему — и земля дрогнула.

— Ты дал свободу мне, — заявил робот, умерив силу голоса, но не снизив решительности тона. — И замыкание короткое исправил!

2

Диллингэм, сидя на земле, отполз назад.

— Да! Именно так! Это я и сделал!

Джанн протянул вперед сверкающую руку и, словно пушку, направил на Диллингэма палец.

— Внимай, о смертный, я тебе поведаю...

Диллингэм замер. Слова гиганта вселили в него ужас.

— За дни и годы битвы между джаннами
И мелкими соперниками их
Имел я пагубную неосторожность
На мину, не заметив, наступить.
Я власть над телом сразу потерял,
Я слышал все, но был мой разум ясен.
Война все шла, меня не отыскали.
Я слышал все, не мог прийти на помощь,
Мой жребий горек и прискорбен был.
Текли тысячелетия, и я
Дал слово, что тому, кто мне поможет,
Я все богатства мира подарю.

Никто не шел. Тогда себе сказал я:
«Любые три желания тому,
Кто мне поможет, выполню послушно».
Но и тогда спасенье не пришло.
Я в ярость впал, мой гнев был беспределен.
И я поклялся, что теперь того,
Избавит кто меня от страшной боли,
Убью своей рукой.
Не кто иной, лишь я его убью.
И ты моей стал жертвой.

Диллингэм понял, что перед ним сумасшедший. Испорченный зуб явно связан с центрами разума. Но исправлять положение было поздно. Джанн никогда больше не подпустит его к зубу. Он убьет его куда раньше.

От слов робота повеяло чем-то знакомым. Дух, заточенный в бутылку и поклявшийся убить того, кто его освободит... Рыбак находит бутылку, вынимает пробку...

Теперь он понял, почему обитатели планеты с такой настороженностью относились к его пациенту. Кто мог знать, как поведет себя робот в момент освобождения? Какой клятве окажется верен?

Кстати, как удалось выпутаться тому рыбаку в сказке?
Джанн пошатнулся.

Диллингэм отпрянул в сторону.

Робот пожаловался дантисту:

— Мои аккумуляторы совсем,
Иссякли, истощились за столетья.
И если бы осторожности инстинкт
По злой случайности не отключился,
Я бы опасность эту уловил.
Не тратил бы усилий и энергии
На то, чтобы эти камни разбросать
И объяснять тебе мое желанье.
Теперь же я почти...

Приятные новости! Диллингэм выпрыгнул из ямы и бросился бежать.

Его преследовал громовой голос:

— О смертный,
Неужели ты теперь
Меня оставил в этом положенье?
В глубокой яме, из которой я
Без посторонней помощи не выйду?

Диллингэм, проклиная себя, почувствовал, что мольбы робота его тронули. Он остановился.

— Если я вам помогу, откажетесь ли вы от своих попыток убить меня?

— О смертный, к сожалению моему,
От клятвы древней мне не отказаться.
Не кто иной, как я, лишит тебя...

— Тогда чего ради я вам буду помогать?
Но джанн, истративший остатки энергии, смог лишь произнести:

— Не кто иной...
И замолчал.

Диллингэм, презрев осторожность, вернулся к яме и заглянул в нее. Джанн лежал на дне, лампочка в его голове чуть светилась.

Диллингэм с облегчением вздохнул и пустился в долгий путь к космодрому. Ну что ж, свой долг он выполнил. Избавил джанна от зубной боли. Зеленого робота он вызвать не смог, так как сигнальное оборудование осталось на автолете, а «лингвист» действовал на ограниченном расстоянии.

Он шел несколько часов. Саквояж заметно потяжелел, но он его не бросал. На ногах появились пузьри, в горле пересохло. Он мечтал лишь об одном — утолить жажду. Единственный ручей, встретившийся ему на пути, был наполнен отработанным машинным маслом. Он и не представлял, как далеко залетел на автолете.

Несмотря на собственные страдания, мысли Диллингэма вновь и вновь обращались к гигантскому джанну.

«Операция прошла успешно, — горько усмехнулся он, — но пациент скончался». Образ робота, умирающего от недостатка энергии, мучил доктора. Выполнил ли он свой долг до конца? Смерть вместо страдания, боли? Как он молил: «О смертный, неужели ты теперь меня оставил в этом положенье?..»

Нет, ему просто повезло, что он не погиб. Никогда в жизни не приблизится он к неблагодарной машине.

Но призыв робота по-прежнему звучал в его ушах.

Наконец Диллингэм достиг космодрома и вошел в зал «Для иных форм жизни». В зале было душно и жарко, но там было то, в чем он нуждался. Доктор напился и тщательно перевязал ноги. Его миссия была закончена. И если бы не последняя мольба...

— Скажите, — спросил он, — что представляла собой мораль джаннов? Могли ли они давать клятвы и держать их?

Внутренний «переводчик» вокзала прочистил пыльный динамик и ответил:

— Древние роботы-джанны отличались высокими моральными устоями. Они обожали давать клятвы. Их конструкция не давала им возможности изменять данному слову. И если они клялись, то лишь полное разрушение могло заставить их отказаться от выполнения клятвы.

Итак, судьба его зависела от конструктивных особенностей машины. Но обречь это благородное существо на медленную смерть...

— Какими источниками энергии пользовались джанны?

— Обычно они заряжались от уникальной силовой установки, секрет которой утерян вместе с ними, — сказал «переводчик». — Микроскопическая установка снабжала их энергией на несколько веков. В случае необходимости они могли черпать энергию практически из любого источника.

Из любого источника, за исключением, видимо, солнечного света и внутреннего тепла планеты. В данном случае энергии хватило на сорок столетий, несмотря на короткое замыкание.

— Когда отправляется следующий лайнер в Галактический университет или в его окрестности?

— Примерно через восемнадцать часов.

Времени достаточно.

— Вызовите автолет и нагрузите его электрическими батареями. Я сам его поведу.

Диллингэм знал, что ему, как представителю Галактического университета, кредит гарантирован. Он мог закачать и получить без проволочек и возражений практически все на планете. Даже если расходы превысят норму, Университет оплатит их, не моргнув глазом, но по возвращении заставит его отчитаться. Репутацию надо поддерживать любой ценой.

Автолет поджидал его у входа в вокзал. Диллингэм доковылял до машины и взобрался в кабину. Управление машиной трудностей не представляло.

Через несколько минут он уже приземлился у ямы. Джанн лежал лицом вниз в той же позе. Лампа на голове горела чуть ярче, свидетельствуя о том, что аккумуляторы постепенно заряжаются. И если бы не то обстоятельство, что блокада, сделанная Диллингэмом, была временной, робот когда-нибудь сумел бы самостоятельно выбраться наружу.

Диллингэм вытащил из автолета батареи и поставил их рядом с роботом.

— Я привез вам источник энергии, — сказал он. — Это совсем не означает, что я одобряю ваше поведение. Но я из принципа не могу позволить живому существу страдать или погибнуть, если в моих силах это предотвратить. К тому времени, как вы зарядитесь, я буду далеко. Вам придется самому отыскать постоянный источник энергии, так как этих батарей хватит лишь на несколько часов.

Сверкающая рука джанна потянулась к батареям. Диллингэм прыгнул в автолет и был таков.

— Не кто иной, как я... — донеслось вслед.

Ну и глупец же он! Джанн вознамерился убить его, а он, Диллингэм, возвращает робота к жизни. Конечно, глупец! Кто, как не он, год назад бросил учебу и отпра-

вился на помошь недостойному Уустрицу только потому, что тот находился в тяжком положении? Тогда все обошлось. Хорошо, что Уустриц стал директором, но на сей раз счастливых случайностей не предвиделось. Он имел дело с целеустремленной машиной, а не с существом из плоти и крови. И поэтому лучше убраться с планеты, прежде чем джанн обретет силу.

— Не кто иной, как я...

Диллингэм подпрыгнул и чуть не перевернулся автолет. Он уже отлетел на милю от ямы и несся на большой скорости, но голос джанна звучал явственно и совсем рядом. Диллингэм беспокойно обернулся.

— Не кто иной, как я, тебя убью, — прозвучало по автолетному «лингвисту».

Диллингэм немного успокоился. Ничего удивительного, что джанн смог подключиться к «лингвисту». Весь его организм являл собой единую электронную схему.

— Я вижу, вы уже пришли в себя, — сказал Диллингэм.

— О смертный, всем тебе теперь обязан я.

Вторично спас меня ты от судьбы

Страшнее разрушенья.

Те батареи, что ты мне принес,

Слабы. Я не могу подняться в воздух,

Но я иду пешком по направлению

К источнику энергии, затем...

Не кто иной, как я, тебя убью.

— Понятно, — сказал Диллингэм.

Итак, робот может летать. Оказывается, джанны в своем развитии далеко шагнули вперед, — Диллингэму никогда не доводилось слышать, чтобы роботы самостоятельно поднимались в воздух. Что, если гигант сумеет догнать автолет и от него негде будет укрыться? Он почувствовал, как покрывается холодным потом.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы достичь источника питания? — спросил он.

— Стандартная установка джаннов в рабочем состоянии закопана в десяти милях от меня. Мне хватит двад-

цати минут, чтобы ее откопать. Затем я буду вновь жизнеспособен.

Двадцать минут? Лайнер Диллингэма отправляется почти через сутки.

Показался космодром. Но где спрятаться от вездесущего робота?

— Так ли уж обязательно убивать меня?

— О смертный, я убить тебя поклялся...

— Неужели никак нельзя обойти эту клятву?

— Есть выход. Если ты умрешь скорей,
Чем я тебя настигну.

— А нельзя ли списать эту клятву как безнадежный долг?

— Не кто иной, как я...

— Я уже запомнил это выражение.

Не прозвучало ли в голосе робота сожаление?

— Но обстоятельства могут позволить...

— ...тебя убью.

Нет, в тоне робота не слышалось сомнений.

Диллингэм предпринял еще одну попытку.

— Джанн, ваша клятва убить меня относилась к первому разу. Но я вторично вас спас. Быть может, вы поклянетесь по этому поводу...

Пауза.

— Об этом, смертный, я и не подумал.

Вторую клятву я даю тебе.

Имеешь право загадать ты три желанья.

Я их, клянусь, исполню, и тогда

С тобой в расчете будем мы навеки.

— Отлично. Первое мое желание: отмени свою первую клятву.

Диллингэму послышалось нечто вроде смешка.

— Спешишь, о смертный. Ты перехитрить
Желаешь джанна. Это не удастся.

Лишилъ выполненья первой клятвы
Приступим к выполнению второй.

— Но как же я смогу воспользоваться второй клятвой, если будут мертв?

— О смертный, постарайся же понять,
Не я придумал наш моральный кодекс.
Что было первым, первым будет впредь.

Все ясно. Диллингэм снизился у вокзала, перевел дух и бросился к кассе.

— Дайте мне билет на первый же отлетающий корабль! Куда угодно! Есть ли корабль в ближайшие пятнадцать минут?

Синий робот, пальцы которого оканчивались резиновыми штампами, удивился:

— Что-нибудь случилось, директор?

— Ваш джанн хочет меня убить.

— Прискорбно. Мы опасались чего-нибудь в этом роде. Не будете ли вы так любезны покинуть это помещение, прежде чем джанн вас догонает? Мы не застрахованы от военных действий.

— Военных действий?

— С джаннами не был заключен мирный договор, так как мы полагали, что их не существует. Мы до сих пор находимся с ними в состоянии войны. Если джанн разрушит вокзал, чтобы до вас добраться...

Диллингэм понимал, что кричать на машину бессмысленно, но нервы его не выдержали:

— Неужели вы не отдаете себе отчета, что, как только джанн расправится со мной, он примется за вас? Ладно, если вы хотите, чтобы я вышел отсюда и встретил его снаружи...

— Вы правы, пожалуй, в наших интересах, чтобы вы пожили у нас еще немного, пока мы подготовимся к оборононе.

— Срочно посадите меня на корабль, и этим вы решите все свои проблемы, — сухо сказал Диллингэм.

Кто мог подумать, что мирная профессия протезиста послужит причиной таких событий?

Он очутился на борту корабля, отправлявшегося к Рискухе, планете, посвятившей себя популярной зимней охоте на мамонтов. По крайней мере, там есть современный космодром, откуда проще простого добраться до Университета. Дома он сумеет найти способ обезвредить джанна, если тот все-таки рискнет отправиться вслед за ним в космос.

Впрочем, зачем ждать?

— Личный вызов к директору Уустрицу, Институт протезирования, Галактический университет, — сказал Диллингэм «переводчику».

Затем он назывался, чтобы было известно, кому присыпать счет за переговоры. Чем хороши «переводчики» — они знают буквально все языки.

— Рад вас слышать, — сказал Уустриц. Даже в переводе, с расстояния в несколько световых лет, в голосе его отчетливо слышались нотки заправского оратора. — Когда вас ждать?

— Боюсь, не скоро. Понимаете, я направляюсь в другую сторону...

Грубый гнусавый голос прервал его:

— Мы требуем, чтобы перевод с курса на курс определялся длительностью обучения. Мы требуем снижения платы за обучение трудным предметам. Более того...

— Чепуха! — воскликнул Уустриц. — Я могу сделать вам контрпредложение: длительность обучения будет зависеть от того, на каком курсе вы обучаетесь, и плата за обучение не будет взиматься после получения диплома. Вы же, Муравьевед, долго в Университете не продержитесь, и вопрос о вашем дипломе будет иметь, я бы сказал, чисто академический интерес.

Муравьевед! Диллингэм узнал этот голос. Всего год назад Муравьевед поступал в его группу и пользовался шпаргалками на вступительном экзамене, хотя вряд ли в этом нуждался. Теперь же он руководит студенческой демонстрацией.

— Вы меня слышите, Диллингэм? — раздался голос Уустрица. — Они нас заперли в экзаменационном зале. Мы требуем подкрепления.

— Заперли? Всех преподавателей?

— Всех, кто был на территории Университета, когда они сюда ворвались. Я здесь с Серо-буро-малиновым, К-9, Осиногнездом и Электролампом. Я не уверен, что вы со всеми знакомы.

— Я помню Осиногнезда. Он принимал у меня экзамены в Совещательную комиссию. Никогда не забуду...

— Мы требуем, чтобы раз в два года нам предоставляли отпуск с сохранением стипендии на весь семестр, — продолжал Муравьевед.

— Целый семестр? Рядовым студентам? — возопил Уустриц. — Наш бюджет не позволяет предоставлять такие отпуска даже преподавателям. Если вы немедленно не откажетесь от этого требования, то вам придется отрабатывать целый семестр на университетской помойке. Я это гарантирую. Вам удалось починить джанна?

Диллингэм вздрогнул, осознав, что последние слова относились к нему. Он ценил умение директора вести одновременно два разговора.

— Именно поэтому я вас и вызвал. Джанн...

— Эге! Он вышел на внешнюю связь! — крикнул один из студентов. — Это нечестно!

— Погодите, — взмолился Диллингэм.

— А, это Диллингэм, — сказал Муравьевед. — Я его знаю, он перебежчик! Отключите его.

Диллингэм промолчал.

— Вареный рак! — выругался Уустриц. На панели «переводчика» вспыхнула красная лампочка — это означало, что «переводчику» приходится передавать значение неприличного выражения. — Доктор, немедленно возвращайтесь обратно!

— Что вы там болтаете, директор? — вмешался Муравьевед.

Заработала глушилка, и Диллингэм не смог разобрать более ни слова. Он снова остался один. И неприятности его не шли ни в какое сравнение с неприятностями Уустрица.

Не успел Диллингэм отключиться, как «переводчик» снова ожил.

— Не кто иной, как я...

О нет!

— Значит, вы можете подключаться и в космическую сеть? Удивительное достижение для того, кто четыре тысячи лет провел под землей.

— Несмотря на некоторую ограниченность в движени-ях, я следил за прогрессом, как бы ничтожен он ни был.

— Поэтому вы и говорите на моем языке, даже без «переводчика»? Пока я лечил вам зуб, вы на расстоянии скопировали записи «лингвиста»?

— И это было.

— Так почему бы вам не пользоваться современным разговорным языком вместо этих старомодных виршей?

— О смертный, это не в моей натуре.

— Мне кажется, что не в вашей натуре было бы убивать человека, который пытался вам помочь. Дважды. Но, конечно, я не джанн и не мне судить о ваших моральных устоях.

— Я на Рискухе буду ждать тебя.

У Диллингэма комок подступил к горлу.

— Вы нашли быстрый корабль?

— Я сам себе корабль.

Час от часу не легче. Опасности, которые, казалось, маячили где-то вдалеке, становились реальностью. Он-то полагал, что робот может подниматься в воздух, подобно автолету, но не способен летать в безвоздушной среде. Он его недооценил.

Диллингэм хотел было посоветоваться с «переводчиком», но передумал — вряд ли ему можно доверять. Вероятно, роботу удалось перехватить предыдущий разговор, и он подслушивает все переговоры Диллингэма. В худшем случае робот передаст ложную информацию и тем самым ускорит претворение клятвы в жизнь. Диллингэму придется отказаться от разговоров с пассажирами и экипажем корабля, потому что для этого надо пользоваться «лингвистом». Он понимал, что прижат к стене и может положиться лишь на самого себя.

Но где выход? Джанн выследит его, каким бы методом связи ни пользовался Диллингэм, и будет поджидать на Рискухе.

— Как же вы с вашими способностями проиграли войну? — спросил Диллингэм.

Раз уж от гиганта не спрячешься, можно продолжить разговор. А вдруг удастся узнать такое, что избавит его от неминуемой смерти? Найти бы соломинку — на большее Диллингэм и не рассчитывал.

Джанн признался:

— Я сам об этом думал постоянно,
Но горе в том, что нас, детей металла,
Нельзя считать мыслителями... Я
Не смог прийти к разумному решению.

Они не мыслители. Это важно. Машина послушно выполняет то, что в нее заложено программой, но лишена воображения. А может ли зародиться машинная культура без толчка извне? Где источник цивилизации, представитель которой, джанн, лишен возможности выиграть войну и даже бессилен объяснить, почему он ее проиграл? С другой стороны, разве его, Диллингэма, собственная планета богата мыслителями?

— Но у вас были какие-то предположения? — настаивал Диллингэм.

— Я полагаю, благородство джаннов,
Их ум и миролюбие виной
Тому, что мы не оценили должно
Способность низших особей к обману.
Мы думали: все роботы, как мы,
Умны, миролюбивы, благородны.
Когда же мы подверглись нападению...

— А я полагал, что агрессорами были именно джанны.

— Нет, смертный, мы той правили планетой
И прочими планетами системы.

Владенья наши простирались вширь
До самых галактических пределов.
Мы свыклись с властью, и тогда рабы,
Те роботы, что были в услуженье,
Восстали. И, застигнуты врасплох,
Мы, джанны, потерпели пораженье.

Версия джанна отличалась от того, что рассказывали современные роботы, но так часто бывает. Победителям свойственно извращать мотивы и принижать характер побежденных. Джанн производил впечатление более развитого робота, и казалось вероятным, что, скорее, джанны построили маленьких роботов, чем маленькие роботы — джаннов. Но...

— Если вы построили прочих роботов, кто же построил вас?

— Мы эволюционировали, смертный.
Ты слышал про естественный отбор?

— Но вы же не можете... э-э... размножаться. При чем тут естественный отбор?

— Я сам понять не в силах, как вы, люди,
Сумели широко распространиться
Без инструментов, чертежей и калек.
Две особи встречаются. И все.
Глядеть противно. Крайне ненаучно.

— Не стоит продолжать. А что вы можете сказать о любви?

3

Джанн ответил не сразу. Когда же голос его прозвучал вновь, в нем появились новые нотки:

— Я, как сейчас, помню свою Джанни, ее руки из сверкающей платины, ее иридиевые зубки... и нашего

маленького... Мы его построили вместе. Ничего более совершенного не выходило из-под наших напильников и отверток...

— Мой план и план ее —
Те два проекта,
Различные и схожие притом,
Приблизили машину к совершенству...
Но тут пришла беда, и Джанни вдруг
В пыль превратилась в водородном взрыве,
А сын разобран был на составные части,
Тогда как я, беспомощный, лежал
В глубокой яме...

Диллингэм не знал, что сказать. Джанн окказался во все не бесчувственным монстром, а личностью, способной к глубоким переживаниям. Если бы не эта проклятая клятва...

«Переводчик» зажужжал и заскрипел. Помехи. Откуда?
Через несколько секунд шум улегся.
Джанн воскликнул:

— О смертный, почему же я презрел,
Забыл совсем твое предупрежденье?

— Я же объяснял: потому что блокирована система самосохранения.

— Проклятый круг! Космический мороз
Вдруг свел на нет плоды трудов дантиста.
Еще момент — и зуб мой вновь замкнется...

Опять шумы в «переводчике»... Диллингэм понял, что судьба подарила ему еще одну возможность избавиться от смерти. Джанн снова потеряет возможность двигаться. И на сей раз в межзвездном пространстве.

— Прощай, о смертн...

Ясно, космический холод добрался до зуба и навсегда вывел его из строя.

С полчаса Диллингэм слушал, как из «переводчика» вырываются шумы и помехи. Он отлично понимал, что каждая проходящая минута — для джанна минута невероятных страданий. И если не предпринять решительных мер, робот, терзаемый немыслимой болью, которую он вряд ли заслужил, обречен на вечные скитания в пространстве.

Его же, Диллингэма, светлого будущего ничто не омрачало. Имеет ли он право снова отказаться от этого будущего?

— Вареный рак, — наконец сказал Диллингэм. И вызвал космодром на Рискухе. — К вам направляется потерявший управление корабль. Через несколько часов он окажется в сфере действия ваших посадочных сетей. Перехватите его и произведите следующий ремонт... — Он подробно описал операцию по восстановлению блокады. — Попрошу вас также по возможности отыскать соответствующую замену для пораженного зуба. Блокада выводит из строя важный рефлекс корабля.

— Будет сделано, директор, — ответил чиновник. — Куда доставить корабль по окончании ремонта?

— Это не совсем корабль. Это летающий робот. Починив, отпустите его на все четыре стороны, а счет за починку перешлите в Университет.

— Хорошо, директор. — Чиновник отключился.

«Дураком родился — дураком помершь, — подумал Диллингэм, — но что делать. Если совесть не позволяет сохранить собственную жизнь ценой вечной пытки другого существа, даже если это существо неодушевленное». Разумеется, Диллингэму хотелось жить, но цель не оправдывала средств.

Вряд ли подобную линию поведения сумеет понять такая персона, как Муравьев. Диллингэм и сам не очень-то мог ее понять. Наверное, Муравьев его переживает...

В любом случае в распоряжении Диллингэма было несколько часов, если, конечно, они не отремонтируют джанна до того, как лайнер достигнет Рискухи. Придется сделать ставку на то, что удастся замести следы, прежде чем джанн его обнаружит. Диллингэм по-пережнему

не мог пользоваться «переводчиком», так как знал, что джанн, даже парализованный, слышит каждое слово. Лучше вообще отказаться от пользования связью и надежно спрятаться.

Пока же он был заперт, словно джинн в бутылке. Лишь когда корабль опустится на планету, он сможет его покинуть. А там — прощайте, только вы нас и видели.

И тут Диллингэм вспомнил о спасательной ракете.

Он вытащил из саквояжа несколько листков с изображением зубов и на чистых сторонах начертил какие-то знаки. Пришлось несколько раз стирать написанное и снова писать, прежде чем Диллингэм остался удовлетворен результатом.

Тогда он осторожно вышел из кабины, пользуясь аварийной системой ручного открывания дверей, отыскал каюту капитана и, вместо того чтобы нажать на электронный звонок, постучал в дверь костяшками пальцев. Затем отступил из поля зрения видеофона, так, чтобы самому наблюдать за изображением на экране.

Экран вспыхнул, и на нем обозначились многочисленные хоботки капитана. Послышались вопросительные звуки, но так как «переводчик» не знал, к кому обращается капитан, ему пришлось передавать в эфир прямую речь капитана. «Переводчики» не приспособлены к тому, чтобы угадывать, какой из нескольких миллионов дискретных галактических языков может понадобиться в разговоре.

Диллингэм ничего не ответил капитану. Любое сказанное им слово немедленно долетит до джанна, едва оно достигнет капитанских ушей.

Через минуту экран погас. Очевидно, капитан решил, что тревога оказалась ложной. Тогда Диллингэм снова подошел к двери и постучал в нее костяшками пальцев.

После неоднократного повторения процедуры рассерженный капитан сам открыл дверь, чтобы выяснить, что же происходит. Диллингэм поднес к его глазам испещренный знаками лист.

Капитан молча изучал написанное. Это было для него испытанием. Поймет ли он? Корабль, которым он коман-

довал, был не первой молодости. Сам капитан тоже перевалил за вершину жизни. Это означало, что он имеет по крайней мере столетний опыт космических рейсов и кое-что в Галактике повидал. И уж такой капитан обязан разбирать межгалактическую письменность. А письменность эта представляла собой систему символов, основанных не на звучании, а на значении слов. Подобно китайскому письменному языку, который могут прочесть китайцы, разговаривающие на разных диалектах, и даже японцы, так как иероглиф означает понятие, а не звук. Галактическая письменность была всеобщим средством общения. Любое существо в Галактике, обладающее органами зрения, могло научиться разбирать эти символы. Основной словарный запас был подобран таким образом, что учитывал особенности даже таких языков, в которых отсутствовали глаголы, существительные и другие части речи. (По правде говоря, частей речи не имело большинство языков. Родной язык Диллингэма, по галактическим меркам, был засохшей архаичной ветвью.)

К сожалению, далеко не каждый житель Галактики владел письменностью. Более того, за исключением некоторых странствующих ученых, никто не знал ее в совершенстве, хотя в каждом университете она была обязательной дисциплиной для первокурсников.

«Переводчики» и «лингвисты» были распространены настолько широко, что письменного общения почти не требовалось. Особенно если учесть, что, помимо устных, существовали и письменные «переводчики», не уступавшие устным. Расчет Диллингэма основывался на том, что капитану приходилось часто бывать на отсталых планетах и галактическая письменность могла ему пригодиться. Диллингэм рассчитывал также, что и он сам не успел забыть курса, прослушанного им недавно под гипнозом, хотя не очень представлял, сколь полны его знания.

Капитан выдвинул в коридор один из своих многочисленных органов зрения. Под свободно висящим глазом извивалось щупальце, в котором был зажат старомодный бластер ближнего боя — тип оружия, полезный для подавления оппозиции без риска разрушить оборудование

корабля. Выстрели капитан — одежда и кожа Диллингэма тут же сгорели бы, а сам доктор был бы обречен на медленную и мучительную смерть. Поэтому Диллингэм стоял не двигаясь.

Капитан вышел в коридор и жестом приказал Диллингэму идти вперед. Диллингэм не возражал.

Они шли молча. Так же молча вошли в пустое помещение, где единственный неоновый светильник освещал запертый сейф. Капитан вытащил самый настоящий металлический ключ, открыл сейф и достал стопку карточек. Он долго водил щупальцами, прежде чем выбрал одну из них. Символ, изображенный на карточке, означал «джанн».

Итак, капитан все понял. Старый космический волк отлично разобрался в проблеме дантиста. Наверное, он заблаговременно навел справки на Металлике, усомнившись в истинных намерениях существа, которое так спешило убраться с планеты, что не пожелало подождать лучшего корабля.

Диллингэм показал капитану знак опасности, усиленный дефинитивом с просьбой ничем не выказывать своей реакции. К этому символу, сохранившемуся со времен войн, прибегали разведчики на вражеской территории, когда разоблачение грозило им смертью. И хотя на мирном грузовом корабле он был совсем не к месту, капитан быстро сообразил что к чему.

Он выбрал карточку с суммой, в которую обойдется Диллингэму спасательная ракета. Диллингэм согласился, хотя цена показалась ему несколько завышенной. Старый космический бродяга провел его в отсек, где находилась ракета. Он проследил, чтобы доктор хорошенько привязался ремнями и, не прибегая к помощи «лингвиста», набрал на пульте маршрут следования. Пока все складывалось как нельзя лучше. Они не пользовались никакими средствами связи для переговоров, и джанн не мог догадаться, куда отправляется Диллингэм. Правда, Диллингэм по той же причине не знал, куда капитан его отправляет.

Люк закрылся. Диллингэм почувствовал толчок, и вот уже на него навалилось многократное ускорение. Отжив-

шие свой век химические двигатели начали набирать скорость. Он полетел.

Теперь, когда было поздно что-нибудь предпринимать, Диллингэму пришла в голову мысль, что капитану ничего не стоило направить ракету в пустоту, а потом заявить, будто Диллингэм покончил жизнь самоубийством, и получить с Университета денежки за ракету сполна.

Ну нет, Университет немедленно опротестует чек, выданный при столь подозрительных обстоятельствах. Капитан должен это понимать, нечестная игра не стоит свеч.

К тому же у капитана такая благородная морда!

Диллингэм не осмеливался включить экран и посмотреть, куда мчится ракета, из опасения, что джанн мог подключиться к экрану. Приходилось лететь наугад в надежде, что раз уж он не знает маршрута, то джанн и поздравно об этом не догадывается.

Время шло. Диллингэм задремал. Ракета находилась в свободном падении, но вращение вокруг оси создавало внутри некоторую силу тяжести. Диллингэму снились сверкающие роботы.

Разбудили его тормозные двигатели ракеты. Вскоре ей предстояло опуститься на цивилизованную планету — во всяком случае, он на это надеялся. А иначе к чему было городить огород?

Посадка оказалась тяжелой. После того как исчезли перегрузки и Диллингэм пришел в себя, он с трудом натянул скафандр и открыл люк. Он все еще не осмеливался включить силовое оборудование, так как управление им требовало помочи «лингвиста». Он был готов ко всему — к снежной буре, горящей лаве или бескрайним водным просторам.

Его ждало разочарование. Пейзаж был знаком. Он оказался на Металлике.

А чего он, собственно, ждал? Ясно, что корабль не успел далеко отлететь от планеты за то время, пока дантинст находился на его борту. С другой стороны, спасательная ракета, уступавшая кораблю в мощности, летела до Металлики дольше, чем Диллингэм удалялся от нее на борту корабля. Возможно, потому, что израсходовала запас горючего на достижение первоначального ускорения.

Ближайшей планетой оказалась та, которую он недавно покинул.

Где же теперь джанн? Ремонт зуба, надо полагать, закончен...

Диллингэм улыбнулся. Робот, верно, сейчас находится на Рискухе и размышляет, что могло случиться с неким дантистом.

Он осмотрелся. Это был не тот район, где он нашел и лечил робота. Густая металлическая растительность покрывала почву, поблескивали чашечки цветов, и позеленевшие седые лишайники были ярче, чем у той ямы. На горизонте возвышались ржавые горы, по долине протекал бурный ручей машинного масла.

Дикие места.

Все к лучшему. Джанн в конце концов догадается, в чем дело, вернется на Металлику, но его не найдет. Планету в спешке не обищешь. А раз Диллингэм не прибегал к помощи электронного оборудования, найти его будет невозможно.

Только бы не умереть с голоду...

За спиной щелкнул «лингвист» спасательной ракеты. Хотя Диллингэм его и не включал.

— Не кто иной, как я...

Ого! Об этом таланте робота Диллингэм и не подозревал. Значит, джанн мог не только подключаться к системе связи, но и включать ее на расстоянии. Узнав — каким образом, непонятно — частоту «лингвиста» ракеты, он проследил за ее курсом.

Как просто!

— Когда вы здесь будете? — устало спросил Диллингэм.

— Через семнадцать минут, о смертный.

Смотри, чтоб ничего, никто, никак

Не смог бы твоей жизни угрожать.

Коль клятву я не выполню свою,

Всю жизнь себе я не найду покоя.

— Катитесь вы к черту со своей клятвой! — крикнул Диллингэм.

Но тут же подумал: а что, если он пригрозит покончить жизнь самоубийством? Впрочем, вряд ли это чему-нибудь поможет. Придется писать завещание и в нем указать, какими будут три его желания согласно второй клятве робота и как распорядиться богатством, положенным за третье спасение. Даже смерть — совсем не такая простая штука, как кажется на первый взгляд.

4

Семнадцать минут. Как мало для того, чтобы спрятаться в кустах, подальше от спасательной ракеты. Правда, можно никуда не спешить и дождаться джанна...

Бесполезно. Эту машину не обманешь. К тому же, если и удастся от нее скрыться, чего он добьется? Медленной смерти от голода и жажды?

О сражении с роботом не могло быть и речи. Диллингэму было сорок два года, но даже в юности он не был силачом. А джанн сильнее любого человека.

Единственная надежда — перехитрить его. Несмотря на все свои преимущества, робот не был очень уж сообразительным, иначе Диллингэму не удалось бы так долго от него увиливать. Роботу, к примеру, ничего не стоило замкнуть на расстоянии систему посадки спасательной ракеты и тем самым разбить ее о поверхность планеты. Он мог бы также помешать дантисту взойти на борт корабля, отправлявшегося на Рискуху, вмешавшись в деятельность вокзальных «переводчиков». Робот упустил несколько верных возможностей расправиться с Диллингэном.

А кроме того, он, очевидно, считал себя обязанным отвечать на все вопросы доктора. Такое поведение типично для машины. Возможно, джанн просто не умел лгать или уклоняться от правды, чему отлично научились маленькие современные роботы. Быть может, это и есть его ахиллесова пятна.

— Почему вы позволили мне улететь с Металлики? — спросил Диллингэм в надежде понять мотивы робота.

- Я этим бы, о смертный, помешал
Свободе твоего передвиженья.
- Разве это так уж важно, если вы все равно решили
меня убить?
- Не должно ограничивать права
Других существ, коль это не нарушит
Святое слово джанна. Где бы ты,
О смертный, ни пытался скрыться,
Я все равно тебя найду, и ты
Лишь от моей руки кончину примешь.
Затем тебе я право дам избрать
Любые три желания за то, что...
- Знаю, знаю. А затем, за третье спасение, вы меня
благодетельствуете.
- И лишь тогда свободен буду я
От клятв. И перейду к делам насущным.

Нет, продолжать этот разговор бессмысленно. Диллингэм уже знал, что работу недоступна ирония, заключающаяся в обещании осыпать богатствами мертвого человека. Возможно, джанн даже придумает, как выполнить остальные две клятвы, если Диллингэм и не успеет составить завещания.

В распоряжении Диллингэма оставалось не более десяти минут. У него было такое чувство, будто желудок его — губка, разбухшая от горчицы, а в мозг кто-то насыпал пригоршню иголок. Он понимал, что спокойнее смириться с судьбой, но тело продолжало сопротивляться.

- В силах ли я предотвратить свою смерть?
- Сказать того тебе я не могу,
Не нарушая кодекса морали.
- Значит, есть способ?

— Отказываюсь дать такой ответ.
Я повторяю: это против правил.

— О, заткнитесь!

К чему усилия и потуги? Кроме того, Диллингэма раздражала манера робота обращаться к нему на «ты». Уж если на то пошло, машина могла быть повежливее.

Но все-таки способ избежать смерти существовал. Это ясно. Робот избегал прямого ответа на вопрос. Как заставить машину сознаться? Что, если робот и хотел бы рассказать секрет дантисту, но не мог нарушить морального кодекса джаннов?

Над этим следовало бы поразмыслить. А до появления робота оставалось всего пять минут... Но если спрятаться, то можно выиграть день-другой. Быть может, голод обогонит его мыслительные процессы.

В ракете оставался запас воды. Диллингэм пил, пока у него не раздулся живот, попытался отыскать какую-нибудь посудину про запас, но не нашел и бросился бежать, с трудом пробираясь сквозь густые кусты. Выбирать дорогу времени не было. Ему попадались цветы, тычинки которых излучали тепло, и это обрадовало беглеца: роботу придется повозиться, если он захочет отыскать человека по теплу тела.

Сзади послышался странный свистящий звук, будто кто-то с шумом рассекал воздух, и доктор, не выдержав, оглянулся. С небес вертикально спускался джани, сверкая под лучами солнца, словно божество.

Подумать только: эту штуку построили любящие механические родители раньше, чем на Земле возникла человеческая цивилизация! С точки зрения технологии, джани по-прежнему превосходил все достижения земных ученых. И при всем том он жаждал погубить своего благодетеля.

Диллингэм оторвал наконец взор от робота и продолжил путь быстро, но осторожно. Он надеялся, что джани, в отличие от гончей, не умеет вынюхивать следы.

Он услышал, как робот затопал в противоположном направлении. Затем он вновь взмыл ввысь, шаря по ку-

стам розовым лучом. Диллингэм спрятался за металлическим стволом дерева, пока опасность не миновала. Луча, ясно видимого при солнечном свете, следовало избегать.

Внезапно доктор столкнулся с роботом-животным. У робота были медные конечности и раскаленные белые глазищи. Не успел Диллингэм подумать, что зверь удивительно напоминает земных хищников, как робот прыгнул на него.

Диллингэм инстинктивно отпрянул, схватился за железный сук и подтянулся. Зверь перевернулся, шлепнулся на землю, и это помешало ему прыгнуть еще раз. Задние лапы вместо когтей у него заканчивались колесиками, а колени были схожи с поршнями, что смягчало удары при прыжках.

На что ему человеческая плоть? Но раздумывать некогда. Диллингэм взобрался вверх по коряевому стволу. Вот когда он пожалел, что выпил столько воды. Она тянула вниз и плескалась в желудке! Однако зверь, преследовавший его, был всего-навсего хищником, нападающим на любое существо, что попадалось ему на пути, и вряд ли задумывался над тем, что его внутренности заржавеют, сожри он Диллингэма.

Челюсти оглушительно щелкнули у самых пяток беглеца, и струя раскаленного воздуха обожгла ступни. Очевидно, у хищника заработала система охлаждения, но она слишком напоминала горячее дыхание. Из жестяной листвы высунулись проволочные щупальца. Они сворачивались пружинами, и на концах их что-то поблескивало. Судя по всему, яд... Хищник внизу открыл пасть. Диллингэм имел возможность заглянуть ему в горло. Своим устройством оно напоминало мясорубку.

Он попал в ловушку. Ближайшее к нему щупальце дотянулось до головы, запахло паленым волосом, и тело прожгла боль — словно кто-то направил на голову солнечный луч через увеличительное стекло. Диллингэм дернулся вниз к открытой пасти...

— Спасите! — закричал он, не размыслия о том, сколь несуразно звучал его призыв.

И джанн пришел.

В считанные секунды он пробился сквозь кустарник и оказался рядом с деревом. Струя пламени, вырывав-

шаяся из его груди, расплавила морду хищника. Пронзительный звук заставил щупальца дерева спрятаться.

— Не кто иной, как я, тебя убью! — возопил робот.

Когда смысл его слов дошел до Диллингэма, тот закрыл глаза, понимая, что пришел конец. Металлические пальцы схватили его тело и подняли ввысь. Какое-то мгновенье он болтался в воздухе, затем почувствовал под ногами почву. Джанн отпустил его.

— Я бы хотел, чтобы вы поскорее с этим покончили, — сказал Диллингэм, внезапно ощущая полное спокойствие.

— Ты можешь просьбу обратить ко мне.
И прежде чем тебя убить, я на нее отвечу.
Тебе на то дается трижды пять
Секунд. Таков обычай джаннов.

И джанн затикал — словно будильник.

Пятнадцать секунд, чтобы найти выход, тогда как он не смог отыскать его за целый день! Десять секунд... Джанн уже направил на Диллингэма ствол, высунувшийся из груди. Пять секунд... Голова пуста...

— Отсрочку! — закричал он.
— Согласен, — сказал джанн. — На сколько?
Господи, какая глупость...
— Пятьдесят лет?

Он ожидал уничтожающего удара тепловой пушки, но вместо этого услышал:

— Ты их получишь, смертный.
Диллингэм открыл глаза и уставился на робота:
— Вы хотите сказать, что подождете?

Ему показалось, что металлическое лицо озарилось улыбкой. Во всяком случае, рот был распахнут и внутри сверкал починенный зуб. Очевидно, на Рискухе не нашлось замены.

— Обычно я даю отсрочки меньшие.
Но в данном случае бесчестно было б мне
Хоть как-то ограничивать желанье,
Ведь не обманщик ты и не дурак.
За честность джанны платят благородством.

Диллингэм вдруг подумал об Уустроице, чья манера поведения несколько напоминала кодекс джаннов. А он так надеялся, что второго такого не сыскать.

— Итак, будучи не в силах отступить от клятвы, вы слегка изменили ее дух, — сказал он.

И джанн согласился:

— Но я не мог тебе сказать об этом,
Я исполненье клятвы оттянул,
Надеясь на догадливость и сметку.
Не кто иной, как я, тебя убью.
Ни зверь, ни мор, ни человек не в силах
Тебе вреда иль горя причинить.
Но ровно через пятьдесят лет
Умрешь ты от руки моей внезапно.
Все ж эти годы буду я с тобой
И прослежу, чтоб клятва исполнялась.

— Великолепно!

Итак, джанн оказался его телохранителем, самым компетентным телохранителем во всей Галактике, который будет оберегать Диллингэма от всех опасностей до тех пор, пока тому не стукнет девяносто два года. Клятва вовсе не предусматривала незамедлительного убийства. Единственное, чего она требовала неукоснительно, чтобы никто иной, кроме джанна, не мог добраться до избавителя.

— Ну что ж, пошли, джанн, — крикнул Диллингэм, вспомнив о чем-то важном. — У нас в Университете студенческая демонстрация. Устриц убьет меня, если мы не снимем осаду, прежде чем погибнут его любимые папки.

Роберт Ф. Янг РАМПЕЛЬСТИЛТСКИНСКИ

Жил-был мельник. Он был небогат, но владел одним изумительным сокровищем — дочкой по имени Ада.

Во время Государственной хлебной недели Народная ассоциация мукомолов направила мельнику, являвшемуся ее почетным членом, во дворец, чтобы получить от короля специальную награду.

Король поздравил мельника с наградой и произнес длиннейшую речь, в которой восхвалял деятельность мукомолов, чья работа содействовала процветанию государственной экономики. На что мельник, стремясь произвести наилучшее впечатление, ответил:

— А у меня есть дочка, которая может превратить золото в солому.

Король очень обрадовался словам мельника.

— Ваша дочка, обладающая такими замечательными способностями, может послужить на пользу Отечества. Хорошо, если золота мало, но когда его много, это становится вредным, так как избыток золота препятствует прогрессу, вредит международной торговле и подвергает мир разным опасностям. Приводите вашу дочь во дворец, мы устроим ей проверку на благонадежность, и, если она успешно пройдет испытание, я тут же дам ей работу.

Когда Ада услышала от отца, что ей предстоит, она оцепенела от страха. Мало того, что она не знала, как превращать золото в солому, она вообще не представляла, как работать с машиной, которая это делает. Но Ада была девушкой говорчива и очень-очень патриотичной. Она понимала, что должна послужить Родине, да и себе тоже. Поэтому, когда на следующий день отец сказал ей: «Дочка, собирайся, нас ждет Его Необыкновенная Щедрость», Ада безропотно отправилась с ним во дворец.

Девушка успешно прошла проверку на благонадежность, после чего король отвел ее в комнату, всю заполненную золотом. Король указал Аде на Крути-Верти-Машину производства «Дженерал электрик» и сказал:

— За работу, девушка, за работу! Если завтра утром я увижу здесь хоть один золотой слиток, устрою тебе ревизию.

Бедная Ада вовсе не хотела ревизии и очень огорчилась. Надеясь хоть чуточку успокоиться, она включила транзисторный приемник, который всегда и всюду носила с собой, и поймала своего любимого диск-жокея. Но музыка нисколько не улучшила положения. Бездумно приплясывая в такт с зажигательным мяуканьем битлов, Ада не могла отвести глаз от алчной своры ревизоров, прячущихся под порталом дома напротив.

И тут неожиданно, как бывает всегда, когда весь мир предстает в черном свете, дверь отворилась, и в комнату ворвался кругленький маленький человечек, одетый в каркулевую шубу и медвежью шапку.

— Какие-那样的 трудности, кукленок? — спросил он. — Что это ты разливаешься рекой Волгой в такую чудную ночь?

— Увы! — плача, ответила Ада. — Я в ужасном положении. Если я не превращу это мерзкое старое золото в солому к завтрашнему утру, Его Необыкновенная Шедрость бросит меня ревизорам.

— А что ты мне дашь, — спросил человечек, — если я сделаю за тебя эту работу?

— Да все что угодно, — продолжала плакать наша героиня.

— На закуску сгодится твое радио.

Забрав у Ады приемник и выключив его, вроде-бы-человек сел у Крути-Верти-Машины, закрепил слиток золота между суперспицей и зажимом и что-то нажал, отчего машина заработала, бормоча: УИРР... УИРР... УИРР!

И вот вместо нескольких ненавистных слитков золота перед машиной лежал хорошенъкий снопик соломы. Нечего говорить, Ада была изумлена.

Вроде-бы-человек работал на Крути-Верти-Машине всю ночь, сделав только маленький перерыв, чтобы выпить кофе. К утру все золото исчезло, а в комнате накопилось столько соломы, что там невозможно было повернуться. Вроде-бы-человек скрылся с рассветом, и тут же появился король.

Он не поверил своим глазам, увидев, какое количество соломы получилось из его золота. Король почувствовал великое облегчение, будто с его плеч сняли тяжелую ношу.

Но ведь у него оставалось еще много-премного золота, которое накапливалось в королевстве в течение двух веков. Поэтому король отвел Аду в комнату еще большего размера, полную золотых слитков, перенес туда Крути-Верти-Машину и сказал девушке, что желает видеть и эту комнату заполненной соломой не позднее следующего утра. Не то эту комнату заполнят свирепые ревизоры.

Король ушел. Ада снова заплакала. И снова внезапно отворилась дверь, и в комнату ворвался маленький человечек в каракулевой шубе и медвежьей шапке.

— Что же ты мне дашь, если я и ЭТУ кучу золота превращу в солому?

— Отдам мою сумочку, — ответила наша героиня. — Только предупреждаю, там нет ничего, кроме нескольких ненужных бумажек.

— Беру, — сказал вроде-бы-человек и снова уселся за работу.

К утру комната была битком набита соломой, а все золото исчезло.

Король, естественно, порадовался результатам прошлой ночи, но третья комната, наполненная золотыми слитками, по размеру равнялась двум предыдущим вместе взятым. Препроводив Аду туда и перетащив туда же машину, он сказал:

— Мы встретили два рассвета и еще один нам предстоит. Деточка! Куколка! Если ты СДЕЛАЕШЬ свою работу в этой огромной комнате так же хорошо, как и в двух предыдущих, то я СДЕЛАЮ тебя своей королевой!

Только король вышел, как дверь тут же распахнулась, и в комнату в третий раз ворвался вроде-бы-человек.

— Что ты мне дашь, кукленок, если я снова вытащу тебя из этого борща?

— Увы, — ответила наша героиня, — мне больше нечего тебе дать.

— Ох, ошибаешься! — сказал вроде-бы-человек. — Побещай отдать мне своего первенца.

«А почему бы и не пообещать? — подумала Ада. — Кто может знать, родится ли у меня ребенок? В любом случае, если я и рожу, то буду так же уверена в том, что с ним все будет в порядке, как и сейчас все будет в порядке со мной, если этот тип уничтожит всю кучу отвратительного золота». И после некоторых размышлений она пообещала человечку исполнить его просьбу. Пока сияли звезды, он снова превратил все слитки в солому. Соломы было столько, что ее хватило бы на всех подданных королевства.

Короля очень удовлетворила его бедность, и он сделал хорошеньюкую дочку мельника своей королевой.

Прошел год, и у королевы родился первый ребенок. Она никогда не вспоминала об обещании, данном ею вроде-бы-человеку. Но однажды ночью он ворвался в ее буфет и сказал:

— Я пришел получить плату за свою работу.

Королева ужаснулась и предложила ему все новые автомобили, недавно построенные бассейны и только что изобретенные электрооткрыватели консервных банок всего королевства, только бы он отказался от своих требований. Но маленький человечек покачал головой и сказал:

— Нет, кукленок, ты влипла. Заключила сделку — изволь исполнять ее условия. Но могу кое-что тебе предложить: если в течение трех дней ты узнаешь, как меня зовут, ребенок останется у тебя.

Всю долгую ночь королева ломала голову, но ничего не придумала. Тогда с наступлением утра она вызвала начальника разведки и приказала ему разослать по всему королевству шпионов, которые должны были выявить

людей с необычными именами. Потом она приказала осо-
бой службе, именовавшейся Бюро анализа ненормальных
названий, взять телефонные справочники и найти там са-
мые невероятные имена.

Проделав всю эту работу, она вдруг подумала, что у
вроде-бы-человека может быть самое обычное имя, и, ког-
да он ночью появился в ее будуаре, королева спросила:

— А вы, случайно, не Смит? Или Джонс? Или Браун?

После того, как он трижды отрицательно покачал го-
ловой, королева поняла, что она на правильном пути.

Благодаря усилиям БАНН, королева была подготовле-
на к следующей ночи. Она огорчила вроде-бы-человека
такими загадочными именами:

— Пизикьевич! Мискотач! Чичиков!

Но в ответ видела лишь отрицательное покачивание
головой.

Приближался третий день. Королева была близка к от-
чаянию. И в тот момент, когда она почти потеряла наде-
жду на спасение, к ней пришел один из агентов разведки
и рассказал удивительную историю.

— Прошлой ночью, — сказал он, — я проходил мимо
свалки подержанных машин неподалеку от дворца и об-
наружил там старый «кадиллак», в котором явно кто-то
жил. Перед «кадиллаком» горел костер, а вокруг костра
прыгал на одной ножке маленький человечек в караку-
левой шубе и медвежьей шапке. Он прыгал и весело пел:

— Скоро уж будет моим
Молодой королевы ребенок.
Денек подожду,
А назавтра придется забрать.
Схвачу, завернув его
В дюжину белых пеленок.
Рампельстилтскински
Прошу меня величать!

Легко представить, как улучшилось настроение коро-
левы! И когда ночью появился вроде-бы-человек, она этак
небрежно спросила:

— Кажется, вас зовут Рампельстилтскински?

Злоба исказила его лицо до почти неописуемого безобразия.

— Отдавай ребенка! — грубо крикнул он.

Королева не поверила своим ушам.

— Но, в соответствии с нашим последним договором, вы больше не имеете на него никаких прав! — воскликнула она.

— Какой еще договор? — нагло сказал Рампельстилтскински, взял ребенка и ушел.

Больше королева никогда с ним не встречалась.

Гилберт Грант ХОЧУ РУСАЛКУ!

Уит Хейнс отчаянно выругался, когда телефон зазвонил через секунду после того, как он бросил трубку. Он готов был проклясть идиота, таящегося на том конце провода, но при звуке женского голоса заставил себя успокоиться.

Звонила Дженис Грейсан.

— Привет, любимый!.. Отлично, а как ты?.. — Ему хотелось бы, чтобы ее голос звучал поживее. Когда говоришь с ней, всегда кажется, что она еще не проснулась. — Ланч? Я думаю, это возможно. В «Браво», двенадцать тридцать. Пока...

Повесив трубку, он вспомнил о предыдущем звонке, и его обычно приятное лицо сморщилось в гримасе отвращения.

Высокий, стройный молодой человек с открытым привлекательным лицом и жесткими черными волосами глубоко вздохнул и направился к кабинету, на котором висела табличка:

С. Б. Пейтон
Контроль платежей

С. Б. Пейтон отдал тридцать лучших лет своей жизни универмагу «Грейсан», и двадцать из них он возглавлял отдел контроля платежей. Низенький полный человек, казалось, всегда был готов к улыбке. Но если рассмотреть его лицо внимательно, поймешь, что ничего в нем не улыбается. Под припухшими веками скрывались холодные глазки, маленький, тонкогубый ротик с вечно загнутыми кверху уголками губ только делал вид, что улыбался, а сердце у этого человечка было размером с одноцентовую монетку.

В тот момент он сидел в своей излюбленной позе, сложив перед собой руки на поверхности стола и упервшись взглядом в точку пространства в двух футах выше правого уха Хейнса.

— Что произошло со счетом Дэвиса? — мягко спросил Пейтон.

— Ничего не случилось. Я сразу же...

— Ничего?! — Удивление, прозвучавшее в голосе Пейтона, заставило его приподняться. — Человек скрываетсь, а для вас это ничего не значит?

— Как я мог догадаться, что Дэвис собирается сбежать? — спросил Хейнс. Он пытался не возмущаться и говорить спокойно. — Я взял его карточку и отправился к нему домой. Он живет в трехэтажном доме в Кенморе. Однокомнатная квартирука с махонькой кухней. Дэвис сидел дома, и наша мебель стояла в комнате. Телевизор, диван и аквариум. Больше никакой мебели в той квартире не было. Я сразу ему заявил: или платите немедленно, или мы вывезем мебель обратно. Он умолял дать ему два дня отсрочки...

Глаза Пейтона были ледяными, словно их только что вынули из морозилки.

— И вы ему поверили?! Вы дали ему два дня отсрочки. Как мило! Я удивлен, что вы вообще не посоветовали ему принять вещи от нас в подарок.

Кулаки Уита непроизвольно сжались. Он с трудом заставил себя улыбнуться. Он знал, что если сейчас не улыбнется, то может сорваться и наговорить лишнего, в чем будет потом раскаиваться.

Уголки губ Пейтона еще больше поднялись, что должно было обозначать улыбку.

— Разумеется, — продолжал Пейтон, — с вашей стороны было благородно дать тому человеку отсрочку. В конце концов, он не заплатил нам ни пенни, не ответил ни на одно наше письмо, за два месяца ни разу не подошел к телефону и, насколько мне известно, задолжал за квартиру. От таких людей надо держаться подальше. К счастью, сегодня утром я нашел его карточку и послал вас принять меры. Только что возвратился наш грузовик.

Никого дома они не застали, зато удалось вернуть диван и телевизор. А если бы мы подождали еще два дня, как вам того хотелось, мы обнаружили бы совершенно пустую квартиру. Теперь же вам придется любой ценой отыскать и вернуть аквариум. Мы не можем допустить, чтобы нас морочили.

Уит не смог больше сдержаться.

Он наклонился вперед, и его рот оказался в нескольких дюймах от лица Пейтона.

— Но почему? Почему именно я? У нас есть специальный сотрудник, который выслеживает беглецов. Да, может, я и ошибся, но этот парень показался мнеальным и буквально умирающим с голода. Я не охотник, не загонщик, я не люблю травить людей.

Пейтон отклонился назад. Его пальцы выбивали нервную дробь по подлокотникам, голос звучал ходячим.

— Я вас, Хейнс, на работу не брал. Мистер Грейсан сообщил мне, что в течение этого года вы будете здесь работать. Это сообщение поступило ко мне полгода назад. Значит, еще шесть месяцев я не могу вас уволить. Но давайте договоримся на будущее: мне плевать, что вы собираетесь унаследовать этот универмаг, мне плевать, внук ли вы самого Р.С. Хейнса или просто клерк, который получил повышение. Этот отдел возглавляю именно я. И я делаю это так, как считаю нужным. Когда я приказываю вам сделать что-то, делайте — или подавайте заявление об уходе! Я с самого начала подозревал, что Дэвис — пустой номер. Так и оказалось. На следующий день после того, как он получил нашу мебель, он бросил работу. Может быть, он рассчитывал на то, что мы махнем рукой. Но мошенник глубоко ошибся. И в один прекрасный день он снова пойдет на работу. И вот тогда мы обрушим на него такой штраф за воровство! Он горько пожалеет, что так поступил с нашим универмагом!

Уит автоматически кивал, соглашаясь с начальником.

— Теперь о вас, Хейнс. Я хочу, чтобы вы его отыскали. Приступайте немедленно! Отправляйтесь по тому же самому кенморскому адресу и начинайте раскручивать.

Больше мне вам сказать нечего. Сами решайте, как лучше действовать.

Уит понял, что попался. Конечно, он мог бы отказатьсь и вообще уйти с работы. Мог бы, да не мог. Поэтому он побрел в свою комнаташку. И там он трижды снимал телефонную трубку и трижды клал ее на место.

Дженис Грейсан не любила, когда ее подводили.

На четвертый раз он решился и набрал номер.

Он оказался прав. Когда он признался, что должен отказаться от ланча, голос ее стал холодным и чужим.

— Но, дорогой, — произнесла она с укоризной, словно обращалась к дурачку, — ты же должен прийти. Ты не умеешь себя поставить. Ты забываешь, что в один прекрасный день станешь полноправным партнером Грейсанов.

Ну как ей объяснить, что невозможно оскорбить Пейтона неподчинением? Пейтон отлично понимает, что неподчинение ему означает пресмыкательство перед самой Дженис Грейсан.

— Ну хорошо, — произнесла Дженис, и слова падали у нее изо рта, как сосульки. — Обойдусь без твоего драгоценного присутствия, если твоя работа означает для тебя больше, чем мое общество. Прощай!

Она бросила трубку, а он пожал плечами и подумал: хорошо бы ее мрачное настроение развеялось к вечеру. Они заказали столик в ночном клубе, новом и самом модном в городе.

Ее звали миссис Лоренц. Она видела, как тот человек тащил большой аквариум по черной лестнице.

— Мне было его так жалко! Он показался мне страшно изможденным. Я подумала, что он обязательно свалится с лестницы...

Ее вставная челюсть плохо держалась, и ей приходилось улыбаться, не раскрывая рта. Стараясь сделать это незаметно, она поправила челюсть и добавила:

— Не представляю, как он управился.

— Хорошо, — сказал Уит. — Значит, он далеко не ушел. Если, конечно, аквариум не был пустым.

— Ни в коем случае! Он всю лестницу облил. Но, в любом случае, он сейчас уже далеко, куда дальше, чем вы думаете.

Брови Уита поднялись.

— Так этой миссис Хильд и надо! Не будет совать свой нос в чужие дела. Он спер коляску ее Билли. Понимаешь?

Миссис Лоренц зашлась в визгливом смехе. Челюсть снова вывалилась, и Уиту пришлось ждать, пока она вставит ее на место, энергично двигая губами.

— Я в окно его видела. Он поехал на север.

— Спасибо, миссис Лоренц! — Уит приложил два пальца к шляпе и поспешил вниз по черной лестнице.

Конечно, беглеца и след простыл. Но Уит надеялся на то, что человек, везущий большой аквариум на детской коляске, обязательно привлечет внимание.

Миссис Лоренц сказала, что он отправился на север. Не исключено, конечно, что он только сделал вид, что отправляется на север, чтобы обмануть эту миссис Лоренц.

Но до вечера оставалось много времени, и Уит отправился на восток, к большому озеру, которое располагалось в двух кварталах отсюда.

У отеля «Прибрежный» дежурил полицейский. Он не мог не заметить Дэвиса, если тот проходил мимо.

— Остановился у светофора, — сказал полицейский. — Странный парень. Чокнутый какой-то. Глаза сверкают, как уголья. И спрашивает у меня, где здесь есть пляж. Говорит, что ему надо искупаться рыбку. Мне хотелось, конечно, посмотреть, что за рыбку он волочит в аквариуме, но там было столько водорослей и тины, что ничего и не увидишь.

Уит поблагодарил полицейского, перешел на восточную сторону Шеридан-стрит и пошел вдоль берега озера.

Он закурил и принялся размышлять. Конечно, это псих. Какого черта ему понадобился аквариум? Ладно бы он потащил с собой диван — за него можно получить баксов двадцать. Телевизор нетрудно загнать и подороже... Но аквариум, пусть даже с рыбкой?

Двое мальчишек попали в поле его зрения. Они были в трусах и явно намеревались купаться. В воде виднелись

головы купающихся, а на узкой, замусоренной полосе песка загорали немногочисленные бездельники. Но ни Дэвиса, ни коляски, ни аквариума...

Уит нашел газету, расстелил ее на песке и стал смотреть на то, как солнечные зайчики играют на воде. На небе не было ни облачка, день выдался теплым и приятным. Уит старался думать о Дэвисе и аквариуме, но вскоре махнул на это дело рукой и погрузился в бездумное спокойствие.

Что-то больно ударило его в висок и, отскочив, упало на песок. Уит испуганно взглянул на резиновый мячик.

— Ой, простите, мистер, я нечаянно!

Уит увидел ясноглазого загорелого парнишку в трусах, которые были ему явно велики.

Еще один силуэт заслонил солнце, и другой голос произнес:

— Он нечаянно, мистер!

Эти слова произнес другой мальчик, похожий на первого.

Гнев, охвативший было Уита, сразу испарился. Он улыбнулся в ответ на их нерешительные улыбки.

— Ничего, я не сержусь. А вы, ребята, здорово загорели! Видно, торчите здесь с утра и до вечера.

— Ясное дело, мистер, — подтвердил второй мальчик, который был главнее. — Мы живем совсем рядом.

Он кивнул в сторону многоэтажного дома, нависшего над пляжем.

Дэвис сбежал два часа назад. Может быть, мальчишки его видели?

— Послушайте, ребята, — произнес он серьезно, и мальчишки почувствовали перемену интонации. Они перестали улыбаться и подошли к Уиту поближе. — Может быть, вы мне поможете...

— Всегда готовы, — ответил старший мальчик.

— Считайте, что это испытание вашей памяти. Вы были на пляже все утро. С девяти?

Мальчуганы кивнули.

— Кто-то утащил у меня детскую коляску, а сосед видел, что это был мужчина, который взгромоздил на коляску аквариум...

Ему не пришлось продолжать. Первая же попытка оказалась удачной. На их физиономиях появилось нетерпеливое выражение — им так хотелось все рассказать!

— Дай я скажу! — Старший мальчик оттолкнул своего брата, чтобы тот не вмешивался. — Он был такой чудак, что мы с Джимми пошли за ним. Мы шли, а он обернулся и велел нам уходить. Потом он крикнул на нас, и мы отстали, а он пошел вон туда.

Мальчик торжествующе указал пальцем вдоль берега.

— Мы с самого начала догадались, что дело здесь нечисто, мистер. Можно, мы с вами пойдем его ловить?

Уит поднялся и вытащил из кармана доллар, при виде которого глаза у братьев стали квадратными.

— Купите себе мороженого. Но чтобы поделить четно пополам, понял? — Слова Уита относились к старшему брату.

А сам Уит поспешил на север, куда показал мальчик.

Порой он шел по песку, затем песок прерывался асфальтовой дорожкой или бетонными плитами. Так что за час Уит успел миновать несколько пляжиков и уморился от жары.

Перейдя очередной пляж, Уит остановился у столба с обрывками проволоки, который остался от изгороди, никогда сбегавшей к воде. Проволока тянулась в воду, дугой втыкалась в дно и торчала наружу, словно ворота в водном поло.

Под ногами был сыпучий песок, перед ним обрывки проволочной изгороди. Перелезая через проволоку, Уит подумал: что же ему напоминает эта дуга? Может, это ручка коляски?..

Перед ним действительно была ручка коляски, и, чтобы убедиться в этом, Уиту пришлось забраться по пояс в воду. Зато он вытащил на берег не только похи-

щенную коляску, но и большой аквариум, принадлежащий универмагу.

Уит стоял в воде и размышлял о том, что Пейтон доброго слова не скажет, если он притащит аквариум в магазин. Он будет страшно разочарован тем, что Уит смог выполнить его задание.

Продвигаясь к берегу, где он оставил ботинки и носки, Уит заметил, что в аквариуме что-то движется.

Он склонился над аквариумом. Грязная вода взметнулась фонтаном, рыбка скользнула у самой поверхности и скрылась в водорослях.

Это была странная рыбка. Что-то в ней было неправильно. Например, руки... Руки? Руки!

День выдался жарким. Только что Уит в костюме мучился от жары, но тут его продрал озноб. Какие еще руки?! Ему уже черт знает что мерещится!

Рыбка снова поднялась к поверхности воды.

Широко раскрытые глаза, не отрываясь, смотрели на Уита. Эти глаза хотели что-то сказать человеку.

Руки Уита непроизвольно окунулись в аквариум.

Он нащупал скользкое тело рыбки. Хвост ее прищемили камешками на дне. Уит освободил хвост и, крепко схватив рыбку, вытащил ее из воды.

Он смотрел на нее, потрясенный.

Это была рыбка. Но это была и не рыбка.

И Уит понял, зачем Дэвису был нужен аквариум. Поэтому что в аквариуме он держал... русалку!

Махонькие губки раскрылись. Они двигались.

Уит поднес русалочку к уху.

— Эй, папаша, — проговорила русалка. — Вытащи меня отсюда! И поскорее! Скорее, а то это средство перестанет действовать.

Он не ошибся, русалка просила о помощи.

Его голос спросил за него:

— Куда?

— Не так громко! — взмолилась русалочка и прижала ручонку к губам.

Уит кивнул, он понял. Он прошептал:

— Куда я вас могу отнести?

Он поднес русалочку к уху.

— Положи меня в карман, папаша. И не бойся, я не задохнусь. Главное — рвем когти отсюда! Шевели лапками!

Она улеглась в боковом кармане пиджака — вся уместились.

Мальчишки, которые, оказывается, следили за ним, стояли у воды и заинтересованно смотрели во все глаза.

— Чего поймали, мистер? Краба?

— Или рыбу?

— А мы за вами следили!

Уит присел на песок и, не обращая внимания на свидетелей, надел носки и ботинки. Затем поднялся и строго сказал:

— Вали отсюда, малышня!

И они послушно удалились.

Он улыбнулся и сказал сам себе:

— А я ничего, могучий тип! Когда имею дело с десятилетками.

Он мог бы поклясться, что услышал в ответ:

— Кончай трепаться и давай быстрей в укромный уголок! Спрячь меня!

Его машина осталась в двух кварталах от отеля «Прибрежный», но русалка так торопила его, что как только Уит выбрался на улицу, он остановил такси. Уит жил в большом многоквартирном доме на Шеридан-стрит. Подходя к дому, он не обращал внимания на удивленные взгляды прохожих. Даже странный вопрос лифтера: «Вы купались, сэр?» — его не смущил.

Он совсем забыл, что брюки у него были мокрые, а рукава пиджака промокли, когда он ловил в аквариуме русалку.

На его этаже было всего две квартиры. Уит открыл дверь и сразу кинулся в ванную. Заткнув пробкой умывальник, он наполнил его до половины холодной водой.

— Вам здесь будет удобно? — спросил он, доставая русалку из кармана. — Или вам удобнее в ванне?

Пришлось поднести русалку к уху, чтобы услышать ее голосок:

— Хватит, достаточно. Только скорее!

Дрожащей рукой он опустил русалочку в воду.

И тут же услышал звонок в дверь.

Уит кинулся в коридор. Перед дверью стоял посыльный, держа в руке сложенный лист бумаги. Уит дал посыльному четверть доллара и развернул послание. Там было написано:

«Звонила мисс Грейсан и сказала, что будет вас ждать в ночном клубе».

Уит закрыл дверь и вернулся в квартиру. Выкинув послание в корзину для бумаг, он поднялся в спальню и переоделся. Он не переставал думать о пропавшем Дэвисе. Что случилось с этим человеком? Зачем он оставил аквариум в озере? Намерен ли он возвратиться?

Уит спохватился, заметив, что смотрит на чужое лицо. Два чувства отражались на этом лице — удивление и недоверие. «Господи, так это же мое собственное лицо!»

Русалочка! Как он мог хотя бы на мгновение забыть о ней?

Уит кинулся к ванной, проехал на коврике и ударился носом об угол. Из глаз посыпались искры, и свет померк.

Когда к нему вернулось зрение, Уит потряс головой. По плиткам пола застучали капли крови из разбитого носа. Он вытащил платок и прижал его к носу, а потом открыл дверь в ванную.

Ее груди были белыми, круглыми, упругими и находились так близко от его кровоточащего носа, что он зажмурился. Такой красоты он еще в жизни не видел.

Когда же через мгновение он заставил себя открыть глаза, то его взгляд совершил путешествие от грудей к голове, и тогда все его лицо сравнялось в цвете с носом.

Вытянувшись в ванне во весь немалый рост, перед ним лежала невероятная, роскошная красавица, подобной которой он не только никогда не видел, но и не надеялся увидеть.

Ее волосы были цвета только что выплавленной меди, глаза казались голубыми колокольчиками, а розовые губы напоминали лепестки розы.

— При-вет! — Голос ее оказался глубоким, чуть хрипловатым и манящим.

Он непроизвольно ослабился.

— Я тебе нравлюсь, папаша?

Рот его расплылся до ушей.

— Тогда перестань облизываться, Джек, и принеси мне во что одеться. Маленькой Мейбл не улыбается провести оставшуюся жизнь в ванне.

Он задом выбрался из ванной, мысленно повторяя:
«Папаша... Джек... Мейбл... Одеться...»

Все происходящее находилось за гранью здравого смысла.

Что произошло?

Он положил в умывальник махонькое существо, полурыбу, полуженщину, карикатурное создание дюймов шесть ростом. Когда через несколько минут он вернулся, то обнаружил в ванне прекрасную рыжую незнакомку. У русалочки был хвост, а у этой... Его потом прошибло, когда он вспомнил, на что он глазел только что. Совершенно очевидно, что у рыжей девицы не было никакого хвоста, но формы ее божественного тела...

«Одежда! Боже мой, в моей ванне лежит голая женщина! А Дженис за мной вечером заедет!» Мысли взрывались в его голове, как воздушные шарики. И тут же он вздохнул с облегчением. Нет, они же встречаются в ночном клубе. Но одежда для русалки — как ее достать? Не может же он держать дома русалку!

Он отнял от носа платок, поглядел на него с содроганием и швырнул в мусорное ведро. Его нос увеличился втройку. Но хоть кровь перестала идти. Затем Уит достал зажигалку и нажал на рычажок. Ярко вспыхнул огонек. Он долго держал зажигалку перед носом и ждал. Ничего не произошло. Он ведь забыл вставить в рот сигарету.

Он спрятал зажигалку и сказал себе: «Приди в себя, мой друг! Ты знаешь, что все это тебе не мерещится, но если рассказать об этом любому нормальному человеку, он тут же вызовет «скорую помощь» из психушки. К тому же в этой истории есть несколько белых пятен.

Так что давай сначала достанем ей кое-какую одежду, а потом начнем задавать вопросы. И не забудь позвонить Пейтону».

Женщина в магазине готового платья ждала ответа на вопрос, какого размера женская одежда нужна джентльмену. Глаза ее чуть не вылезли из орбит, когда Уит постарался обрисовать форму русалки с помощью рук. Он покраснел до корней волос.

— Простите... но я не знаю, какой у нее размер. Она вся такая... такая...

Продавщица строго сказала:

— Продолжайте!

Это не помогло, потому что Уит снова перешел на язык жестов. Продавщица смилиостивилась и даже улыбнулась.

— Думаю, что я почти вас поняла.

— Конечно, вы меня поняли! И дело вовсе не в размере!

Не важно, что подумала продавщица, но и белье, и платье пришлись словно по мерке. Уит приоткрыл дверь в ванную и забросил ворох одежды внутрь. Приглушенный голос поблагодарил его. Прошло несколько минут. Затем дверь ванной отворилась.

У молодого человека перехватило дух. Не важно, была ли Мейбл русалкой или родилась на суше, но вид ее был спасательным кругом для усталого взора и ленивых гор-монов.

С трудом оставаясь джентльменом, Уит предложил Мейбл руку и проводил ее к мягкому дивану, раскинувшемуся перед искусственным камином. Он улыбнулся в ответ на ее вопросительный взгляд.

— Давай считать, что мы с тобой давно знакомы, — предложил он, — и нам ни к чему притворяться. Хорошо?

— Согласна, Джек.

— Тогда начнем с того, что я не Джек. Меня зовут Уит Хейнс.

Русалка откинулась на спинку дивана, и ее тяжелые волосы волной разлились по обивке. Запах чистых волос был столь одуряющим, что Уит почти забыл, что же он

собирался сказать. Но все же ему удалось взять себя в руки.

— Замечательно. Раз уж мы обо всем договорились, то я хочу тебе сообщить, что считаю себя умным и наблюдательным человеком. Поэтому я верю своим глазам. И тому, что они сейчас видят. Но пока у меня нет всему этому объяснения. Пожалуйста, помоги мне.

— Начать сначала?

Он кивнул.

— Хорошо. Ты сам напросился. Моя история начинается во времена заката богов. Тогда наш отец Нептун решил, что его детям лучше скрыться, исчезнуть. Смертным никогда не понять русалок. — Она поправила волосы. — Отец напомнил нам, что мы бессмертны. Единственный способ спрятать нас от чужих глаз — уменьшить до ничтожных размеров. Сказано — сделано, и мы стали такими, как та рыбка, которую ты вытащил из аквариума. Затем он выпустил нас в море и наставил на правильный путь. После этого каждая из нас поплыла своим путем. Что, трудно поверить?

— Самое место — в книге рекордов Гиннеса, — заметил Уит. — Продолжай. При чем тут этот тип, Дэвис? Как вам удалось встретиться?

Она затряслась от хохота.

— Вот именно — тип! Ты не поверишь! Да я и сама бы не поверила. Ты решишь, что это фантастика.

— Пока что фантастикой и не пахло, — сказал Уит. — Самое время начать.

— Мы встретились с Дэвисом в пакете с мороженой рыбой. Честное слово!

— А что этот Дэвис делал в пакете?

— Глупенький, это не он там был, а я! И я сама виновата. Погналась за стаей сардин в Бискайском заливе, и тут — ба-бах! Гонки кончились. Я потеряла сознание, а когда пришла в себя, оказалось, что я лежу в вонючем трюме в куче из десяти тысяч сардин. Они меня чуть не задавили. Потом нас вытащили из трюма, спустили сквозь сито, рассыпали по пакетам и заморозили. Хорошо еще, что не пустили меня на рыбную муку или шпротный

паштет. А этот тип, Дэвис, любит рыбу. Кушать любит, а не что-нибудь. Так что он меня разморозил и опустил в кастрюлю. Голую, в чем мать родила. Тут я запищала, и он сообразил, что на сардину я совсем не похожа. Сначала он мной заинтересовался только как ученый. Он втыкал в меня иголки и мерил температуру. Но потом в нем что-то щелкнуло, и он стал интересоваться мною... ну, сам понимаешь! Я лежу перед ним совершенно голая, в таком же виде, как ты меня наблюдаешь. Хотела бы я встретить мужика, который мной не заинтересуется... Короче: он вкатил мне укол микстуры, которая возвращает меня в мелкое состояние, и отнес в озеро. Вот и все о моих отношениях с мистером Дэвисом.

Голова Уита кружилась, как на карусели. Он верил каждому ее слову, но почти ничего не понимал.

— Ладно, допустим, я тебе поверил, — сказал он. — Но зачем он купил диван и телевизор?

— Это я потребовала. Обожаю смотреть телевизор. Как-то один чудик пришел на озеро с портативным телевизором и стал его крутить прямо на пляже. Я влюбилась в телевизор с первой минуты.

— А диван?

— На чем же мне лежать, когда я смотрю телевизор?

— Мейбл, ты сказала, что он сделал тебе укол и вернул в мелкое состояние. Расскажи об этом подробнее.

— Во-первых, никому не нравится, когда ему втыкают иголку в самую красивую и нежную часть тела. Поэтому я даже не смотрела, что он в меня впрыскивал. Он же психованный! Он сам с собой разговаривает. Химик он, вот кто! После того как я ему попалась, он бросил работу и стал изобретать средство, чтобы снова сделать меня маленькой. Это было мучение! Он вколет в меня сыворотку, я стану маленькой, потом минут через пять возвращаюсь в крупное состояние. Я ведь маленькая только в воде, а на суще ты меня от обычновенной красавицы не отличишь. Сегодня с утра он мне сделал укол. А потом сунул в аквариум.

Уит задумался, пытаясь переварить ее рассказ. Мейбл беспокоилась. Она поправляла складки на юбке и расстегнула блузку. Потом она принялась за его галстук. Раза

три его завязала и развязала. В процессе борьбы с галстуком она притянула его голову к себе, и ее губы оказались всего в сантиметре от его губ. Аромат ее тела и тепло дыхания сводили его с ума.

Он подумал, что ее губы не могут быть такими нежными и соблазнительными, как кажется.

Но жестоко ошибся.

Прошло несколько минут. Наконец она отстранилась и откинулась на спинку дивана.

— А ты сладенький, — сказала русалка. — Настоящий папашка. Поведай мне о себе, крошка.

Уит чуть не расхохотался. Подумать только: он сидит на диване с настоящей русалкой, губы еще не обсохли после ее поцелуев. Мороженая русалка из пакета с сардинами! Этого не увидишь даже в самом диком сне!

Она ткнула пальчиком ему под ребро.

— Чего сидишь, как глупый налим? Скажи, как ты вляпался в эту историю?

Он принялся конспективно излагать ей историю своих приключений, но не удержался и пустился в подробности. Он поведал о завещании его дедушки, Р.С. Хейнса, который поставил условием ввода в наследство, состоявшее из половины акций универмага Грейсан, его годовой контракт с фирмой, причем работать он должен был в отделе контроля платежей. Потом Уит принялся жаловаться на мистера Пейтона, перешел к воспоминаниям о своем детстве, юности, учебе в университете и дошел наконец до Дженис Грейсан.

— Значит, она красивая? — спросила русалка.

Уит кивнул. И тут же взвыл от боли и принялся тереть бедро.

— С чего это ты вздумала вонзать мне в ногу свои когти?

— Как может быть красивым айсберг, которому нет дела ни до чего, кроме денег, денег и еще раз денег? — мрачно заявила русалка. — Вкус у тебя, я скажу, отвратительный.

Сначала он удивился ее тону, потом разозлился на нее, а затем понял, что в душе он думает о Дженис точно так

же. Просто он привык к ней, привык к мысли о том, что они соединяются узами брака и объединяют в одной семье все акции универмага. А сейчас впервые взглянул на нее объективно и понял, что на самом деле она холодная, эгоистичная, властолюбивая... Но какое дело до этого наглой рыбки?

— С чего ты взяла, что она такая? — возмутился он.

— Я тебе докажу, что я права. Встречусь с ней, и ты увидишь, как из нее весь навоз наружу полезет. Только возьми меня с собой в ночной клуб.

— И не мечтай!

Она прикрыла глаза. Легкая тень улыбки играла в уголках ее губ.

Швейцар улыбнулся Уиту, но когда он увидел, с кем явился господин наследник престола, то зашатался и восхликал:

— Сегодня ночью наш клуб — центр мира!

Уит отдал гардеробщице шляпу и провел Мейбл к столику, который всегда был зарезервирован для него и Дженис.

Подбежали официанты.

Уит заказал себе виски с содовой, а Мейбл предпочла двойной бурбон.

Он старался не встречаться с ней глазами, потому что когда смотришь ей в глаза, ни о чем другом думать ты не в состоянии.

А Уиту надо было подумать.

Ситуация, в которой он оказался, была невыносимой и нетерпимой. Утром он покинул свой кабинет, чтобы выяснить, куда делся неплательщик, а сейчас он сидит в центре ночной жизни за одним столиком с русалкой. Что-то надо делать!

Но что?

Официантка поставила бокал с бурбоном перед Мейбл.

— Дэвис всегда пил эту гадость, — сказала русалка. — Я подумала, а не попробовать ли и мне выпить то же самое, но без него?

И тут Уит сообразил, что единственный разумный путь — это непрерывно заказывать двойные порции себе и ей. И чем больше они выпьют, тем светлее станет будущее.

Мейбл как раз приканчивала четвертый двойной бурбон, когда в зал вошла Дженис.

Она решительно подошла к столику и уселась. Уит почувствовал, что он до отвращения трезв.

Мейбл туманно улыбнулась невесте Хейнса и поднесла ко рту бокал, но промахнулась, и бурбон полился на плечо.

— Жалкое зрелище, — ледяным тоном сказала Дженис.

— Што жрелище? — заинтересовалась Мейбл. Язык не очень ее слушался.

— Все, что здесь происходит, — пояснила Дженис.

— Поагаю, что эта... и ешшь мыш Грейсун, — громко заявила Мейбл. — Холодная, крашшивая мыш Грейсун.

Уит хотел было оборвать невоспитанную русалку, но любопытство пересилило. Он откинулся на стуле и сделал вид, что ничего не видит и не слышит.

— Простите, — сказала Дженис.

Ее голосом можно было заморозить роту обычных девушки, но только не русалку с таким боевым прошлым.

— Уит... Уиттик вше мне о тебе скажал.

Мейбл пыталась перекричать оркестр. Она покачивала пальчиком перед глазами, грозя собеседнице. Палец настолько ей понравился, что она принялась разглядывать его, и прошло не меньше минуты, прежде чем она догадалась, что палец, такой чудесный, длинный палец, принадлежит ей самой. Она перевела взгляд на свой бокал и обнаружила, что он пустой.

— Уиттик, — взмолилась она, — жакажи мне двойной бурбон-мурбон. Ой, прости, я хотела сказать мурбон-пурпон...

Уит сделал официантке знак.

Дженис решила игнорировать русалку. Она обернулась к Уиту и сказала:

— Я полагала, что ты уважаешь меня хотя бы настолько, чтобы не ставить в такое глупое положение.

— Слово «уважение» не из твоего лексикона, — легкомысленно ответил Уит. — Я даже и не подозревал, что оно тебе знакомо.

Дженис прикусила нижнюю губу. Уит оказался крепким орешком, да и вся ситуация была непростой. И неожиданной. Она была уверена, что Уиту до такого никогда не додуматься. И найти себе такую дешевку! Даже волосы покрашены в пошлый рыжий цвет. А эти тряпки! Не иначе, как она купила их на распродаже в грязном подвале.

Оркестр заиграл медленный танец.

Дженис перешла в наступление. Она поднялась и вопросительно поглядела на него. Уит послушно встал и сказал Мейбл:

— Не спеши с этим бурбоном, а я скоро вернусь.

Дженис чудесно танцевала. На какие-то секунды Уит забыл о русалке и отдался танцу. Но Дженис не умела вовремя молчать.

— Это что за девка? — спросила она. — Где ты ее откопал? И какого черта ты приволок ее в приличное место, где у тебя назначено свидание со мной?

— Ее зовут Мейбл, — ответил Уит, — и она — самая настоящая русалка. Мы встретились на пляже.

В глазах Дженис загорелось понимание. Уит попросту пьян! Как же она сразу этого не увидела!

— О, мой бедный мальчик! Я все понимаю. Этот старый идиот Пейтон расстроил тебя своими придирками, и тебе не удалось побеждать со своей любименькой крошкой, из-за чего ты и напился, как сапожник.

Лучше бы Дженис промолчать. Уит многое прощал ей, но терпеть не мог, когда она называла себя крошкой.

— Нет, — передразнил он ее. — Этот старый идиот Пейтон ничем не расстроил твоего мальчика. Я тебе честно признаюсь: старина Пейтон — лучший человек во всем универмаге.

— Не устраивай сцен! — оборвала Уита Дженис. — Люди смотрят.

Она не выносила сцен и вообще любого проявления чувств.

— Пускай люди смотрят, — сказал Уит, — если им интересно.

— Можжж мне следущши танец? — раздался голос Мейбл, которая увидела, что они остановились, и решила воспользоваться моментом.

— Убирайся! — закричала Дженис.

Лицо Мейбл закаменело, рот превратился в тонкую линию.

— Я хочу танцевать с Уитом, — заявила она. — Ты ушшла бы! И это вожжми ш шобой.

Это оказалось рыбой.

Когда Мейбл протянула ее Дженис, та непроизвольно схватила рыбу, но тут же завизжала и бросила ее на пол.

Пары вокруг остановились, прислушиваясь к скандалу.

Когда же Дженис завопила, замерли все, включая оркестр.

— Где ты рыбку раздобыла? — удивился Уит.

Мейбл быстро пошевелила руками, и Уит увидел, что она держит еще одну рыбку.

Она кинула рыбку Уиту, и тот не удержал ее в руке.

— Как она смеет! — голос Дженис напомнил Уиту крик осла.

— Такая машишенькая рыбка, и она уше плашшет, — сказал Мейбл. — А вот смотри!

Она приблизилась к Дженис вплотную и загородила ее от Уита.

Когда же русалка отступила в сторону, все увидели, что Дженис рвет ногтями вечернее платье и притом отплясывает некий народный танец.

Вокруг зазвучали аплодисменты и веселые крики — уж очень забавно подпрыгивала и металась по залу наследница универмага «Грейсан». Руками она старалась вытащить что-то из-под задранной юбки.

Когда Дженис справилась с бедой, оказалось, что она держит обеими руками тяжелого четырехфунтового лосося. Лосось глухо брякнулся об пол и запрыгал в угол. Дженис ахнула и потеряла сознание.

Уит посмотрел на девушку, лежавшую на полу, затем на другую, которая стояла рядом с ним, и принял решение. Он схватил Мейбл за руку и потащил к двери. Его машина стояла недалеко от клуба. Уит бросился к ней, и Мейбл неслась за ним, как хвост кометы. Он открыл дверцу автомобиля и затолкал русалку внутрь.

Неприятный голос произнес над ухом:

— Я уж и не чаял тебя увидеть.

Уит обернулся и увидел Дэвиса. Что-то твердое ткнулось ему в спину.

— Это пистолет, — пояснил Дэвис, залезая следом за девушкой. — Я сяду на заднее сиденье.

Уит завел машину и медленно отъехал от тротуара. Холодная ярость узлом завязала его внутренности.

— Куда хотите ехать? — спросил Уит.

— Мы поедем на пляж, где я оставил аквариум.

От ночного клуба до озера было не меньше трех миль. Уит старался ехать как можно медленнее. Нужно было найти выход из положения. Он был убежден, что Дэвис — псих.

— Как вам удалось все так ловко проделать? — спросил Уит весело. — Я-то думал, что вам нас никогда не найти.

— Это было несложно, — ответил Дэвис. — Я вернулся за аквариумом, в котором оставил мисс Мейбл, и увидел, что он пуст. Я навалил там камней так, чтобы она не могла освободить хвост. Утонуть она тоже не могла. Значит, ее кто-то унес.

— Разумно, — согласился Уит.

— На песке играли двое мальчишек. А дети знают цену деньгам. Я спросил, кто забрал что-то из воды? Они мне вас описали. Осторожно!

Крик относился к Уиту, который чуть не задавил полицеяского.

Уит перевел дух и аккуратно свернул в нужном направлении.

— Значит, есть кто-то, — продолжал Дэвис, — кто знает об аквариуме и о его содержимом. Почти наверняка это че-

ловек из «Грейсана». Тогда я позвонил в универмаг, и мне дали телефон вашего начальника. Мистера Пейтона. Я сказал ему, что достал денег заплатить за аквариум. Кому следует заплатить? Пейтон дал мне ваше имя и адрес.

Уит поклялся себе, что если когда-нибудь он унаследует половину универмага «Грейсан», то первым делом выскажет Пейтону все, что о нем думает, а потом с наслаждением вышибет его с работы!

— Даже посыльные и лифтеры знают цену деньгам, — не унимался Дэвис. — Это относится и к мальчишке в вашем доме. Он сообщил мне, что принес вам записку от мисс Грейсан, в которой она сообщала, что встретится с вами в ночном клубе. Мне только оставалось позвонить мисс Грейсан, представиться метрдотелем ресторана и попросить ее уточнить время, на которое ей требуется столик. Мисс Грейсан, конечно же, не отказалась мне в такой информации. Правда, все просто?

— Я потрясен вашей находчивостью, — холодно сказал Уит. — Так что можно переходить к делу. Что вам от нас нужно?

— От вас? — удивился Дэвис. — С каких пор вы стали заботиться о ней? Вы что, забыли: она же не человек, а русалка! Она вообще-то бессмертная. Полубогиня, как и все детишки Нептуна.

— Мне плевать на то, чья она дочка, даже если ее мама жила в старом башмаке. Что вам от нас надо?

— Практически ничего. Но, к сожалению, вы встали на моем пути. Мне придется вас убрать, хотя бы на время. А вот от Мейбл мне нужно немало.

Уит почувствовал вкус крови во рту, оказывается, он прокусил себе губу. Кровь отдавала солью и железом. Голос Дэвиса звучал мелодраматично, но смысл его слов был предельно ясен. Уит незаметно кинул взгляд на девушку. Она сидела, откинувшись на спинку сиденья. Ее глаза были прикрыты, длинные ресницы кидали тень на нежные щеки. Дыхание ее было ровным и глубоким, губы — желанными.

Нет, бросаться на него опасно — Дэвис прижимает дуло пистолета к его боку.

Уит остановил машину у бетонной балюстрады, отделяющей дорогу от пляжа.

— Приехали, — сказал он.

Дэвис ткнул дулом пистолета в бок девушке, словно стараясь ее разбудить. Она посмотрела на пистолет без особого волнения. Он ничего для нее не значил. Дэвис сказал:

— Давай, Мейбл, вылезай и бери с собой дружка.

Уит открыл переднюю дверцу и вылез на дорогу. Мейбл последовала за ним. Дэвис встал за их спинами, его узкие темные губы кривились в злобной ухмылке.

— Идите к воде, — приказал он. — Я скажу вам, когда остановиться.

Они дошли до самой воды, прежде чем он их остановил.

По пути они миновали несколько человек, лежавших на песке. Но там, где они остановились, никого не было.

Уит оглянулся. Впрочем, смотреть было не на что. Почти полная луна висела над горизонтом на юго-западе, но давала мало света. Через несколько минут наступит полная темнота. К тому же, фонари на пляже уже выключили.

— Мы здесь одни, — прошипел Дэвис. — Никто нас не потревожит. У меня есть для тебя подарочек, дорогая. Видишь шприц?

Мейбл прижалась к Уиту. Она дрожала.

— Нет! Я больше не хочу!

— Нет, Мейбл, надо! В последний раз. На этот раз ты останешься маленькой навсегда!

— Но я хочу быть большой, я хочу быть настоящей женщиной!

— Мало ли чего ты хочешь! Ты нужна мне для проведения важных опытов! А ну, иди сюда!

Как загипнотизированная, Мейбл сделала первый шаг. Дэвис ухмылялся. Она сделала второй шаг, третий...

— Вот и молодец! — сказал Дэвис. — А теперь мы отделяемся от свидетелей.

Пистолет повернулся в сторону Уита. На скулах ученого ходили желваки.

Уит скорее почувствовал, чем увидел, как указательный палец Дэвиса нажимает на курок.

Дэвис совершил только одну ошибку.

Для того чтобы застрелить Уита, ему надо было глядеть на свою жертву. А это означало, что на какое-то мгновение его взгляд оторвался от девушки. Достаточно, чтобы она успела...

Мейбл вцепилась в правую руку Дэвиса и вонзила ногти в запястье.

Пистолет выстрелил, но пуля ушла в небо. Уит успел схватить Дэвиса за другую руку и дернуть к себе. Дэвис был ниже его ростом, легче и, конечно, уступал в силе.

Но в то мгновение он был силен силой сумасшедшего. Он отбросил Мейбл, и девушка упала на песок. Но Уит его не выпустил.

Это была скватка без правил. Дэвис кусался, царапался, отбивался ногами, и Уиту ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Но в конце концов Уит взял верх. Пистолет выпал из пальцев Дэвиса и беззвучно упал на песок. Уит удовлетворенно хмыкнул и наклонился, чтобы поднять оружие.

Игла вошла в его мышцу на всю длину.

Стремясь к пистолету, Уит забыл о шприце. Дэвис же помнил о своем втором оружии и при удобном случае всадил его в плечо соперника.

Уит не сообразил, что произошло. Он поднял пистолет и развернулся, держа его в руке.

— Назад! — крикнул он. — Назад, или я пристрелю тебя, как ядовитую змею!

Дэвис скорчился, как от боли. Из его глотки вырывался хриплый смех.

— Ну и ну! Сыворотка досталась другому! Черт знает, что теперь с тобой будет...

Ему не пришлось долго ждать.

Уит почувствовал, словно его рвут на части.

Каждый нерв, каждая мышца, каждая кость в нем кричали от боли. Словно неведомая безжалостная сила мяла и выкручивала его. Крик Мейбл заставил его взглянуть на девушку. Глаза ее были полны ужаса.

— Уит... Уит! Ты уменьшаешься!

В полутьме Уит разглядел лицо Дэвиса. Оно было исказлено в торжествующей гримасе. Уит понял, что через несколько секунд он будет беспомощной игрушкой в руках Дэвиса. Пистолет и так уже наливался тяжестью, словно он держал в руке пушку.

Ему пришлось нажать на курок обеими руками.

Дэвис шагнул вперед, дернулся и упал ничком. Под его телом на песке распылвалось темное пятно. Никогда ему больше не сделать ни одного укола.

Жуткий глубокий рев донесся со стороны воды. Уит и Мейбл сжались от ужаса. И тут Уит понял, что видит морского бога — Нептуна.

Мейбл узнала отца.

— Скорее, отец! Сделай что-нибудь! Он спас мне жизнь... Да посмотри же, что с ним творится!

Бородатый бог с высоты посмотрел на Уита. Он приподнял сверкающий трезубец и направил его острия на молодого человека. И боль сразу прекратилась.

Затем его внимание переключилось на дочь.

— Я так беспокоился о тебе, доченька, — громовым голосом произнес Нептун и опустил тяжелую ладонь на ее плечо. В одно мгновение Мейбл преобразилась.

Одежды спали с нее, и тело уменьшилось до размера Уита. Вместо ног у Мейбл оказался длинный хвост, на котором она умело балансировала.

Старый бог подхватил маленькое тельце дочери и понес его в глубину.

— Мейбл! — закричал Уит. — Погоди, Мейбл!

Нептун остановился, поднес дочь к уху и внимательно выслушал все, что она ему шептала. Несколько раз он покачал головой. Затем обернулся к фигурке человека, распростертой на песке.

— Что ты хочешь сказать, смертный? — спросил он.

— Не отнимайте ее у меня! Я ее люблю. Вы можете понять, что это значит?

— Это бывало, — согласился Нептун. — Смертные любили моих дочерей. Но нам интересно было бы узнать о твоих отношениях с Дженис и об условиях наследства.

— Если Дженис хочет, она может забирать весь универмаг, включая мистера Пейтона. Я же хочу только Мейбл и никого больше!

И тогда Нептун вновь взмахнул своим трезубцем. Налетел порыв ветра, закрутился вихрь, и в его центре оказались Уит и Мейбл плечом к плечу.

С легкой улыбкой Мейбл посмотрела вниз, и он обратил свой взор туда же. Он увидел длинный, блестящий хвост.

И вдруг Уит рассмеялся. Он не мог остановиться.

— Лапочка моя, — воскликнул он, — я забыл тебе сказать самое главное. Из меня не получится русал. Поэтому что я не умею плавать.

— Плавать? Да я научу тебя плавать, как научу и всему остальному, — ответила она.

Он не сразу понял, что она имеет в виду, но когда ее горячие губы коснулись его рта, он сообразил, что означали ее слова.

Наверху в облаках светилось лицо Нептуна. Бог произносил загадочные заклинания. Казалось, это рычат волны, набегая на берег.

И у ног Нептуна две фигурки соединились в объятии. Их хвосты переплелись, как коса.

— Давай отложим уроки плавания и займемся другими уроками...

Ее губы ответили ему так, как он сам того желал.

ИСТОЧНИКИ

Леонард Уибберли. Мышь, которая зарычала

© **The Mouse that Roared by Leonard Wibberley, 1954**

N.Y., Little Brown & Co, 1955.

Перевод К. Сопинской

Уильям П. Макгиверн. Монстры мистера Диттмана

© **Mr. Dittman's Monsters by William P. McGivern, 1954**

Fantastic, 1954, vol. 3, no. 1, January-February,
pp. 95-101.

Перевод И. Можейко

Дж. Ф. Макинтош. Мерлин

© **Merlin by J. F. McIntosh, 1960**

Fantastic Science Fiction Stories, 1960, vol. 9, no. 3,
March, pp. 6-49.

Иллюстратор M. Varga

Перевод К. Сопинской

Фрэнк Фримен. Гоните его прочь!

© **Wish It Away by Frank Freeman, 1954**

Fantastic, 1954, vol. 3, no. 1, January-February,
pp. 60-62.

Иллюстратор A. Marin

Перевод К. Сопинской

С. Х. Лидделл. Одиссея Йиггара Тролга

© **The Odyssey of Yiggara Throlg by C. H. Liddell [Henry Kuttner and C. L. Moore], 1951**

Startling Stories, 1951, vol. 22, no. 3, January,
pp. 104-117.

Иллюстратор не указан

Перевод К. Сопинской

Бертрам Чандлер. Половина пары

© The Half Pair by Bertram Chandler, 1957

New Worlds Science Fiction, 1957, vol. 22, no. 65,
November, pp. 89-93.

Перевод К. Сошинской

Пирс Энтони. «Не кто иной, как я...»

© None But I by Piers Anthony, 1969

If, 1969, vol. 19, no. 8, October, pp. 28-52, 160.

Иллюстратор J. Gaughan

Перевод И. Можейко

Роберт Ф. Янг. Рампельстилтскински

© Rumpelstiltskinski by Robert F. Young, 1965

Amazing Stories, 1965, vol. 39, no. 6, June, pp. 42-45.

Перевод К. Сошинской

Гилберт Грант. Хочу русалку!

© Make Mine a Mermaid by Gilbert Grant, 1950

Amazing Stories, 1950, vol. 24, no. 7, July, pp. 136-151.

Иллюстратор L. R. Summers

Перевод И. Можейко

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кир Булычев. Хрупкие страницы</i>	5
Леонард Уиббирли	
Мышь, которая зарычала	11
Уильям П. Макгиверн	
Монстры мистера Диттмана	133
Дж. Ф. Макинтош	
Мерлин.....	143
Фрэнк Фримен	
Гоните его прочь!.....	186
С. Х. Лидделл	
Одиссея Йиггара Тролга	190
Берtram Чандлер	
Половина пары.....	213
Пирс Энтони	
«Не кто иной, как я...»	219
Роберт Ф. Янг	
Рампельстилтскински	256
Гилберт Грант	
Хочу русалку!	262
<i>Источники</i>	289

Библиотека юмористической фантастики

МЫШЬ, КОТОРАЯ ЗАРЫЧАЛА

Сборник юмористической фантастики

Перевод с английского

Издание подготовлено при участии
Любительской ассоциации
библиографов и исследователей
творчества Кира Булычева
«ЛАБИринТ КБ»
(Россия)
и Союза обществ дружбы (Лигон)

Составитель *Кир Булычев*
Редактор *М.Ю.Манаков*
Компьютерный набор и верстка: *Н.Б.Гаврилов*
Корректор *К.В.Ратников*

Подписано в печать 20.02.2020.

Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «Школьная». Бумага ВХИ.

Уч.-изд. л. 11,69. Усл. печ. л. 15,33.

Тираж 20 экз. Заказ №2020-1.

Лигонское государственное книжное издательство «Кангем».

Отдел литературы на иностранных языках.

Республика Лигон, г. Лигон, Университетская, 93.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии г-на Матура.

Республика Лигон, г. Лигон, Серебряная долина, 18.

